

В. Мегре
АНАСТАСИЯ

Книга 4
СОТВОРЕНИЕ

Санкт-Петербург.:
“Диля Паблшинг”, 1999. — 224 с.

Существуют ли в дошедшей до нас литературе более живой образ Бога, чем в этой книге,
судить вам, уважаемые читатели.

© Мегре В., 1999

ВСЁ ЭТО И СЕЙЧАС СУЩЕСТВУЕТ!

— Я расскажу тебе о сотворении, Владимир, и тогда сам каждый на свои вопросы ответы сможет дать. Пожалуйста, Владимир, ты послушай и напиши о сотворении Создателя великом. Послушай и Душой понять попробуй стремления Божественной мечты.

Анастасия произнесла эти фразы и растерянно замолчала. Смотрит на меня и молчит. Наверное, потому она растерялась, что почувствовала или увидела на моём лице недоверие к тому, что она может сказать о Сотворении, о Боге.

А почему, собственно, во мне или в других людях не должно возникать недоверие? Мало ли что может нафантазировать пылкая отшельница! Никаких доказательств исторических у неё нет. Если кто и сможет доказательно говорить о прошлом, так это историки или археологи. А о Боге в Библии говорится и в книгах других вероисповеданий. В разных книгах. Только почему-то там по-разному о Боге говорится. Не потому ли, что доказательств веских нет ни у кого?

— Есть доказательства, Владимир, — вдруг уверенно и взволнованно произнесла Анастасия в ответ на мой немой вопрос.

— И где они?

— Все доказательства, все Истины Вселенские в каждой Душе людской сохранены навечно. Неточность, ложь не могут долго жить. Душа их отвергает. Вот потому трактатов разных множество подбрасывают человеку. Потребно лжи всё новое и новое обличье. Вот потому чередой меняет человечество своё общественное обустройство. Стремится в нём утерянную истину найти, меж тем всё дальше от неё уходит.

— Но кем и как доказано, что истина у каждого содержится внутри? В душе, или еще где в человеке? И если есть она, так почему таится?

— Напротив, каждый день, пред взором каждым предстать она стремится. Жизнь вечная вокруг и вечность жизни Истиной творится.

Анастасия быстро ладони рук к земле прижала, провела ладонями по траве и протянула их мне.

— Смотри, Владимир, может быть, они прогонят прочь сомнения твои.

Я посмотрел. Увидел, — на протянутых ладонях лежали семена травы, кедровый маленький орешек да букашка какая-то ползла. Спросил:

— И что всё это означает? Ну, например, орех?

— Смотри, Владимир, маленькое зёрнышко совсем, а если в землю посадить его — величественный вырастает кедр. Не дуб, не клён, не роза, а только кедр. Кедр снова зёрнышко такое же родит, и будет снова в нём, как в самом первом вся информация первоисточков. И если миллионы лет назад или вперёд соприкоснётся такое зёрнышко с землёй, то только кедр взойдёт с земли росточком. В нём, в каждом зёрнышке Божественных творений совершенных заложена вся информация Создателем сполна. Проходят миллионы лет, но информацию Создателя им не стереть. И человеку — высшему творенью всё отдано Создателем в мгновенья сотворенья. Все Истины и будущие все свершенья в любимое дитя вложил Отец, великою мечтою вдохновлённый.

— Да как же нам ту истину, в конце концов, достать? Откуда-то там из себя? Из почек, сердца или мозга?

— Из чувств. Своими чувствами попробуй Истину определять. Доверься им. Освободись от постулатов меркантильных.

— Ну ладно, если знаешь что-то ты, так говори. Быть может, чувствами тебя и сможет кто-нибудь понять. Ну что такое Бог? Его какой-нибудь научной формулой ученые могли б изобразить?

— Научной формулой? Она вокруг земли по протяженности не раз продлится. Когда закончится, то новая родится. Того не меньше Бог, что в мысли может народиться. Он твердь и вакуум, и то, чего не видно. Нет смысла разумом понять Его пытаться. Все формулы Земли, всю информацию Вселенной ты в малом зёрнышке души своей сожми и в чувства преврати, и чувствам дай раскрыться.

— Но что я должен чувствовать, ты проще говори, конкретнее, яснее.

— О Боже, помоги! Мне помоги лишь из сегодняшнего словосочетанья создать достойный образ.

— Ну вот, теперь слов мало. Ты лучше бы сначала словарь толковый почитала. Там все слова, что в жизни говорятся, есть.

— Сегодняшние все. Но слов нет в современной книге тех, которые твои произносили прародители о Боге.

— Старославянские имеешь ты в виду слова?

— И раньше. До старославянской вязи способ был, каким потомкам люди мысли излагали.

— О чём ты говоришь, Анастасия? Все знают: письменность нормальная пошла от двух монахов православных. Их звали... Как-то звали их, забыл.

— Кириллом и Мефодием, быть может, хочешь ты сказать?

— Ну да. Они ведь письменность создали.

— Сказать точнее будет — изменили письменность наших отцов и матерей.

— Как изменили?

— По приказу. Чтоб навсегда славян культура позабылась. Остатки знания первоисточков из памяти людской ушли, и новая культура народилась, чтобы жрецам иным народы подчинялись.

— При чём здесь письменность и новая культура?

— Когда б на иностранном языке сейчас детей писать и говорить учили, а на теперешнем им изъясняться запретили. Скажи, Владимир, из чего о дне сегодняшнем узнали б твои внуки? Легко лишённым знаний о былом науки новые внушать, как значимые их трактуя. И что угодно о родителях им можно говорить. Ушёл язык, и с ним ушла культура. Таков расчёт был. Но не знали те, кто такой целью задавался, что истины росточек всегда в душе людской незримо оставался. Лишь чистой капелькой росы ему б напиток — и он взрастёт и возмужает. Смотри, Владимир. Прими, пожалуйста, слова мои, почувствуй, что стоит за ними.

Анастасия говорила, то медленно произнося слова, то быстро фразы целые чеканя, то вдруг на миг замолкнув, задумавшись на миг, протяжные и необычные для речи нашей фразы как будто из пространства доставала. А иногда вдруг в речь её какие-то мне неизвестные слова вплетались. Но каждый раз, неясные по смыслу слова произнеся, она, как будто встрепенувшись, на правильные или более понятные слова сменяла. И что-то всё доказывать пыталась, о Боге говоря:

— Известно всем, что человек подобие и образ Бога. Но в чём? В тебе, где Бога характерные черты? Когда-нибудь, задумывался ты?

— Да нет. Не приходилось как-то думать. Лучше ты сама о них скажи.

— Когда от повседневной суеты уставший человек ложится, чтоб уснуть, когда расслабленное тело он чувствовать перестаёт своё, невидимых энергий комплекс, его второе “я” частично тело покидает. И в этот миг для них земных границ не существует. Нет времени для них и расстоянья. Твоё сознание, меньше чем за миг, любой предел Вселенной преодолевает. И комплекс чувств события ушедшие иль будущие ощущает, анализирует, ко дню сегодняшнему примеряет и мечтает. О том всё это говорит, что мирозданье необъятное, он, человек, не только плотью ощущает. Его подаренная Богом мысль творит. Лишь человеческая мысль способна создавать миры иные иль сотворённое менять.

Бывает так, что человек во сне кричит, пугается чего-то. То комплекс чувств его, свободный от земных сует, содеянное в прошлом или будущем пугает.

Бывает так, что человек во сне творит. Его творенья медленно иль быстро в земном стремятся воплотиться бытие. И воплощается в уродливой ли форме или гармонией сияя, частично или полностью, зависит от того, насколько вдохновение участвует в творении его. Насколько точно и в деталях, аспекты все мгновением творенья будут учтены. Насколько вдохновение усилит твоё божественное “я”.

Во всей Вселенной лишь Богу одному и сыну Бога — человеку — творения присущи.

Всему началом служит Бога мысль. В материи живой Его мечта претворена. И действиям людским сначала мысль предшествует людская и мечта.

У всех людей земли возможности творения равны, но люди — лишь по-разному используют возможности свои. Свобода полная и в этом предоставлена для человека. Свобода есть!

Теперь, Владимир, мне скажи, какие же сегодня снятся детям Бога сны? Вот, например, тебе, твоим друзьям, знакомым? На что используют они свои творящие мечты? На что используешь их ты?

— Я? Ну... как на что? Как все, и я стремился побольше денег заработать, чтоб в жизни как-то укрепиться. Машину заимел, и не одну. Другое многое, необходимое для жизни, мебель неплохую, например.

— И всё? На это лишь использовал свою, Богу присущую, творящую мечту?

— Так все её используют на это.

— На что?

— На деньги! Как без них? В одежды, например, нормальные одеться, поесть получше, что купить, попить. Всё ясно тут. А ты — “на что?”

— Поесть... попить. Владимир, ты пойми, всё это, и с избытком, изначально всем дано.

— Дано? Ну и куда ж оно потом ушло?

— А сам как думаешь — куда?

— Да просто, думаю, поистрепались те одежды изначальные, поизносились, а пищу первую всю люди съели давным-давно. Теперь другие времена, другая мода на одежду и вкусы к пище изменились.

— Владимир, Бог нетленные одежды дал сыну своему, запасы пищи таковы, что никогда бы не закончились они.

— И где же это всё сейчас?

— Всё это и сейчас хранится, существует.

— Тогда скажи где. Как увидеть тайники, в которых столько запасов по сей день хранится?

— Сейчас увидишь. Только чувствами смотри. Лишь чувствами познать ты сможешь суть творенья Божественной мечты.

НАЧАЛО ТВОРЕНИЯ

Представь начало. Ещё не было земли. Ещё материя не отражала свет вселенский. Но, как сейчас, заполнена Вселенная была энергией разных множеством великим. Энергий сущности живые во тьме и мыслили, во тьме творили. Не нужен свет им внешний был. Внутри себя, себе они светили. И в каждой было всё — и мысль, и чувства, и энергия стремленья. Но всё ж отличия меж ними были. У каждого одна над всем другим энергия преобладала. Как и сейчас, есть во Вселенной сущность разрушенья и сущность, созидающая жизнь. И множество оттенков разных, похожих на людские чувства, были у других. Между собой никак вселенские те сущности соприкоснуться не могли. Внутри у каждой сущности энергий множество то вялое, то вдруг молниеносное движенье создавало. Внутри себя собой содеянное, собою тут же и уничтожало. Пульсация их космос не меняла, она никем не видима была, и каждая считала, что одна она в пространстве. Одна!

Неясность своего предназначенья им не давала сделать не гибнущим творенье то, что может удовлетворенье принести. Вот потому в безвременьи, в бескрайности пульсация была, но не было всеобщего движенья.

И вдруг как импульсом коснулось всех общенье! Одновременно всех, вселенной необъятной. То среди комплексов энергий тех живых один вдруг озарил других. Был стар тот комплекс или очень юн, нельзя сказать обычными словами. Из вакуума он возник или из искр всего, о чём помыслить можно, неважно это. Тот комплекс очень сильно походил на человека! На человека, что живёт сегодня! Подобен был его второму “я”. Не материальному, но вечному, святому. Энергии стремлений и его мечты живые впервые слегка касаться стали всех сущих во Вселенной. И он один так пылок был, что всё привёл в движенье ощущенья. Общенья звуки впервые прозвучали во Вселенной. И если б звуки первые на современные слова перевести, то смысл вопросов и ответов почувствовали мы. Со всех сторон Вселенной необъятной один вопрос произносимый всеми, стремился к одному Ему:

— Чего так пылко ты желаешь? — вопрошали все. А он в ответ, уверенный в своей мечте:

— Совместного творения и радости для всех от созерцания его.

— Что радость может принести для всех?

— Рожденье!

— Чего рожденье? Самодостаточность имеется у каждого давно.

— Рожденье, в котором частички будут заключены всего!

— В одном как можно воссоединить всё разрушающее и созидающее всё?

— Противоположные энергии, сначала сбалансировав в себе!

— Кому подобное по силам?

— Мне.

— Но есть энергия сомненья. Сомненье посетит тебя и уничтожит, на мелкие частички разорвет тебя всего энергий разных множество. Противоположности в едином удержать никто не сможет.

— Энергия уверенности тоже есть. Уверенность, сомненье, когда равны, помогут точности и красоте для будущего сотворенья.

— Как сам себя назвать ты можешь?

— Я Бог. В себя частички ваших всех энергий я принять смогу. Я устою! Я сотворю! Для всей Вселенной радость принесёт творенье!

Со всей Вселенной, все сущности одновременно, в одного Его своих энергий выпустили сонмы. И каждая над всем преобладать стремилась, чтоб в новом лишь она верховной воплотилась.

Так началась великая борьба энергий всех вселенских. Нет времени величины, объёма меры нет,

чтоб охарактеризовать масштабы той борьбы. Спокойствие настало лишь тогда, когда всех осознание посетило: ничто не сможет выше и сильнее быть одной энергии вселенской — энергии Божественной мечты.

Бог обладал энергией мечты. Он всё в себе смог воспринять, всё сбалансировать и усмирить и стал творить. Ещё в себе творить. Ещё в себе творенья будущие сотворяя, лелеял каждую деталь со скоростью, которой нет определенья, продумывал взаимосвязь со всем для каждого творенья. Он делал всё один. Один во тьме Вселенной необъятной. Один в себе энергий всех вселенских ускорял движенье. Неведомость исхода всех пугала и удалила от Создателя на расстоянье. Создатель в вакууме оказался. И вакуум тот расширялся.

Был холод омертвления. Испуг и отчуждение вокруг, Он один прекрасные рассветы уж видел, и пенье слышал птиц, и аромат цветенья. Он своей пылкою мечтой один творил прекрасные творенья.

— Остановись, — Ему твердили, — ты в вакууме, ты сейчас взорвёшься! Как держишь ты энергии в себе? Ничто не помогает тебе сжаться, теперь удел твой только разорваться. Но если есть мгновенье у тебя, остановись! Тихонько распусти энергии творящие свои.

А он в ответ:

— Мои мечты! Их не предам! Для них я буду продолжать сжиматься и ускорять энергии свои. Мои мечты! В них по траве, среди цветов, я вижу, — торопыжка бежит муравей. И орлица на взлёте дерзком обучает летать сыновей.

Неведомой энергией своей Бог ускорял в себе движение энергии Вселенной всей. В Душе Его их в зёрнышко сжимало вдохновенье.

И вдруг Он ощутил прикосновенье. Со всех сторон, повсюду, обожгло оно Его неведомой энергией, и сразу отстранилось, своим теплом на расстояньи согревая, какой-то новой силой наполняя. И всё, что было вакуумом, засветилось вдруг. И звуки новые услышала Вселенная, когда спросил с восторгом нежным Бог:

— Кто ты? Энергия, какая?

В ответ услышал музыки слова:

— Энергия любви и вдохновенья я.

— Во мне частичка есть твоя. Энергии презренье, ненависть и злобу сдержать одна способной оказалась она.

— Ты Бог, твоя энергия — души твоей мечта в гармонию всё привести смогла. И если помогла моя частичка ей, то выслушай меня, о Бог, и мне помочь сумей.

— Что хочешь? Зачем коснулась ты меня всей силой своего огня?

— Я поняла, что я любовь. Я не могу частичкой... Твоей Душе хочу отдаться вся. Я знаю, чтоб не нарушилась гармония добра и зла, всю меня не впустишь Ты. Но я вокруг тебя заполню вакуум собою. Согрею всё внутри, вокруг тебя. Вселенский холод, мгла к тебе не прикоснутся.

— Что происходит? Что? Ещё сильнее ты засветилась!

— Я не сама. Это твоя энергия! Твоя душа! Она лишь мною отразилась. И в навь твою свет отражённый возвращается.

Отчаянный и устремлённый, воскликнул Бог, Любовью вдохновлённый:

— Всё ускоряется. Бушует всё во мне. О, как прекрасно вдохновенье! Так пусть же сбудутся в любви светящейся мечты моей творенья!

ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЕНИЕ ТЕБЯ

Земля! Ядром Вселенной всей и центром для всего возникла зримая планета — Земля! Вокруг вдруг стали зримы звёзды, солнце и луна. Невидимый творящий свет, с Земли идущий, в них отражение нашёл своё.

Впервые во Вселенной план новый бытия явился! Материальный план, и он светился.

Никто, ничто от мига появления Земли зримой материей не обладал, Земля со всем, что во Вселенной, соприкасалась, но и сама собой была.

Самодостаточным творением она явилась. Растущее, живущее, что плавало и что летало, не умирало, в никуда не исчезало. Даже из гнили мошка получалась, а мошкаркой иная жизнь питалась, в единую прекрасную всё жизнь сливалось.

В недоумении и восхищении все сущности вселенские смотреть на Землю стали. Земля со всем соприкасалась, но не дано кому-то было её коснуться.

Внутри у Бога вдохновенье нарастало. И в свете, вакуум заполнившем любви. Божественная сущность очертанья свои меняла, и формы, что теперь у человеческого тела, Божественная сущность

принимала.

Вне скорости, вне времени работала Божественная мысль. Во вдохновеньи, озареньи она на бесконечность всех энергий мысли обгоняла и сотворяла! Ещё одно, пока в себе, невидимое сотворенье.

Вдруг полыхнуло озаренье, и вздрогнула, как в опаленьи, новым жаром энергия любви. И в восхищеньи радостном воскликнул Бог:

Вдруг полыхнуло озаренье, и вздрогнула, как в опаленьи, новым жаром энергия любви. И в восхищеньи радостном воскликнул Бог:

— Смотри Вселенная, смотри! Вот сын мой! Человек! Он на Земле стоит. Материален он! И в нём частички энергий всех вселенских есть. На всех он планах бытия живёт. Подобие и образ он Моё, и в нём частички ваших всех энергий есть, так полюбите! Полюбите же его!

Всем сущим радость сын мой принесёт. Он сотворенье! Он рожденье! Он всё из всех! Он новое создаст творенье, и претворится в бесконечность его всё повторяющееся возрожденье.

Когда один, когда умножен много крат он свет незримый источая, в единое его сливая, Вселенной будет управлять. Подарит радость жизни он всему. Я всё ему отдал и в будущем помысленное тоже отдаю.

Так впервые один ты стоял на прекрасной Земле.

— Ты о ком говоришь? Обо мне?

— О тебе и о том, кто к строке прикоснётся записанной этой.

— Анастасия, как же так? Здесь полная не состыковка получается. Как же все читающие могут там стоять, где сказано, что лишь один стоял. И в Библии про это говорится. Один сначала человек был, Адамом его звали. И ты сказала, Бог одного сотворил.

— Всё правильно, Владимир. Но смотри, от одного произошли все мы. Его частичка, информация, заложенная в ней, во всех других, рождённых на Земле, вселялась. И если волей мысли ты груз забот своих суетных отбросишь, то ощущения почувствуются те, что в маленькой частичке до сих пор хранятся. Она была там, помнит всё. Она в тебе сейчас и в каждом на земле живущем человеке. Ей дай раскрыться, ощути, что видел ты, и ты, сейчас читающий строку, что видел ты в начале своего пути.

— Вот это да! Так что же получается, что все живущие сейчас там, на той Земле, в самом начале были?

— Да. Но на Земле на этой, не на той. Просто Земля была в ином обличье.

— А как назвать всех нас одновременно можно?

— Тебе привычнее “Адам” услышать имя? Я буду пользоваться им, но ты представь, что это ты. И каждый пусть себя под этим именем представит. Я представлению словами помогу слегка.

— Да, помоги. А то себя в тех временах я пока как-то слабо представляю.

— Чтоб легче было, ты представь себя вошедшим в сад на стыке лета и весны, и в том саду есть осени плоды. В нем существа, которых ты впервые видишь. Всё вместе взором трудно охватить, когда всё новое, и в каждом совершенство. Но вспомни, как впервые ты, Адам, цветок увидел, своё вниманье на цветке остановил. На маленьком совсем цветке.

Цвет васильковый, формы лепестков плавны из линий состояли. Слегка светились лепестки цветка, собою неба свет как будто отражали. И ты, Адам, к цветку подсел, творением любуясь. Но сколько б на цветок ты ни смотрел, видение цветка менялось. Лаская, ветерок покачивал на тонком стебельке цветок, и под лучами солнца шевелились лепестки, меняя угол отраженья света, полутона свои нежнейшие меняя. То трепетали лепестки на ветерке, то, как в приветствии, помахивали взору человека, то словно дирижировали музыке, в душе звучащей. И от цветка тончайший аромат тебя обнять стремился, человека.

Могучий вдруг услышал рык Адам и встал, повернулся в сторону звучанья. В отдалении огромный лев с львицею стояли. И о себе окрестность рыком лев оповещал. Адам смотреть стал на красивый и могучий стан, густою гривой увенчанный. И лев Адама увидал, и в тот же миг могучими прыжками на человека устремился зверь, и львица от него не отставала. Игрой их мышц могучих Адам залюбовался. В трёх метрах от Адама звери встали. Их человека взор ласкал, от человека неги исходила, и лев облаканный на землю в неге опустился, и львица рядышком легла, не шевелилась, чтоб не нарушить идущий к ним от человека благодатный тёплый свет.

Адам льва гриву пальцами перебирал, рассматривал и трогал когти лапы мощной, белых клыков рукой своей касался и улыбался, когда урчал лев от блаженства.

— Анастасия, что это за свет от человека исходил вначале, что даже лев его не разорвал? И почему сейчас свет не исходит? Никто ж не светится сейчас.

— Владимир, разве ты не замечал, есть и сейчас отличие большое. Взгляд человека отличает всё земное: травинка маленькая, лютый зверь и камень с мыслью замедленной. Таинственен, загадочен, необъяснимой силой полон он. Ласкающим взгляд человека может быть. И разрушенья холодом окутать может всё живое взгляд человека. Скажи, тебе, к примеру, не приходилось взглядом чьим-то быть согретым? Иль, может, неприятно становилось тебе от глаз каких-то на душе?

— Да в общем-то, бывало. Бывало так, что чувствуешь, как кто-то смотрит на тебя. Когда приятно смотрит, а когда — не очень.

— Вот видишь, значит, и тебе известно, что взгляд ласкающий приятное внутри тебя тепло создаст. И разрушенья, холод иной приносит взгляд. Много крат сильнее в дни первые был взгляд у человека. Создатель сделал так, что всё живое стремилось быть согретым этим взглядом.

— Куда ж сейчас вся сила взгляда человека подевалась?

— Не вся. Её ещё достаточно осталось, но суета, поверхностность мышленья, иная скорость мысли, лжепредставленья сути и вялость осознания туманят взор, раскрыться не дают тому, чего все ждуют от человека. Тепло души у каждого внутри хранится. Ах, если бы у всех ему всему раскрыться! Вся явь в прекрасный первозданный сад смогла б преобразиться.

— У всех людей? Как было вначале у Адама? Такое разве может получиться?

— Всё может претвориться, к чему, от всех сливаясь в единое, людская мысль стремится.

Когда Адам один был, то сила мысли у него была такой, как человечества сейчас всего.

— Ого! Вот почему и лев его боялся?

— Лев человека не боялся. Лев перед светом благодатным преклонялся. Всё сущее стремится благодать познать, которую создать способен только человек один. За это другом, братом, богом готово человека ощущать всё сущее не только не земле. Всегда родители стремятся все лучшие способности вселить в детей своих. Только родители желают искренне, чтобы детей способности превосходили их. Создатель человеку — сыну своему сполна отдал всё то, к чему в порыве вдохновенья сам стремился. И если все понять способны, что совершенен Бог, то чувствами родителей почувствуют пусть все, каким родитель Бог стремился сотворить дитё своё, любимого Им сына-человека. И как ответственности не боялся, и как навечно пред собою обязался не отречься от творенья своего, сказав слова сквозь миллионы лет до нас дошедшие: “Он сын мой — человек. Он образ мой! Подобие моё”.

— Так, значит. Бог хотел, чтоб сын его, творение, ну, в общем, человек сильнее был Его.

— Стремленья всех родителей послужат подтверждением тому.

— И что же, Адам в свой первый день оправдывал мечтанья Бога? Что дальше после встречи со львом стал делать он?

— Адам всё сущее стремился познавать. Определять название, предназначенье каждой твари. Бывало, быстро он задачу разрешал, бывало, долго с ней возился. Как, например, в день первый свой до вечера он прентозавра пытался предназначенье определять, но не решил задачу. Вот и исчезли прентозавры все с Земли.

— Исчезли почему?

— Исчезли потому, что человек им не определил предназначенье.

— А прентозавры — это те, что в несколько раз больше слонов?

— Да, больше, чем слоны они, и крылья небольшие у них были, на длинной шее небольшая голова, из пасти пламя исторгать могла.

— Как в сказке. Змей Горыныч, например, в народных сказках тоже пламя исторгал. Но это в сказках, не наяву.

— О прошлой яви в сказках говорится иносказательно бывает, а бывает — точно.

— Ну да? А из чего же чудище такое состояло? Как из животного живого может исходить огонь из пасти? Или огонь — иносказательность? Ну, скажем, злобой чудище дышало?

— Огромный прентозавр был добрым, а не злым. Внешний объём его служил для облегченья веса.

— Как это большой объём служить для облегченья веса может?

— Чем больше шар воздушный заполнен тем, что воздуха полегче, тем легче он.

— А прентозавр причём, он же не шар воздушный?

— Живым огромным шаром был и прентозавр. Легка его конструкция скелета, а внутренние органы малы. Внутри, как в шаре, пустота, и заполнялась постоянно газом, что легче воздуха. Подпрыгнув, крыльями махая, мог прентозавр немножко пролететь. Когда избыток газа создавался, он через пасть и выдыхал его. Из пасти кремневидные клыки торчали, их трение искру могло создать, и газ, из брюшной полости идущий, возгорался, огнём из пасти вырывался.

— Ну да! Постой, постой, а кто же газом заполнял его постоянно?

— Так я же говорю тебе, Владимир, газ вырабатывался сам внутри при переработке пищи.

— Не может быть такого! Газ только в недрах есть Земли. Его оттуда добывают, потом природным газом баллоны заправляют или по трубам к плитам подают, на Кухню. А тут из пищи — как всё просто!

— Да, просто.

— Я не поверю простоте такой, и думаю, никто ей не поверит. И под сомнением тобою сказанное всё не только о прентозавре, а другое всё, что говоришь ты, под сомнение поставят. Так что об этом я писать не буду.

— Владимир, что же, ты считаешь, я ошибаться, врать могу?

— Ну, врать, не врать, а то, что ты ошиблась с газом, — это точно.

— Я не ошиблась.

— Докажи.

— Владимир, твой желудок и других людей — такой же газ сегодня производит.

— Не может быть.

— А ты проверь. Возьми и подожги, когда он из тебя выходит. — Как из меня? Откуда? Где поджечь?

Анастасия засмеялась и сквозь смех сказала:

— Ну что ты как дитя. Подумай сам, интимный это опыт.

Я думал об этом газе время от времени. И что он меня так заел? И, в конце концов, я решил провести этот опыт.

И провёл, когда вернулся от Анастасии. Горит! И все слова её о первых днях Адама или о наших первых днях всё с большим интересом вспоминаю. Такое ощущение возникает почему-то, что будто мы с собой в сегодня что-то взяли из них забыли. Или только я забыл. Пусть, впрочем, каждый сам всё про себя решает, когда узнает, как день первый продолжался Человека. Вот как Анастасия про это говорила.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

— Адаму было интересно всё. Травинка каждая, замысловатая букашка и в поднебесье птицы и вода. Когда он речку увидел впервые, залюбовался, как, на солнышке искрясь, бежит прозрачная вода, и жизни в ней многообразие увидел. Рукой Адам притронулся к воде. Течение руку сразу же объяло и складочки все кожи на руке ласкало, к себе его влекло. Он в воду окунулся весь, и тело сразу легче стало, его вода держала и, журча, всё тело тут же обласкала. Ладонями подбросив воду вверх, он восхитился, как солнышка лучи в каждой играли капельке воды, потом те капельки течение снова принимало. И с ощущением радостным Адам пил воду из реки. И до заката солнца любовался и размышлял, и вновь купался.

— Постой, Анастасия, вот ты сказала, он попил, а ел хоть что-нибудь Адам за целый день? Какою пищей он питался?

— Вокруг многообразие плодов, по вкусу разных, было, и ягод, и для пищи годных трав. Но чувства голода в дни первые не испытал Адам. От воздуха он сытым оставался.

— От воздуха? Но воздухом не будешь сыт. И даже поговорка есть такая.

— Тем воздухом, что дышит человек, сейчас действительно нельзя питаться. Сегодня воздух омертвлён и зачастую вреден для плоти и души бывает. О поговорке ты сказал, что воздухом не будешь сыт, но есть другая поговорка: “Я воздухом одним питался”, она и соответствует тому, что было человеку предоставлено вначале. Адам в прекраснейшем саду родился и в воздухе, что окружал его, не находилось ни одной пылинки вредоносной. В том воздухе пыльца растворена была и капельки росы чистейшей.

— Пыльца? Какая?

— Цветочная пыльца и травяная, с деревьев и плодов эфиры источавшая. Из тех, что рядом были и отдалённых мест другие ветерки носили. Никак от дел великих человека тогда не отвлекали проблемы по добыче пищи. Всё окружающее через воздух его питало. Создатель сделал так всё изначально, что всё живое на земле в любви порыве стремилось человеку послужить, и воздух, и вода, и ветерок живительными были.

— Ты тут права сейчас: бывает воздух вредным очень, но человек кондиционер придумал. Он воздух от частичек вредных очищает. И воду минеральную в бутылках продают. Так что сейчас

проблемы воздуха, воды для многих, кто не беден, решены.

— Увы, Владимир, кондиционер проблемы не решает. Частички вредоносные задерживает он, но воздух ещё больше омертвляет. Вода, что в закупоренных бутылочках хранится, от закупоренности умирает. Она лишь клетки плоти старые питает. Для нового рожденья, чтоб плоти клеточки твоей всё время обновлялись, нужны живые воздух и вода.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНОТВО ЖИЗНИ УТВЕРЖДАЛИ

— Все это было у Адама?

— Да, было! Потому мысль быстро его мчалась. За относительно короткий срок он смог предназначение определить всему. Сто восемнадцать лет, как один день, промчались.

— Сто восемнадцать лет — до такой старости глубокой один прожил Адам?

— Один, в делах захватывающе интересных, Адам жил — первый человек. Его сто восемнадцать лет не старость принесли ему — расцвет.

— В сто восемнадцать лет стареет человек, даже долгожителем считается, его болезни, немощи одолевают.

— Это сейчас, Владимир, а тогда болезни человека не касались. Век каждой плотской клеточки его длиннее был, но если клеточка и уставала, ей отмереть было дано, то тут же новая, энергии полна, на смену старой клеточке вставала. Плоть человеческая жить могла лет столько, сколько дух его хотел, душа.

— И что же получается тогда, что человек сегодняшний не хочет сам подольше жить?

— Деянием своим ежесекундно свой сокращает век, и смерть придумал для себя сам человек.

— Да как это придумал? Она же сама приходит. Против воли.

— Когда ты куришь или пьёшь спиртное, когда въезжаешь в город, смрадом гари воздух насыщающий, когда употребляешь умертвлённую еду и злобой поедает сам себя, скажи, Владимир, кто, если не ты сам, приближаешь смерть свою?

— Такая жизнь сейчас для всех настала.

— Свободен человек. Сам строит каждый жизнь свою и век секундами определяет.

— А что, тогда, ну, там, в раю, проблемы не существовали?

— Проблемы если и вставали, то разрешались не в ущерб, а совершенство жизни утверждали.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Однажды, в свои сто восемнадцать лет, проснувшись с утренним рассветом, Адам весной не восхитился. И, как обычно, не встал навстречу солнечным лучам.

Заливисто в листе пел соловей над ним. На другой бок Адам перевернулся от пенья соловья.

Пред взором с затаённым трепетом весна пространство заполняла, река журчанием воды к себе звала Адама, резвились ласточки над ним. Причудливы картины облака меняли. От трав, цветов, деревьев и кустов нежнейший аромат его объять стремился. О, как тогда Бог подивился! Среди великолепия весеннего, земного сотворенья, под синью неба сын-человек Его грустил. Его дитя любимое не в радости, а в грусти пребывало. Для отца любящего может быть печальней что-нибудь такой картины?

Сто восемнадцать лет от сотворенья отдохавшие божественных энергий множество мгновенно пришло в движенье. Вселенная вся замирала. Такое ускоренье, невиданное ранее, блистало в ореоле энергии любви, что сущее всё понимало: творенье новое замыслил Бог. Но что ещё возможно сотворить после того, что на пределе вдохновенья создавалось? Никем тогда ещё не понималось. А скорость мысли Бога нарастала. Энергия любви Ему шептала:

— Ты снова всё привёл во вдохновенное движенье. Энергии твои вселенские пространства обжигают. Как не взрываешься и не сгораешь сам в таком пыли? Куда стремишься ты? К чему? Я не свечусь уже тобой. Смотри, мой Бог, тобою я горю, планеты в звёзды превращаю. Остановись, всё лучшее тобой сотворено, у сына твоего исчезнет грусть. Остановись, о Бог!..

Не слышал Бог мольбы любви. И не внимал насмешкам сущностей вселенских. Он как ваятель молодой и пылкий движенья всех энергий ускоренье продолжал. И друг, невиданной красоты зарёй сверкнул по всей Вселенной необъятной, и ахнуло всё сущее, и Бог сам в восхищеньи прошептал:

— Смотри, Вселенная! Смотри! Вот дочь моя стоит среди земных творений. Как совершенны, как прекрасны все её черты. Достойной она будет сына моего. Нет совершеннее творения её. В ней

образ и подобие моё и ваши все частички в ней, так полюбите, полюбите же её! Она и он! Мой сын и дочь моя всем сущим радость принесут! И на всех планах бытия прекрасные вселенские миры построят!

С пригорка, по траве, росой умытой, днём праздничным в луче восхода к Адаму дева шла. Походка грациозна, строен стан, изгибы тела плавны и нежны, в оттенках кожи свет Божественной зари. Всё ближе, ближе. Вот она! Перед лежащим на траве Адамом дева встала. Поправил ветерок золотые пряди, открывая лоб. Вселенная свой затаила вдох. О, как прекрасен её лик — твоё творенье, Бог!

Адам, лежащий на траве, на ставшую с ним рядом деву лишь взглянул, слегка зевнул и отвернулся, прикрывая веки.

Вселенские все сущности услышали тогда, нет, не слова — услышали, как вяло в своих мыслях рассуждал Адам о новом сотворении Бога: “Ну, вот оно, ещё одно какое-то творенье подошло. Нет ничего в нём нового, лишь на меня похожесть. Коленные суставы у лошадей и гибче, и прочней. У леопарда шкура ярче, веселей. Ещё и подошло без приглашения, а я сегодня муравьям хотел дать новое определение”.

И Ева, постояв немного близ Адама, к заводи реки пошла, на берегу присела у кустов, в воде притихшей своё разглядывая отраженье.

И зароптали сущности вселенские, в единое слилась их мысль: “Два совершенства не сумели оценить друг друга. В твореньях Бога совершенства нет”.

И лишь энергия любви, одна среди вселенского роптанья, пыталась оградить собой Творца. Её сиянье Бога окружало. Все знали — никогда энергия любви не рассуждала. Всегда она, невидима и молчалива, в неведомых бескрайностях блуждала. Но почему сейчас, вся без остатка, так вокруг Бога воссияла? Вселенским ропотам не внемля, лишь только одного сияньем согревала и утешала:

— Ты отдохни, Творец Великий, и вразумленье в сына своего всели. Исправить сможешь ты любые творения прекрасные свои.

В ответ Вселенная услышала слова, и через них и мудрость, и величие познала Бога:

— Мой сын есть образ и подобие моё. Частички всех энергий в нём вселенских. Он альфа и омега. Он сотворенье! Он будущего претворенье! Отныне и во всём грядущем ни мне и никому дано не будет без его желанья менять его судьбу. Всё, что захочет сам, ему воздается. Не в суете помысленное претворится. Не преклонился сын мой при виде плоти совершенства девицы. Не удивился ею к удивлению Вселенной всей. Не осознал ещё, но чувствами своими ощутил мой сын. Он первым ощутил — ему чего-то не хватает. И новое создание — дева — перед ним недостающим тем не обладает. Мой сын! Мой сын своими чувствами Вселенную всю ощущает, он знает всё. Вселенная чем обладает.

Вопрос Вселенную заполнил всю:

— Чего же может не хватать тому, в ком наши все энергии имеются и все энергии твои? И Бог ответил всем:

— Энергии любви.

И вспыхнула энергия любви:

— Но я одна, и я твоя. Тобой одним сияю.

— Да! Ты одна, любовь моя, — слова в ответ Божественные прозвучали. — Твой свет сияющий и светит, и ласкает, любовь моя. Ты — вдохновенье. Всему способна ускоренье придавать, ты обостряешь ощущения и ты покоя умитворенье, любовь моя. Тебя прошу, вся без остатка на землю опустишь. С собой, энергией великой благодати, окутай их, детей моих.

Любви и Бога диалог прощальный озвучивал начало всей земной любви.

— Мой Бог, — к Творцу любовь взывала. — Когда уйду один, невидим, навсегда, на всех живущих планах бытия, невидимым ты будешь.

— Мой сын и дочь моя сияют пусть отныне в нави, яви, прави.

— Мой Бог, случится вакуум вокруг тебя. И никогда к твоей Душе тепло живительное не пробьётся. Без этого тепла Душа остынет.

— Не только для меня, для сущего всего пусть то тепло с Земли сияет. Сынов и дочерей моих деяния его премножат. И вся Земля теплом любви светящейся в пространстве воссияет. Все будут чувствовать свет благодатнейший Земли, им обогреться смогут все энергии мои.

— Мой Бог, пред сыном, дочерью твоей открыто разных множество путей. Всех планов бытия энергии есть в них. И если хоть одна преобладает, неверным поведёт путём, что сможешь сделать ты, отдавший всё и видящий, как тает, как слабеет энергия, идущая с Земли. Отдавший всё и видящий, как на Земле над всем энергии преобладают разрушения. Твои творенья безжизненною коркой

покрывают, заброшена трава твоя камнями. Что сделаешь тогда, свободу всю отдавший сыну своему?

— Среди камней смогу травинкой я зелёной вновь пробиться, на маленькой нетронутой лужайке цветка раскрою лепестки. Своё сумеют осознать предназначенье земные дочери, сыны мои.

— Мой Бог, когда уйду, невидим станешь Ты всему.

Случиться может так, что именем твоим через людей других энергий сущности вдруг станут говорить. Одни других себе пытаться будут люди подчинить. Твою себе в угоду, трактуя сущность, говорить: “Я говорю в угоду Богу, из всех я избран Им один, все слушайте меня”. Что сможешь сделать ты тогда?

— Днём наступающим взойду зарёю. Творенья все, без исключения, луч солнышка лаская на земле, понять поможет дочерям, сынам моим, что каждый может сам Душой своей с Душою говорить моей.

— Мой Бог, их много будет, ты один. И для всех сущностей вселенских вождленным станет душой людскою завладеть. Через людей над всем своей энергией лишь утвердиться. И сын заблудший твой им станет вдруг молиться.

— Многообразию причин в тупик ведущих, в никуда, есть главное препятствие — будет оно всему, что ложь несёт преградой. Стремленье к осознанию истины есть у сынов и дочерей моих. Имеет рамки свои ложь всегда, но безгранична истина — она одна, всегда в Душе осознанности будет находиться у дочерей моих и сыновей!

— О, Бог мой! Никто, ничто не в силах воспротивиться полёту мысли и мечтам твоим. Они прекрасны! По их следу по воле я пойду своей. Твоих детей сияньем обогрею и вечно буду им служить. Тобой подаренное вдохновенье поможет им создать свои творенья. Лишь об одном прошу тебя, мой Бог. Позволь лишь искорку одну своей любви с тобой оставить.

Когда во мраке пребывать Тебе придётся, когда лишь будет вакуум вокруг, когда забвение и свет земли ослабевает, пусть искорка, хотя б одна лишь искорка любви моей тебе своим мерцанием сияет.

Когда б сегодня живущий человек на небо смог взглянуть, что было над землёй тогда, пред взором глаз его великое видение предстало. Вселенский свет — энергия любви, кометой сжавшись, к земле спешила и озаряла на твоём пути ещё безжизненных планет тела и зажигала звёзды над землёю. К Земле! Всё ближе, ближе. Вот она. И, вдруг, над самою землёю остановилось, задрожало сияние любви. Вдали, среди горящих звёзд одна, всех меньшая звезда живой казалась. Она вослед любви сиянию к земле спешила. И поняла Любовь, от Бога искорка последняя её, и та к земле за нею устремлялась.

— Мой Бог, - сияние Любви шептало, — но почему? Разгадки нет во мне. Но почему? Ты даже искорку одну мою с собою рядом не оставил?

Словам Любви, из тьмы вселенской, уже невидим никому, ещё не понятый никем, Бог дал ответ. Его слова Божественные прозвучали:

— Себе оставить, значит, недодать им — дочерям и сыновьям моим.

— Мой Бог!..

— О, как прекрасна ты, Любовь, и искоркой одной.

— Мой Бог!..

— Спешу, Любовь моя, спешу, не рассуждая. Спешу с последней искоркой своей и обогрею всех будущих моих сынов и дочерей.

Людей земли вселенская энергия любви объяла. Вся, последней искорки. Всё было в ней. Среди Вселенной необъятной, во всех живущий планах бытия одновременно, встал человек всех сущностей сильней.

КОГДА ЛЮБОВЬ

Адам лежал среди цветов пахучих, на траве. Под сенью дерева дремал он, вяло мысль текла. И вдруг воспоминанье неведомой волной тепла его объяло, какой-то силой тепло все мысли ускоряло: “Совсем недавно предо мной творенье новое стояло. Похожесть на меня была, меж тем и было в нём отличие, но какое, в чём? И где сейчас оно? О, как увидеть вновь мне хочется творенье новое! Увидеть вновь хочу, но почему?”.

С травы Адам встал быстро, посмотрел вокруг. Мысль вспыхнула: “Что же случилось вдруг? Всё то же самое небо и птицы, травы, деревья, кусты. Всё то же самое и есть отличие, на всё иначе смотрю. Ещё прекрасней стали все земные твари, запахи, воздух и свет”.

И родилось в устах Адама слово, Адам воскликнул всем: “И я люблю в ответ!”.

И новая волна тепла со стороны реки всё тело сразу же объяла. Он повернулся в сторону тепла,

пред ним творенье новое сияло. Из мыслей логика ушла, виденьем наслаждалась вся душа, когда увидел вдруг Адам: на берег у заводи реки сидела тихо дева, но не на воду чистую, на него смотрела, откинув пряди золотых волос. Она его улыбкою своей ласкала, как будто вечность всю его ждала

Он подошёл к ней. Когда смотрели друг на друга, Адам подумал: “Ни у кого нет глаз прекраснее, чем у неё”, вслух сказал:

— Ты у воды сидишь. Вода приятна, ты хочешь, искупаемся в реке?

— Хочу.

— Потом тебе творенья, хочешь, покажу?

— Хочу.

— Я всем им дал своё предназначенье. Я и тебе служить им поручу. А хочешь, новое создам творенье?

— Хочу.

Они в реке купались, бежали по лугу. О, как залиvisto смеялась дева, когда, взобравшись на слона, какой-то танец для неё изображал развеселившийся Адам и деву Евой называл!

День близился уже к закату, два человека стояли среди великолепия земного бытия, их наслаждали краски, запахи и звуки. Притихшая смотрела кротко Ева, как вечерело. В бутоны складывались лепестки цветов. От взора уходили в темноту прекрасные видения дневные.

— Ты не грусти, — уже уверенный в себе, сказал Адам, — сейчас наступит ночи темнота. Она нужна, чтоб отдохнуть, но сколько бы не наступала ночь, день возвращается всегда.

— День тот же будет или новый день? — спросила Ева.

— Вернётся день таким, каким захочешь ты.

— Кому подвластен каждый день?

— Подвластен мне.

— А ты кому подвластен?

— Никому.

— Откуда ты?

— Я из мечты.

— А всё вокруг, ласкающее взор, откуда?

— Тоже из мечты явилось сотвореньем для меня.

— Так где же тот, чья так мечта прекрасна?

— Бывает часто рядом он, только не видит его взор обычный. Но всё равно с ним хорошо. Себя он Богом называет, отцом моим и другом. Не надоедает никогда, всё отдаёт мне. Я тоже ему дать хочу, но что, пока не знаю.

— Значит, и я его творенье. Я тоже, как и ты, благодарить его хочу. Звать другом. Богом и отцом своим. Быть может, вместе мы с тобой решим, каких деяний наших ждёт от нас Отец?

— Я слышал, как Он говорил, что радость может принести всему.

— Всему? Так значит, и ему?

— Да, значит, и Ему.

— Мне расскажи, чего желает он.

— Совместного творения и радости от созерцания его.

— Что радость может принести для всех?

— Рожденье.

— Рожденье? Прекрасное всё рождено.

— Я часто думаю пред сном о необычном и прекрасном сотвореньи. В начале дня уходит сон, и вижу, не придумалось пока, Прекрасное всё есть и видимо при свете дня.

— Давай подумаем вдвоём.

— Я тоже захотел, чтоб перед сном с тобою рядом быть, дыханье твоё слушать, ощущать тепло, о сотвореньи вместе думать.

Пред сном в мечтах о сотворении прекрасном порывом нежных чувств друг друга мысли обнимали, сливались во единое стремленье. Тела материальные двоих помысленное отражали.

РОЖДЕНЬЕ

День возвращался, наступала снова ночь. Однажды при расцвете дня, когда Адам тигрят разглядывал и размышлял, к нему тихонько Ева подошла, присела рядом, за руку взяла, на свой живот Адама руку положила.

— Почувствуй здесь, внутри меня, моё и в тоже время новое творение живёт. Ты чувствуешь, Адам, — толкается, творенье беспокойное моё?

— Да, чувствую. Мне кажется, ко мне оно стремится.

— К тебе? Конечно же! Оно моё, но и твоё! Я так хочу увидеть сотворенье наше.

Не в муках, а в великом изумленье рожала Ева.

Всё окружающее позабыв, себя не чувствуя, смотрел Адам и трепетал от нетерпенья. Рожала Ева новое совместное творенье.

Комочек маленький, весь мокрый, беспомощно лежал на травке. Поджаты ножки, не открывают веки глаз. Адам смотрел, не отрывая взгляда, как ручкой он пошевелил своей, открылись губки, вздох. Адам моргать боялся, чтоб не пропустить малейшего движенья. Неведомые чувства заполняли всё внутри, вокруг. Не в силах устоять на месте, Адам подпрыгнул и бежать пустился вдруг.

В великом ликовании вдоль берега реки стремглав бежал Адам, неведомо куда. Остановился. В груди прекрасное, неведомое что-то всё ширилось, росло. А всё вокруг!.. Не просто ветерок кустов листвою шелестел, он пел, листву кустов и лепестки цветов перебирая. Не просто плыли в небе облака — все облака чарующий изображали танец. Искрилась, улыбалась и быстрее текла вода. Ну надо же! Река! Река, отображая облака, по-новому пред взором изгибалась. И щебетанье радостное в небе птиц! И в травах стрекотанье ликования! Сливалось всё в едино звучанье величественной нежной музыки прекраснейшего мироздания.

И воздуха набрав побольше в грудь, что было сил вдруг закричал Адам. Был необычным, не звериным его крик нежнейшими он звуками переливался. Утихло окружающее всё вокруг. И слышала Вселенная впервые, как, ли куя, стоящий на Земле пел человек! Пел человек! И всё что ранее в галактиках звучало, замолчало. Пел человек! И, слыша счастья песнь, весь мир вселенский осознал: нет ни в одной галактике струны, способной лучший звук издать, чем звук у песни человеческой души.

Но не смогла уменьшить чувств избыток песня ликования. Увидел льва Адам и бросился к нему. На землю повалил он льва, словно котёнка, со смехом гриву стал трепать, потом вскочил, призвал льва жестом, побежал. Лев попевал за ним едва, и львята с львицею совсем за ними отставали. Быстрее всех бежал Адам, махал руками, за собою звал всех тварей на пути. Его творенье, он считал, всем сможет радость принести.

И вот он снова перед ним, комочек маленький. Его творенье! Облизанный волчицы языком и тёплым ветерком обласканный, комочек маленький живой.

Младенец глаз ещё не открывал — он спал. Пред ним все звери, прибежавшие с Адамом, на землю в неге опустили.

— Вот это да! — воскликнул с восхищением Адам. — От моего творенья свет, подобный моему, исходит. А может, он сильнее моего, коль необычное со мною даже происходит. Все твари в неге пали перед ним. Я так хотел! Я смог! Я сотворил! Я сотворил творение прекрасное, живое. Все! Все посмотрите на него.

Адам окинул взглядом всё вокруг, и вдруг остановился, замер его взгляд. На Еве взгляд остановился.

Она сидела на траве одна, слегка уставшим взором глаз своих ласкала замершего вдруг и замолчавшего Адама.

И с новой силою любовь внутри, вокруг Адама невидимою негой засияла. И вдруг... О, как вселенская любовь затрепетала, когда Адам к прекрасной деве-матери вдруг подбежал, когда пред Евой на колени опустился, её касался прядей золотых и губ и молоком наполненной груди. И восклицанье в нежный шёпот сжал, словами выразить пытался восхищенье:

— Ева! Ева моя! Моя женщина! Ты способна претворять мечты!?

И в ответ... Чуть уставший и нежный тихий голос в ответ:

— Да, я женщина, твоя женщина. Претворим всё, что сможешь помыслить ты!

— Да! Вдвоём! Мы вдвоём! Теперь ясно! Мы вдвоём! Мы как Он! Мы способны претворять мечты! Посмотри! Слышишь нас, наш Отец?

Но впервые Адам не услышал ответ. Удивлённый, вскочил и воскликнул:

— Где же Ты, мой Отец! Посмотри на творенье моё! Совершенны, диковинны твари земные твои. Всё прекрасно: деревья, травинки, кусты и твои облака хороши. Но прекраснее линий цветка — посмотри! Радость больше, чем всё, что мечтой Ты творил, мне творенье моё принесло. Ты молчишь. Ты не хочешь смотреть на него? Но оно лучше всех! Больше всех по душе мне творенье моё. Что же Ты? Не желаешь взглянуть на него?

На младенца Адам посмотрел. Над проснувшимся тельцем младенца воздух был голубее

обычного, и ничто не трепал ветерок, только кто-то невидимый над губами младенца тонкий стебель сгибал, преклоняя цветок. И три нежных пушинки цветочной пыльцы губ младенца коснулись. Он, — младенец, губами почмокал, блаженно вздохнул, ручкой, ножкой подвигал и снова уснул. Догадался Адам, что, пока ликовал. Бог младенца лелеял, потому и молчал.

И воскликнул Адам:

— Значит, ты помогал! Значит, рядом ты был, и творенье признал?

И услышал в ответ тихий голос Отца:

— Не так громко, Адам, ты разбудишь дитя ликованием своим.

— Значит, ты, мой Отец, полюбил, как меня и творенье моё? Или больше его полюбил, чем меня? Если так почему? Объясни! Ведь оно не твоё.

— Любовь, мой сын, имеет продолженье; в творенье новом — продолжение твоё.

— Я, значит, здесь — и в нём одновременно? И Ева значит, в нём?

— Да, сын мой, ваше сотворенье во всём подобно вам не только во плоти. В нём дух, душа, сливаясь, новое рождает. И ваши устремленья продлятся и во много раз усилят радостные ощущения.

— Так что же, будет много нас?

— Заполнишь ты собою землю всю. Всё чувством осознаешь, и тогда в других галактиках твоя мечта мир воссоздаст ещё прекрасней.

— Где край Вселенной? Что буду делать я, когда приду к нему? Когда заполню всё собою, помысленное сотворю?

— Мой сын. Вселенная собой являет мысль, из мысли родилась мечта, частично видима материей она. Когда ты к краю подойдёшь всего, начало новое и продолженье твоя откроет мысль. Из ничего возникнет новое прекрасное рождение Тебя, стремленья, душу и мечту твою собою отражая. Мой сын, ты бесконечен, вечен ты, в тебе твои творящие мечты.

— Отец, как хорошо всегда, когда ты говоришь. Когда ты рядом, я обнять тебя хочу. Но ты невидим. Почему?

— Мой сын, когда мои мечтанья о тебе вселенские энергии в себя вбирали, не успевал я думать о себе. Мечты мои и мысли лишь тебя творили, мой облик видимый не создавали. Но, есть творенья видимы мои, ты чувствуй их, не разбирай. Просто умом их разобрать никто из всей Вселенной не сумеет.

— Отец, мне хорошо, когда ты говоришь. Ты рядом — рядом всё. Когда я окажусь в другом конце Вселенной, когда сомнения или непонятности в душе, скажи, как отыскать тебя? Ты в это время будешь где?

— В тебе и рядом. В тебе есть всё, мой сын, ты всех энергий властелин вселенских. Я противоположности вселенной уравновесил все в тебе, тем самым новое собой являешь ты. Ты ни одной из них не дай преобладать в себе. Тогда и я буду в тебе.

— Во мне?

— В тебе, и рядом. В твоём творенье ты и Ева. В тебе частичка есть меня, так и в твоём творенье я.

— Тебе я сын, кем для тебя являться будет новое творенье?

— Вновь ты.

— Кого любить ты больше будешь — меня, который я теперь, или родившегося меня вновь и вновь?

— Любовь одна, надежды больше в каждом новом воплощении и мечте.

— Отец, как мудр ты, я так хочу тебя обнять!

— Смотри вокруг. Творенья видимы, материализованные мысли и мечты мои. Материальным планом бытия своим всегда общаться можешь с ними.

— Я полюбил их, как тебя люблю, отец. И Еву полюбил, и новое своё творенье. Кругом любовь, в ней хочу вечно быть.

— Мой сын, только в любви пространстве ты вечно будешь жить.

Шли годы, можно так сказать, но время ведь понятие условное. Шли годы, но к чему считать, смерть человек долго в себе не мог познать. А значит, смерть тогда и не могла существовать.

ЯБЛОКО, КОТОРЫМ НАСЫТИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ

— Анастасия, но если всё вначале так было хорошо, то что произошло потом? Почему сейчас

войны на земле идут и голодают люди? Есть воровство, бандиты, самоубийства, тюрьмы. Полно семей несчастных, детей-сирот. Куда же любящие Евы подевались? Где Бог, который обещал, что будем все мы вечно жить в любви? Да впрочем, вспомнил я, что в Библии об этом говорится. Из-за того, что яблоко с дерева запретного человек сорвал, попробовал, из рая человека Бог изгнал. И даже стражу у ворот поставил, чтоб не пускать нашкодивших обратно в рай.

— Владимир, человека Бог не выгонял из рая.

— Нет, выгонял, об этом я читал. Он ещё и проклинал при этом человека. Еве говорил, что она грешница и будет в муках рожать, и Адам в поте лица пищу добывать. Так всё сейчас в реальности и происходит с нами.

— Владимир, поразмысли сам, быть может, логика такая или отсутствие её кому-то выгодна, имеет цель свою.

— При чём здесь логика и чья-то цель?

— Пожалуйста, поверь. Сам каждый должен научиться разбираться душой своей, действительность определять. Лишь поразмыслив сам, понять ты сможешь, что человека Бог не изгонял из Рая. Бог до сих пор всех любящим Отцом остался. Он Бог - Любовь, об этом тоже ты читал.

— Читал.

— Так где же логика тогда? Ведь любящий родитель никогда своё дитя не выгонит из дома. Родитель любящий, лишенья сам терпя, за любые прегрешения прощает детей своих. И не взирает Бог безучастно на все страдания людей, своих детей.

— Взирает или не взирает — я не знаю. Но только ясно всем, что он им не противостоит.

— О что ты говоришь, Владимир. Конечно, стерпит Он и эту боль от сына-человека. Но сколько ж можно не воспринимать Отца? Его любви не чувствовать, не видеть?

— Да что ты сразу так переживаешь? Скажи конкретнее. Где, в чём они, сегодняшние проявления к нам Божественной любви?

— Когда ты будешь в городе, вокруг себя внимательнее посмотри. Живой ковёр чудеснейшей травы покрыт безжизненным асфальтом, вокруг из вредного бетона громады, что домами называют, меж ними машины снуют, чадя смертельным газом. Но среди каменных громад, лишь малый островок найдя, встают травинки и цветы творенья Бога. И шелестом листвы, и птичьим пеньем он всё взывает к дочерям, сынам своим, происходящее осмыслить и вернуться в рай.

Всё уменьшается с земли любви свеченье, уже давно уменьшилось бы солнца отраженье. Но Он энергией своей усиливает неустанно живительность и солнечных лучей. Он, как и прежде, любит дочерей своих и сыновей. Он верит, ждёт, мечтает, как, однажды, очередным рассветным утром человек вдруг осознает, осознанность его вернёт Земле первоначальное цветенье.

— Но как произошло всё на Земле мечтаньям Бога вопреки и длится непонятно что тысячи, а может, миллионы лет? Как можно столько времени всё ждать и верить?

— Для Бога времени не существует. Как в любящем родителе, не исчезает вера в Нём. И вере той благодаря, все мы сейчас живём. И сами жизнь свою творим, свободой пользуясь нам предоставленной Отцом. А выбор в никуда ведущего пути людьми не вдруг был избран.

— Не вдруг, так как, когда? Что означает — “яблоко Адама”?

— В те времена, как и сейчас, Вселенная энергий множеством живых заполнена была. Живые сущности невидимы повсюду, и множество из них похожи на второе человеческое “я”. Они почти как люди, все планы бытия охватывать способны, но в материальное им воплотиться не дано. В том преимущество над ними человека. Ещё у комплексов энергий сущностей вселенских всегда над всеми одна энергия преобладает. И нет способности у них менять соотношение своих энергий.

Ещё среди сущностей вселенских есть комплексы энергий подобных Богу. Подобны, но они не Боги. На миг, уравнив энергий множество в себе, меж тем они не в состоянии творения живые создавать в гармонии, подобно Богу.

Во всей Вселенной никому не удаётся найти разгадку, тайну сокровенную раскрыть, какую силою план сотворён был материальный, где, в чём связующие нити его и сущего вселенского всего. И как, за счёт чего план этот сам себя способен воспроизводить?

Когда земля и всё на ней творилось Богом, то из-за скорости невиданной создания не успевали сущности понять, чем, силою какую Бог производит мирозданье. Когда же было всё сотворено и зримо, когда увидели, что человек сильнее всех, сначала в изумленье, в восхищенье многих ввергло, прекрасное виденье потом желание возникло повторить. Создать такое же, своё. Желанье это всё росло. Да и сейчас оно во множестве энергий сущих остаётся. В других галактиках, в других мирах они земли подобие пытались создавать. Планеты, Богом сотворённые, использовали даже. У многих

получалось подобие земного бытия, но лишь подобие. Земли гармонии, взаимосвязи всего со всем достигнуть никому не удавалось. Так, во Вселенной до сих пор планеты с жизнью есть, но с жизнью — лишь уродливым подобием земной.

Когда из множества попыток, не только лучшее создать, а повторить, все тщетны оказались (а тайны Бог не раскрывал своей), то к человеку многие из сущностей заобращались. Им было ясно: коль сотворенье Божье человек, коль он любим, любя, не мог ему чего-то недодать родитель любящий. Напротив, большие возможности Бог предоставить мог человеку — сыну своему. И стали обращаться к человеку сущности вселенские и по сей день стремятся обращаться. Вот и сегодня люди есть, что сообщают окружающим о том, как кто-то с ними говорит невидимый откуда-то из космоса и называет разумом себя и силой доброй. Вот и тогда, в начале самом, они то с назиданием, то с просьбой обращались к человеку. У всех вопросов суть одна, лишь маскируется по разному она: “Скажи, как, силою какой сотворены земля, всё сущее на ней, как, из чего ты сотворён великим, человек?”.

Но человек ответа никому так и не дал. На тот вопрос он сам ответ не знал, как и сейчас не знает. Но интерес в нём возрастал, и на вопрос у Бога человек стал требовать ответы. Не просто Бог не отвечал. Уразумлять пытался человека, прося вопрос убрать из мыслей:

— Прошу тебя, сын мой, твори. Тебе дано творить в земном просторе и мирах иных. Твоей мечтой помысленное претворится. Лишь об одном прошу, не разбирай, какую силой всё вершится.

— Анастасия, непонятно, почему Бог даже человеку, сыну своему, не захотел сказать о технике творенья?

— Я лишь предположить могу. Не отвечая даже сыну своему, Бог оградить его от бед стремился, предотвращал вселенскую войну.

— Не вижу связи никакой между отсутствием ответа и войной вселенской.

— Когда б раскрытой была тайна сотворенья, то на планетах, на других вселенских смогли б возникнуть равные земным по силе формы жизни. Две силы захотели б испытать друг друга. Возможно, то состязанье мирным быть смогло. Возможно, и похожим на земные войны. И тогда могла начало положить своё вселенская война.

— Действительно, пусть лучше техника творенья Бога в тайне остаётся. Не разгадал бы только кто-нибудь из сущностей её сам, без подсказки.

— Я думаю, никто её не разгадает никогда.

— А почему ты так уверена?

— Она такая тайна, что ясна, и в то же время нет её, и в то же время не одна она. Уверенность мне слово “сотворенье” придаёт, когда к нему второе подставляешь слово.

— Какое?

— Второе слово — “вдохновенье”.

— Ну и что с того? Что могут означать эти два слова вместе?

— Они...

— Нет! Стой! Молчи! Я вспомнил, говорила ты, что мысли, а значит, и слова не исчезают в никуда, а в пространстве вокруг нас витают и их услышать каждый может. Это точно?

— Точно.

— И сущности их слышать могут?

— Да.

— Тогда молчи. Зачем давать подсказку им?

— Владимир, ты не беспокойся, слегка им тайну приоткрыв, быть может, я смогу тем самым показать бесплодность и бессмысленность попыток неустанных их. Чтоб поняли они и перестали к человеку приставать.

— Ну, если так, скажи, что значит “сотворение” и “вдохновение”.

— Сотворение означает, что Бог творил, используя частички энергий всех вселенских и свою, и даже если сущности все вместе соберутся, чтобы подобное земле свершить, одной энергии им будет не хватать. Той, что присуща как идея Богу, родившейся в одной Божественной мечте. А “вдохновенье” означает, — в порыве вдохновения творения вершились. Кто из ваятелей — художников великих, в порыве вдохновения творящих, потом сказать попробует, как кисть держал, что думал, где стоял, на это он вниманье не обращал, работой полностью своею поглощённый. К тому же, есть энергия Любви, на землю посланная Богом. Она свободна, не подвластна никому и, верность Богу сохраняя, лишь человеку служит одному.

— Как интересно всё, Анастасия! Ты думаешь, услышат эти сущности, поймут?

— Услышат, может и поймут.

— И что я говорю, они услышат тоже?

— Да.

— Тогда ещё и подытожу им. Эй, сущности, вам ясно теперь, да? И больше к людям не цепляйтесь. Не разгадать вам замысел Творца! Ну как, Анастасия, хорошо я им сказал?

— Очень точно звучали у тебя последние слова: “Не разгадать вам замысел Творца!”

— А как давно они разгадывать пытаются?

— С того момента, как узрели землю и людей, вплоть до сегодняшнего дня.

— И чем же их попытки Адаму навредили или нам?

— В Адаме, Еве они гордыню, самость возбудили. И убедить смогли догматом ложным: “Чтоб нечто совершеннее, чем сущее, создать, необходимо разломать и посмотреть, как действует творенье сущее”. Они ему твердили часто: “Познай строение всего, тогда над всем ты возвышаться будешь”. Они надеялись, когда Адам творенья Бога станет разбирать, осмысливать строение, предназначенье их, поймёт умом взаимосвязь друг с другом у всех творений в чём. Они производимые Адамом мысли будут видеть и поймут, как можно сотворить, подобно Богу.

Не обращал Адам вначале внимание на советы и на просьбы. Но однажды Ева Адаму посоветовать решила:

“Я слышу, голоса твердят о том, что всё у нас прекраснее и легче будет получаться, когда познаешь ты строение всего внутри. К чему с советами упорно нам не соглашаться? Не лучше ли будет им последовать хоть раз?”.

Сначала ветку дерева с прекрасными на ней плодами сломал Адам, потом... Потом... сейчас ты видишь сам, творящая остановилась мысль у человека. Он до сих пор всё разбирает и ломает, познать пытается строение всего и примитивное своё творит остановившейся мгновенно мыслью.

— Анастасия, подожди. Совсем неясно. Почему считаешь, что человеческая мысль остановилась? Когда чего-то разбирают, напротив, называется — познают новое.

— Владимир, человек устроен так, что ничего ему не надо разбирать. В нём... Ну как же мне сказать понятней? В человеке, как бы в виде зашифрованном всего строение и так хранится. Шифр раскрывается тогда, когда включает он свою во вдохновении творящую мечту.

— Ну, всё равно неясно, какой вред от разборок может быть и почему они мысль останавливают. Ты как-то лучше на примере покажи.

— Да, правильно. Попробую примером. Представь, ты к цели едешь за рулём своей машины. Тебе приходит мысль вдруг, посмотреть, как двигатель работает, за счёт чего вращает колесо. Ты останавливаешь свой автомобиль и начинаешь разбирать его мотор, к примеру.

— Ну, разберу, узнаю, как там что, потом сам ремонтировать смогу. Что ж в этом может быть плохого?

— Но ведь пока ты будешь разбирать, движенье остановлено твоё. Ко времени ты цели не достигнешь.

— Зато я буду знать больше о машине. Чем плохо, что новое мной знание приобретено?

— Зачем тебе оно? Твоё предназначенье не ремонтировать — движеньем наслаждаться и творить.

— Неубедительно ты стала говорить, Анастасия. С тобой водитель ни один не согласится. Ну, может, те, которые на новых иномарках ездят, японских или “Мерседесах”, они редко ломаются.

— Творенья Бога не только не ломаются, но сами и воссоздавать себя способны, так для чего же разбирать их нужно?

— Как для чего — хотя б для интереса.

— Прости, Владимир, если неудачен мой пример. Позволь другой я привести попробую.

— Попробуй.

— Перед тобою женщина прекрасная стоит. В тебе влечение к ней горит, она тебе по нраву. И ты не безразличен ей, она стремится с тобой в творении соединиться. Но за мгновенья до порыва обоюдного к соединенью, к сотворенью, к тебе приходит мысль вдруг разобрать, из чего женщина та состоит. Как органы её работают внутри. Желудок, печень, почки. Что ест она, что пьёт. Как будет всё это работать в момент интимный.

— Всё. Дальше ничего не говори. Ты очень здоровский пример здесь привела. Не будет близости, творения не будет. Не получится, коль эта мысль проклятая придёт. Со мной однажды было так. Женщина мне долго нравилась одна, но не отдавалась. А как однажды согласилась, я вдруг подумал, как бы лучше всё сделать, и почему-то усомнился в способностях своих. В итоге ничего не получилось. Такой позор был, да и страху натерпелся. У друга спрашивал потом, и с ним такое было. Мы с ним к врачу даже ходили. Врач нам сказал, что здесь психологический сработал какой-то

фактор. Не надо было сомневаться и разбирать, что да как. Я думаю, из-за такого фактора мужчин немало пострадало. Теперь я понимаю: всё это из-за тех сущностей, из-за Адама всё, из-за совета Евы. Да, плоховато поступили тогда они.

— Что ж ты винишь только Адама и Еву? Сегодня посмотри, Владимир, всё человечество не продолжает ли упорно ошибку повторять, заветы нарушая Бога? Адаму и Еве не были последствия ясны, но почему сегодня человечество упорно продолжает всё разбирать? Творения живые разрушать? Сегодня! Когда последствия так явны и печальны.

— Не знаю. Может, всех необходимо как-нибудь встряхнуть? Зациклились мы, что ли, все в сплошных разборках? Я вот сейчас подумал — зря всё же Бог не наказал по-настоящему Адама, Еву. Взял бы надавал Адаму подзатыльников, чтоб дурь выбить из головы, из-за которой человечество сейчас страдает. И Еву по месту мягкому хорошим прутом отстегал, чтоб с советами своими не совалась.

— Владимир, Бог полную свободу человеку дал, и в мыслях наказаний от себя не произвёл. К тому же, наказанием содеянное в мыслях изменить нельзя. Деяния неверные будут твориться до тех пор, пока первоначальная не будет мысль изменена. Скажи, к примеру, как считаешь, кто смертоносную ракету изобрёл и ядерную к ней боеголовку?

— В России академик Королёв ракеты строил. А перед ним теоретически о них Циолковский говорил. Американские учёные старались. Ну, в общем, множество в ракетостроении работает человеческих умов. Изобретателей в разных странах много работает.

— Владимир, изобретатель всех ракет и всех оружия смертоносных к ним, на самом деле, лишь один.

— Как может быть один, когда над созданием ракет в разных странах целые научные институты работают и свои достижения в секрете друг от друга держат? Гонка вооружений в том и состоит, кто быстрее и совершеннее оружие произведёт.

— Всем людям, что себя учёными-изобретателями называют и независимо в какой стране они живут, он, тот единственный изобретатель, с удовольствием подсказки раздаёт.

— И где, в какой стране он проживает сам и как его зовут?

— Мысль разрушения. Она сначала, пробившись к человеку одному и телом завладев его материальным, копьё и наконечник каменный произвела. Потом ею содеяна стрела, и из железа наконечник.

— Но если знает всё она, ну, эта — разрушающая мысль, что ж она сразу ракету не произвела?

— Материальный план земного бытия помысленное всё не сразу воплощает. Замедленность в материи Созидателем для осмысления дана. У мысли разрушающей |копье и то, что есть сейчас, оружие и будущее, намного |большей смертоносности, произведено давно. Чтоб воплотить в земном материальном плане не копье, потребовалось множество заводов строить, лабораторий, что научными сейчас зовутся. Под внешне благовидными предложениями людей побольше вовлекали для претворений мысли смертоносной.

— А для чего ей это нужно, стараться неустанно так?

— Чтоб утверждаться. Чтоб уничтожить весь материальный план земли. Всему вселенскому чтоб показать, над всеми и над Богом превосходство энергий сущности всё разрушающей своей. И действует она через людей.

— Вот, гадина, хитрющая какая! А как бы нам её с земли изгнать?

ИНТИМНЫХ СВЯЗЕЙ С НЕЮ НАДО ИЗБЕГАТЬ

— Не допускать в себя её проникновенье. Всем женщинам интимных связей избегать с мужчинами, впустившими в себя мысль разрушенья, чтоб вновь и вновь её не возрождать.

— Ух ты! Да если в этом женщины все сговорятся, с ума сойдут научные, военные умы.

— Владимир, если женщины так станут поступать, не будет на земле войны.

— Уж это точно. Ты, Анастасия, зацепила здорово все войны. Ну, ты даёшь, все войны твоя идея может сокрушить. Ну, тыхватила. Действительно, кто ж из мужчин захочет воевать, когда никто из женщин после этого с ним спать не станет, потомство ему не принесёт. И получается, тот, кто войну затеет, сам себя, да и потомство всё своё убьёт.

— Коль женщины все так сделать захотят, войну никто не станет затевать. Грехопаденье Евы и своё перед собой и Богом сегодня женщиной живущей испукнется.

— И что же на земле будет тогда твориться?

— Вновь цветом первозданным расцветёт земля.

— Упорная Анастасия ты, своей мечте по-прежнему верна. Но и наивна ты. Как можно верить во всех женщин на Земле?

— Но как же мне не верить женщинам, Владимир, если знаю я, что в каждой женщине, сегодня на земле живущей, Божественная суть заключена. Так пусть же, пусть во всей красе раскроется она. Богини! Женщины Божественной земли. В себе раскройте вы Божественную суть свою. Вселенной покажите всей себя в красе первоистоков. Вы сотворенье совершенное, вы из Божественной мечты сотворены. Вы, каждая из вас, способна умирять энергии Вселенной. О женщины, богини всей Вселенной и Земли!

— Да как же можно утверждать, Анастасия, что на Земле все женщины — богини? Прямо смешно становится мне от наивности твоей. Подумать только! Все они — богини. И те, что за прилавками стоят, ну, в магазинах и киосках разных? Уборщицы, посудомойки, официантки. На кухне дома изо дня в день всё варят, жарят, да посудую гремят — тоже богини? Да в общем, ты и богохульствуешь сама. Как можно наркоманок, проституток — богинями назвать? Ну, ладно б, в храме... или на балу прекрасная танцует дама, о них ещё бывает, говорят: она богиня. А замухрышек разных, в тряпье немодное одетых, никто богиней никогда не назовёт.

— Владимир, обстоятельств современных череда на кухне каждый день стоять богинь земных и заставляет. Ты утверждал, что я похожа на зверька, что быт мой примитивен, а цивилизованный лишь тот, в котором ты живёшь. Так почему же женщины в цивилизации твоей часть жизни в кухне тесной проживают? Пол вынуждены мыть, из магазинов тяжести таскать? Кичишься ты цивилизацией своей, но почему же столько грязи в ней? И почему богинь прекраснейших земных в уборщиц превращаете своих?

— Да где ты видела уборщицу — богиню? Те, кто чего-то стоят, на конкурсах блистают красоты и утопают в роскоши, на них жениться все хотят. Но только за богатых они выходят замуж. А замухрышки разные и бедным не нужны.

— У каждой женщины есть красота своя. Не всякий раз дано лишь ей раскрыться. Ту красоту великую, как

талию, к примеру, измерять нельзя. Длина ноги, размер груди, цвет глаз при этом не важны. Она у женщины внутри, и в юной девочке, и в престарелой даме.

— Ну да, и в престарелых дамах. Да ты ещё о бабках пенсионерках расскажи! Они, по-твоему, что, тоже прекрасные богини?

— По-своему прекрасны и они. И несмотря на череду житейских унижений, надломов множества судьбы, любая женщина, которую бабулей стали звать, однажды утром может осознать, проснуться с зорькой, по росе пройтись, лучом осознанности восходу солнца улыбнуться, и тогда...

— И что тогда?

— Вдруг полюбить себя кого-нибудь заставит. Сама любима будет, и ему отдаст тепло своей любви.

— Кому ему?

— Тому, единственному своему, который в ней богиню осознает.

— Такого не бывает.

— Бывает. Ты спроси у пожилых. Узнаешь, пылких романов сколько бывает и у них.

— И ты уверена, что женщины способны мир менять?

— Способны! Способны без сомнения, Владимир. Приоритеты изменив своей любви, они творенье Бога совершенное, вернут земле прекрасный первозданный вид, всю землю превратят в цветущий сад Божественной мечты. Они — творенья Бога! Прекрасные богини божественной земли!

ТРИ МОЛИТВЫ

— Вот ты о Боге говоришь, Анастасия, а как ты молишься? Или не молишься совсем? Многие люди в письмах своих об этом просят у тебя спросить.

— Владимир, что за словом “молишься” подразумеваешь ты?

— Как что? Ну разве непонятно? Молиться... это значит молиться. Ты что, не понимаешь значения этого слова?

— Слова одни и те же по-разному воспринимают люди и разный чувствуют за ними смысл. Чтоб говорить самой понятнее, тебя я и спросила, как понимаешь смысл молитвы ты?

— О смысле как-то я не очень думал. Но всё равно одну молитву главную я знаю наизусть и

иногда её читаю — так, на всякий случай. Какой-то, видно, есть в ней смысл, раз многие её читают.

— И что ж? Ты выучил молитву, а смысл познать не захотел её?

— Не то чтобы не захотел, а просто не задумывался как-то над смыслом. Думал, всем он ясен, для чего задумываться? Молитва — это просто с Богом как бы разговор.

— Но если в молитве главной с Богом подразумеваем разговор, скажи, как можно с Богом, Отцом своим без смысла говорить?

— Не знаю как. Да что ты, в самом деле, с этим смыслом! Наверное, он был известен тем, кто написал молитву.

— Но ты ведь от себя с Отцом своим хотел бы говорить?

— Конечно. Каждый с отцом хотел бы от себя общаться.

— Но как же можно “от себя”, при этом слова произносить чужие, ещё и не задумываясь, что стоит за ними?

Меня сначала немного раздражала дотошность Анастасии относительно смысла выученной мной молитвы, но потом самому интересно стало определить заложенный в молитве смысл. Потому что мысль как-то сама собою в голову пришла: “Как же так получается? Молитву выучил, повторял её не раз, а вот над тем, что в ней, почти не думал. А интересно было бы разобрать, раз выучил”. И я сказал Анастасии:

— Ну ладно, я как-нибудь подумаю над смыслом. А она в ответ:

— Зачем же “как-нибудь”? Разве сейчас, вот здесь, не мог бы ты свою молитву прочитать?

— Да почему не мог? Могу, конечно.

— Тогда, Владимир, прочитай молитву ту, из всех которую ты главной называл, и с помощью которой говорить с Отцом пытался.

— Так я одну всего и знаю. Её и выучил потому, что главной вроде бы другие все её считают.

— Пусть так. Прочти свою молитву, а я за мыслью поспежу твоей.

— Ладно. Слушай.

Я прочитал Анастасии молитву “Отче наш”, где, если помните, слова такие:

Отче наш, Иже еси на небесах!

Да святится имя Твое.

Да придет царствие Твое.

Да будет воля Твоя,

Яко на небеси и на земли.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь,

И остави нам долги наша, якоже

И мы оставляем должником нашим,

И не введи нас во искушение,

Но избави нас от лукавого.

Яко Твое есть царство, и сила, и слава

Отца и Сына и Святаго Духа

Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Я замолчал и посмотрел на Анастасию. А она вниз опустила голову, не смотрит на меня, тоже молчит. И так сидела молча, грустная, пока не выдержал я и не спросил:

— Ты почему молчишь, Анастасия? Она, не поднимая головы, произнесла:

— Каких же слов моих ты ждёшь, Владимир?

— Ну как “каких”? Я даже без запинки молитву прочитал. Понравилась она тебе? Могла бы сказать, а ты молчишь.

— Когда читал молитву ты, Владимир, пыталась я за мыслью проследить твоей, за чувствами, за смыслом обращения. Смысл слов понятен мне молитвы, но ты не все в ней понимал слова. Твоя едва родившаяся мысль рвалась, терялась, чувств не было совсем. Ты не познал значенья многих слов молитвы, не обращался ни к кому. Ты просто бормотал.

— Так я ж, как все, её читал. Я в церкви был, там ещё больше непонятных слов. Другие, слышал, как читают люди. Бормочут скороговоркой, да и всё. А я всё чётко, медленно тебе читал, чтоб поняла.

— Но перед этим ты сказал: “Молитва — к Богу обращение”.

— Да, сказал.

— Но Бог Отец наш, Он личность, Он субстанция живая. Способен чувствовать Отец и понимать, когда нормальное рождается общенье. А ты...

— Что я? Ну говорю ж тебе, так все читают, к Богу обращаясь.

— Представь, перед тобою дочь твоя, Полина, вдруг что-то станет монотонно говорить, а во фразы непонятные даже самой себе слова вплетает. Тебе, отцу, понравится ли дочери такое обращение?

Я как представил ясно ситуацию такую, так прямо жутковато стало. Стоит передо мною дочь моя, бормочет что-то, словно полоумная какая, и сама не понимает, что хочет. И решил про себя: “Нет, надо разобрать осмысленно молитву. Нельзя бессмысленно твердить слова. А то что ж получается, я словно полоумным придурком перед Богом предстаю. Пусть кто угодно так её бормочет. Я обязательно молитву эту всю пойму. Словам неясным только где-то надо перевод найти. И почему в церквях каким-то языком неясным говорят? Вслух же сказал Анастасии:

— Ты знаешь, тут, наверно, перевод неполный и неточный. Потому, как ты сказала, мысль моя терялась.

— Владимир, можно смысл понять и с этим переводом. Конечно, в нём слова, ушедшие из обихода речевого, есть. Но ясен смысл, когда над ним подумать, определить, что для тебя всего важнее и для Отца приятнее. Что хочешь ты, произнося к Отцу молитвенное обращение?

— Ну, что в словах там сказано, того, наверно, и я хочу. Чтоб хлеба дал, грехи простил и долги, и в искушение не ввёл, а избавлял от лукавого. Всё ясно там.

— Владимир, пищу Бог для сыновей и дочерей своих всю отдал до рождения их. Вокруг взгляни, давно содеяно всё для тебя. Грехи родитель любящий без просьб прощает всем, и в искушение никого вводить не мыслит. Способность каждому Отец вложил не поддаваться на лукавые посулы. К чему же обижаешь ты Отца неведением того, что им давно претворено? Вокруг тебя все вечные дары Его. Родитель любящий, отдавший всё ребёнку своему, что может ещё дать?

— А если Он ещё чего-то не додал?

— Бог максимален. Сынам и дочерям Своим всё изначально предоставил. Всё! Сполна! Он как родитель, беззаветно любящий своё дитя, себе не мыслил блага большего, чем радости от радостного бытия своих детей! Своих сынов и дочерей!

Скажи, Владимир, какие чувства может испытать Отец, отдавший детям изначально всё и видящий стоящих перед ним детей и безустанно внемлющих к нему: “Ещё, ещё, убереги, спаси, все мы беспомощны, все мы ничто”? Ответь, пожалуйста. Вот ты, родитель, или кто-то из твоих друзей хотел бы занять таких детей?

— Не буду я тебе здесь сразу отвечать. Сам разберусь, когда подумаю спокойно.

— Да, да, конечно, хорошо, Владимир. Только, пожалуйста, когда найдётся время, подумай, что хотел бы слышать от тебя Отец, помимо просьб твоих.

— А что, и Бог от нас чего-то может захотеть? Чего?

— Того, что каждый от своих детей услышать хочет.

— Скажи, Анастасия, ты сама в молитве к Богу обращаешься когда-нибудь?

— Да, обращаюсь, — прозвучал её ответ.

— Так прочитай молитву мне свою.

— Тебе, Владимир, не могу. Молитва Богу предназначена моя.

— Пусть к Богу, я её услышу.

Анастасия встала, расставив руки, повернулась от меня и первые слова произнесла. Обычные слова молитвы, но... внутри меня как будто вдруг всё встрепенулось. Она произнесла их так, как говорим мы не молитву. Она их говорила так, как люди все к своему близкому, любимому, родному обращаются. Все интонации общения живого в её речи были. И страсть, и радость, и отчаянный восторг, и будто рядом находился тот, к кому Анастасия обращалась пылко:

Отец мой, существующий везде! За жизни свет Тебе спасибо, За явь спасибо царства Твоего, За волю любящую. Быть добру.

За пищу каждодневную Тебе спасибо! И за Твоё терпенье,

И за прощенье прегрешений на Твоей земле. Отец мой, существующий везде, Я дочь Твоя среди Твоих творений. Не допущу греха и слабости в себе, Стану достойной я Твоих свершений.

Отец мой, существующий везде,

Я дочь Твоя, для радости Тебе.

Твою собою славу преумножу

Грядущие века все будут жить в Твоей мечте.

И будет так! Я так хочу! Я дочь Твоя,

Отец мой, существующий везде.

Анастасия замолчала. Со всем, что было вокруг неё, общаться продолжала. Вокруг неё, казалось, свет светился. Когда она слова своей молитвы произносила и рядом была, вокруг невидимое что-то происходило. И это что-то невидимое коснулось и меня. Не внешним — внутренним прикосновением. От него вдруг стало хорошо, успокоенно. Но по мере удаления Анастасии это состояние прошло, и я сказал ей, отошедшей, вслед:

— Ты так молитву прочитала, как будто рядом с тобой кто-то был, способный на неё ответить.

Анастасия повернулась в мою сторону, лицо её было радостным. Она развела руки по сторонам, перекружилась, улыбаясь, потом, серьезно глядя мне в глаза, сказала:

— Владимир, Бог Отец наш для каждого с мольбою тоже говорит, на каждую молитву отвечает.

— Но почему тогда его слова никто не понимает?

— Слова? Так много слов со смыслом разным у земных народов. Так много непохожих языков, наречий. И есть один для всех язык. Один для всех язык божественных воззваний. И соткан он из шелеста листвы, из пенья птиц и волн. Имеет запахи божественный язык и цвет.

Бог этим языком на просьбу каждого и на молитву молитвенный даёт ответ.

— А ты могла б перевести, сказать словами, что он нам говорит?

— Могла б примерно.

— Почему примерно?

— Бедней намного наш язык того, каким Бог с нами говорит.

— Ну, всё равно скажи, как сможешь. Анастасия на меня взглянула, вперёд вдруг руки протянула, и голос... воскликнул голос вдруг её грудной:

Сын Мой! Мой сын дорогой! Как долго Я жду. Всё жду. В минуте года, в мгновенье века, Я жду.

Тебе всё отдал. Земля вся твоя. Ты волен во всём. Свой выберешь путь. Только, прошу, сын мой, Мой сын дорогой, Будь счастлив, прошу.

Ты не видишь Меня.

Ты не слышишь Меня.

В разуме твоём сомнения и грусть.

Ты уходишь. Куда же?

Ты стремишься. К чему?

И поклон бьёшь кому-то.

К тебе руки тяну.

Сын Мой, сын дорогой,

Будь счастлив, прошу.

Ты снова уходишь. А путь — в никуда. На этом пути взорвётся земля. Ты волен во всём, и взрывается мир, Взрывает судьбу твою.

Ты волен во всём, но Я устою. С травинкой последней тебя возрожу. И снова мир будет сиять вокруг, Только будь счастлив, прошу.

На ликах святых суровая грусть,

Тебя пугают адом, судом.

Тебе говорят — Я судей пошлю.

Но Я лишь молю о том,

О времени том, когда снова вдвоём.

Я верю — вернёшься,

Я знаю — придёшь.

Я снова тебя обниму.

Не отчим! Не отчим! Я твой!

Я твой Аве Отче, ты сын Мне родной.

Мой сын дорогой,

Мы будем счастливы с тобой!

Когда Анастасия замолчала, не сразу я в себя пришёл. Как будто слушать продолжал всё, что

вокруг звучало, а может, слушал, как во мне самом по жилкам в необычном ритме кровь бежала. Что понял? До сих пор сам не пойму.

Она в своей трактовке пылкой молитву Бога к человеку излагала. Слова верны или неверны кто теперь скажет? И почему, кто сможет пояснить, они так сильно чувства будоражат? И что я делаю сейчас? В осмысленном волнении ручкой по листу вожу, или не осмысленно... С ума схожу? Её слова переплетаю с теми, что сейчас барды от её имени поют? Всё может быть. Другие за меня, быть может, и поймут. И я попробую понять, как допишу. И вновь пишу. Но вновь, как там, в лесу, как будто прорываясь сквозь завесу, вдруг иногда звучат строки молитв таёжных. И вновь вопрос. Мучительный вопрос, он и по сей день во мне встаёт. Картинами встаёт из нашей жизни и размышлениями. Я на него себе боюсь ответить сам. Но и держать только в себе не в силах больше. Быть может, кто-то убедительный найдёт ответ.

Молитва! Эта молитва Анастасии! Всего лишь слова! Слова таёжной отшельницы, необразованной, со своеобразным мышлением и образом жизни. Всего лишь слова. Но почему-то всякий раз, как вновь звучат они, взбухают жилки на руке, что пишет, и кровь по ним пульсирует быстрее. Пульсирует, отмеряя секунды, за которые необходимо решить, что лучше и как дальше жить. Просить у доброго Отца — избави, дай, преподнеси? Или вот так, решительно и от души, так, как она, вдруг заявить:

Отец мой, существующий везде, Не допущу греха и слабости в себе. Я сын Твой, я для радости Тебе Твою собою славу преумножу...

Какой молитвы смысл будет приятнее Ему? Что должен делать я или все вместе мы? Каким путём идти?

Отец мой, существующий везде,
Не допущу греха и слабости в себе...

Но где же силы взять, чтоб так сказать? И чтобы сказанное выполнить потом!

РОД АНАСТАСИИ

— Скажи, Анастасия, как случилось так, что ты и прародители твои в глухом лесу, от общества отдельно, на протяжении тысячелетий жили? Если, как ты утверждаешь, всё человечество — единый организм, у всех единые имеются истоки, то почему твой род среди других, словно изгой?

— Ты прав, у всех единый есть родитель. И есть родители, которых видим мы. Но есть ещё у каждой человеческой судьбы свобода выбора по воле собственной пути, ведущего к определённой цели. Среди прочего, от воспитания чувств зависит выбор.

— И кто ж тогда так воспитал далёких прародителей твоих, что до сих пор твой род так отличается? Ну, образом жизни, что ли, понятием своим?

— Ещё в далёкие те времена... В далёкие сказала, а было всё как будто бы вчера. Я лучше так скажу: когда настали времена, и человечество не сотворять совместное, а разбирать творенья Бога устремилось, когда копьё уже летело и шкуры преданных зверей на теле людей достоинством считаться стали, когда сознание всех менялось, и устремлялось по пути, ведущему к сегодняшнему дню, когда не к сотворенью, а к познанию устремилась мысль людская, вдруг стали люди разбирать, как, вследствие чего, мужчина, с женщиной сливаясь, великое удовлетворенье способны испытать. Тогда впервые мужчины женщин стали брать, а женщины себя мужчинам отдавать не ради сотворенья, а для того, чтоб получить приятное двоим удовлетворенье.

Казалось им, как и сейчас живущим людям кажется, оно приходит каждый раз, когда слияние происходит мужского, женского начал, их плоти, видимых их тел.

На самом деле удовлетворения от слияния только плотских тел неполны, скоротечны. В деяниях лишь утешных другие планы человеческого “я” участия не принимают. А человек стремился к ощущению полноты, тела и способы соединения меняя, но до сих пор сполна его не получая.

Последствием печальным плотских тех утех являлись дети их. Их дети были лишены осмысленных стремлений к цели для претворения божественной мечты. И стали женщины рожать в мученьях. И дети подрастающие в муках были жить обречены, отсутствие трёх планов бытия им не давало счастье обрести. Так до сегодняшнего дня мы и дошли.

Одна из первых женщин, когда в мученьях родила своё дитя, увидела, что девочка новорождённая её при родах ножку повредила и такой хиленькой была, что даже плача звук не издавала. Ещё увидела та женщина, как тот, кто с нею плотской утехой наслаждался, к рождению рав-

нодушным оставался, с другою женщиной утешиться стал искать. И женщина, что стала матерью случайно, на Бога вознегодовала. Грубо схватила девочку новорождённую свою, от всех подальше, в лесную чащу, не обжитую людьми, бежала. В отчаянии остановившись, чтоб дыхание перевести, со щёк своих слезу рукой стирала, на Бога всякий раз слова со злобою бросала: “Зачем в твоём, как ты считал, прекрасном мире есть боль, есть зло, есть отречение? Я не испытываю удовлетворенья, когда на мир, тобою созданный, смотрю. Я вся в отчаянии и злобой вся горю. Я всеми брошена. И тот, к кому ласкалась я, сейчас с другою ласкается, меня забыв. И это ты их создал. Он твой, меня предавший, изменивший мне. Она, его сейчас ласкающая, тоже ведь твоя. Они твои творенья, да? А я? А я их задушить хочу. Я злобой вся на них горю. Безрадостен мне мир твой стал. Что за судьбу ты для меня избрал? И почему уродливо, полумертво дитя родилось от меня? Я не хочу, чтоб видели его. Нет радости во мне от созерцания такого”.

Та женщина не положила — грубо бросила в траву лесную едва живой комочек — дочь свою. С отчаяньем и злобой прокричала, обращаясь к Богу:

— Никто пусть не увидит дочь мою! А ты смотри. Смотри на те мученья, что среди твоих творений происходят. Она не будет жить. Я не смогу кормить рождённое дитя. Сжигает злоба молоко в моей груди. Я ухажу. Но ты смотри! Смотри, как много в мире, созданном тобой, несовершенства. Пусть умирает пред тобой рожденье. Пусть умирает среди творенья, что создал ты.

Со злобой и отчаяньем от девочки своей бежала мать. А девочка новорождённая одна, беспомощным комочком и едва дыша, одна осталась на траве лесной. Прамамочка далёкая моя в той девочке, Владимир, и была.

Идущие с Земли Бог ощутил отчаяние и злобу. Печаль и сострадание было в нём к рыдающей, несчастной женщине. Но любящий её, невидимый Отец не мог менять её судьбу. На женщине, в отчаяние бегущей, свободы, им же данной, был венец. Сам каждый строит человек свою судьбу. План материальный не подвластен никому. Лишь человек один его хозяин полноправный.

Бог — личность. Отец всему, не во плоти он существует. Не во плоти. Но комплекс всех энергий в нём вселенских, весь комплекс чувств, присущих человеку, есть. Он радоваться может и переживать, грустить, когда один из сыновей или дочерей свой путь к страданию выбирает. Отцовской нежностью ко всем пылает Он, и каждый день, для всех без исключения, всю землю солнца лучиком любви ласкает. Он каждым днём надежды не теряет в том, что дочери Его, Его сыны, Божественным пойдут путём. Не по указке, не под страхом, свободой пользуясь, определяют они свой путь к совместному творенью, к возрожденью и к радости от созерцания его. Он верит, наш Отец, и ждёт. И жизнь собою продолжает. Весь комплекс чувств людских в нашем Отце.

Представить сможет ли хоть кто-нибудь, что чувствовал

Отец наш Бог, когда в Его лесу, среди Его творений новорождённое Его дитя тихонько умирало?

Не плакала та девочка и не кричала. Сердечко маленькое замедляло ритм. Лишь иногда своими губками она искала сосок живительный, хотела пить.

Нет плотских рук у Бога. Всё видящий, не мог он девочку к груди своей прижать. Отдавший всё, что может ещё дать? И тогда. Вселенную способный заполнить всю энергией своей мечты, над лесом тем в комочек сжался. В комочек маленький, способный разнести при быстром расширении вселенские все необъятные миры. Он концентрировал над лесом энергии своей любви. Любви ко всем Своим твореньям. Он воплощался через них в деяниях своих земных. И они...

Уж посиневших губ, в траве лежащей девочки, коснулась капелька дождя, и тут же тёплым ветерком подуло. Упала с дерева пыльца, и девочка её вдохнула. И день прошёл, и ночь настала, а девочка не умирала. Лесные твари, звери все, Божественной объята негой, ту девочку своим детёнышем признали.

Шли годы, девочка росла и девушкою стала. Лилит могу её назвать.

Когда она ступала по траве рассветом озарённой, “Лилит” всё радостно кричало! Лилит улыбкой озаряла и ласкала мир. Богом созданный, вокруг неё. Лилит всё окружающее принимала, как мать свою и как отца воспринимаем мы.

Уж повзрослевшая, она всё чаще к краю леса подходила. Тихонько прячась среди травы, кустов, она следила, как люди, так похожие на неё, какой-то странной жизнью жили. Всё больше от творений Бога отделялись, жилища строили, ломая всё вокруг, в шкуры зверей зачем-то одевались. И восхищались, убивая Божью тварь, и восхваляли тех, кто убивал быстрее. Из омертвевшего всё что-то создавали. Ещё тогда Лилит не знала, что, из живого мёртвое творя, при этом умными людьми они себя считали.

Она стремилась к людям, чтоб сказать о том, что радость может принести для всех. Она совместного желала сотворенья и радости от созерцания его. Всё больше возрастала в ней

потребность к рождению нового живого божественного сотворенья.

Свой взор она всё чаще направляла на одного. Среди других невзрачным он казался. Недалеко копьё метал, в убийствах неудачливым считался, задумчив был и часто тихо пел, уединившись, мечтал о чём-то часто о своём.

Однажды вышла Лилит к людям. Живительных даров лесных собрав, несла в сплетённой из лозы корзине она к людской толпе, к стоявшим у убитого слонёнка, о чём-то спорящим мужчинам. И он был среди них, её избранник. Ее увидев, замолчали все. С собой Лилит прекрасною была. Стан обнажённый не прикрыв, не ведала она, что у мужчин над всем желанья плотские уже преобладали. Они к ней бросились толпой. Она, дары свои поставив на траву, смотрела, как похотью глаза бегущих к ней горели. И он, её избранник, побежал за всеми.

Ещё на расстоянии Лилит вдруг ощутила, как струн тонких её души волна агрессии коснулась. И, сделав шаг назад, она вдруг повернулась и побежала от приближающихся воинов мужчин.

Гнались за нею долго, возжелением горя. Она легко бежала и не уставала, а гнавшиеся потом обливались. Не суждено к Лилит им было прикоснуться. Не знали те, кто возжелал прекрасное догнать, чтобы прекрасное познать, внутри себя таким же нужно обладать.

И воины от бега утомились. Из виду потеряв Лилит, обратно побрели и заблудились: Потом дорогу всё ж нашли.

Один в лесу блуждать лишь продолжал. Устал, присел на дерево упавшее, запел. Лилит, тихонько прячась, наблюдала и слушала, как песню пел тот, к кому она стремилась, и тот, кто среди всех других мужчин за нею гнался. Пред ним всё ж вышла в отдалении она, чтоб показать дорогу к его стану. И он пошёл, не побежал за ней. Когда до края леса так они дошли, когда увидел он костры и стан свой, про всё забыв, к нему бежать пустился. И на бегущего избранника Лилит смотрела. То билось необычно сердце в ней, а то вдруг замирало, когда Лилит твердила про себя и повторяла: “Будь счастлив ты среди других, любимый, счастлив будь. О как хочу, песню не грустную, счастливую твою услышать здесь, в моём лесу”.

Бегущий вдруг остановился, в задумчивости к лесу повернулся, потом на стан задумчиво смотрел и снова к лесу взор направил. Вдруг он копьё отбросил и уверенно пошёл. Он шёл туда, где, спрятавшись, Лилит стояла. Когда укрытие её он мимо проходил, не отрываясь, вслед ему Лилит смотрела. Быть может, взор любви его остановил. Он повернулся и пошёл к Лилит. С ней рядом встал, она не убежала. В его протянутую руку свою ладонь, ещё робеющую, возложила. И вместе, взявшись за руки, они пошли, ещё ни слова не сказав друг другу. К полянке, где Лилит взрастала, шли поэт отец мой и прамамочка моя.

Шли годы, продолжался род. И в каждом поколении моих предков стремление хоть кого-нибудь обуревало прийти туда, где жил другой народ, так схожий внешне, но с другой судьбой. И шли они под видом разным. То среди воинов терялись, то среди жрецов, то как учёные стремились представлять. Поэтами, своей поэзией блистали. Они пытались рассказать, что есть иной путь к счастием человека, что рядом тот, кто создал всё, лишь от него не надо закрываться, в угоду меркантильной суете, в угоду не Отцу, а сущностям иным не надо поклоняться.

Они стремились рассказать и погибали. Но даже когда женщина одна или мужчина оставались, они своей любовью находили друга среди живущих образом другим, и продолжался род, не изменявшийся с первоистоков своими помыслами, жизни образом своим.

ЧТОБ ЧУВСТВОВАТЬ ДЕЯНЬЯ ВСЕХ ЛЮДЕЙ

— Анастасия, подожди, — меня как будто током мысль кольнула, — ты говоришь, что погибали все. И длится так тысячелетья. И все попытки безуспешны, всё человечество идёт своим путём?

— Да, все попытки были безуспешны моих прамамочек, отцов моих.

— Все погибали, значит, да?

— Все погибали, кто в люди шёл и говорить стремился.

— Так это же одно лишь означает, и ты погибнешь, как и все. Ты тоже стала говорить. И здесь надеяться на что-то просто глупо. Ну, если никому не удалось мир, образ жизни общества сменить, зачем же ты...

— К чему о смерти преждевременно твердить, Владимир? Смотри, вот я и продолжаю жить. И рядом ты, и сын взростает наш.

— Но что уверенность в тебя вселяет? Что заставляет верить, будто победишь ты именно и вопреки попыткам неудачным твоих предков. Ты как они, всего лишь говоришь.

— Всего лишь говорю, считаешь ты? Когда-нибудь на фразы повнимательнее посмотри,

Владимир. Не для ума они. Нет информации в них, ранее не излагавшейся, но люди их читают, и чувства бурные во многих возникают.

Все потому, что так построены они, что люди много видят между строк. Поэзия их собственной души пробелы недосказанного заполняет. И говорю теперь об истине Божественной не я, они её собою открывают. Всё больше их становится, теперь их не свернуть с пути мечты, присущей только Богу. Ещё и миссия моя не завершилась, а в душах многих претворилось желанье то, что ждал Творец. И это главное.

Когда душа в мечте к чему-то устремилась, то обязательно, поверь, всё обязательно и в жизни претворится. — Тогда скажи мне, почему такими фразами всё равнее не излагалось?

— Не знаю. Может быть. Творящий блеснул энергией какой-то новой! Говорящей по-новому о том, что видим каждым днём вокруг себя, что видим, но значенья должного не придаём. И чувства не обманутся мои, я ясно чувствую. Он снова все энергии свои приводит в ускоренье. Рассвет грядёт для всей земли. Земные дочери Его, сыны познают жизнь такую, какой творила жизнь энергия Божественной мечты. И ты, и я причастны к тому будем. Но главное! Но, главное, они, те, первые, кто ощутить сумел те мысли, что сложились между строк, те мысли, что, как музыку души энергии Творца, в людей вселили. Всё получилось! Всё произошло! Уж в мыслях новый мир стремятся строить люди.

— Ты как-то в общем говоришь, Анастасия. Скажи конкретнее, что люди должны делать, какой и как, ну, этот мир построить, в котором счастливыми все будут жить?

— Сейчас конкретнее, Владимир, не могу. Трактатов на Земле немало в период жизни человечества бывало. Пред многими из них впадали люди в преклоненья. Но только все бессмысленны они. Трактаты мир не в силах изменить, и доказательством тому всего одна лишь точка служит.

— Какая точка? Не пойму.

— Та точка во Вселенной, где предел всему определён. Та точка, на которой всё человечество сейчас стоит. И всё зависит от того, в какую сторону оно направит следующий шаг. Всё это говорит о том, что нет в трактатах смысла никакого. Всё человечество от сотворения живёт, лишь чувствами влекомо.

— Постой, постой. Я что же?.. Я, что ли, не умом всё в своей жизни делал?

— Владимир, ты, как все другие люди, умом своим вокруг себя соотношение материи менял, стремясь посредством материальным ощущенья испытать, те ощущенья, о которых интуитивно знает каждый человек. Которых ищет каждый, и найти не может.

— Какие ощущенья? Что каждый ищет? Ты о чём?

— О том, что ощутили люди там, в первоистоках, когда их жизнь была ещё в раю.

— И что же, значит, хочешь ты сказать, я столько дел умом своим перелопатил для того, чтоб чувства эти райские познать?

— А ты, Владимир, сам помысли, для чего ты все дела свои творил.

— Как для чего? Как все и я обустроивал жизнь свою, своей семьи. Чтоб чувствовать себя других не хуже.

— “Чтоб чувствовать” — ты слово произнёс.

— Да, произнёс.

— Теперь понять сумеи. “Чтоб чувствовать”... деянья всех людей.

— Ну, как же, — “всех”. И наркоманов действия, что, тоже поиском являются тех ощущений?

— Конечно. Как и все, они стремятся эти ощущения найти, идя своим путём. Земное тело подвергая истязаниям, употребляют зелье, чтоб на миг, хоть приблизительно, оно им ощущение великое помочь познать смогло.

И пьяница, все забывая, морщась, горькую отраву пьёт лишь потому, что поиск ощущения прекрасного и в нём живёт.

И напрягает ум учёный, причудливым изобретает новый механизм, считает, будто механизм ему и всем другим поможет удовлетворение познать. Но тщетно.

За свою историю немало людская мысль бессмысленного наизобретала. Владимир, вспомни, и тебя предметов множество, там, где живёшь ты, окружает. И каждый тот предмет считается достижением научной мысли. Труд множества людей затрачен для появления его. Но только мне скажи, пожалуйста, Владимир, какой из них тебя счастливым, удовлетворённым жизнью сделал?

— Какой?.. Какой?.. Ну, может быть, отдельно взятый — никакой. А вместе все предметы жизнь всё же сильно облегчают. Машина легковая, например. За руль садишься и едешь, куда хочешь. На улице дождь, холод, а в машине можно отопление включить. На улице жара, все потом обливаются, а

ты кондиционер включаешь, и вокруг тебя прохлада. А в доме, вот на кухне, например, для женщин множество приспособлений существует. Посудомоечные машины даже есть, чтоб женщин от труда освободить. И пылесосы тоже есть, чтобы уборку облегчить и время сэкономить на уборке. Всем ясно, множество предметов способны облегчать нам жизнь.

— Увы, Владимир, иллюзорны облегченья эти. Своею жизнью сокращенной, да страданиями всё человечество за них и вынуждено каждый день платить. Чтоб получать бездушные предметы, работой нелюбимой, как рабы, всю жизнь и вынуждены заниматься люди. Предметы появляются бездушные вокруг, как индикатор степени непонимания человеком вселенской сути бытия.

Ты человек! Внимательнее посмотри вокруг себя. Чтоб получить очередной свой механический предмет, заводы строятся, чада смертельным смрадом, безжизненной становится вода, и ты... Ты, человек, для них всю жизнь свою нерадостной работой должен заниматься. И не они тебе, а ты им служишь, изобретая, ремонтируя и поклоняясь им. Меж тем Владимир, мне скажи, кто из великих мудрецов учёных изобрёл и на каком заводе произвёл вот этот механизм для услуженья человеку?

— Какой?

— С орешком белочку, что под моей рукой. Я посмотрел на руку Анастасии. Она держала её протянутой, ладонью вниз, примерно в полуметре над травой. А на траве, как раз под ладонью, на задних лапках рыженькая белочка стояла. В передних лапках белочка держала кедровую шишку. Мордашка рыжая то к шишке опускалась, то задиралась вверх, и круглые блестящие глазёнки белочки смотрели на лицо Анастасии. Анастасия улыбалась, глядя на зверька, не шевелясь, и руку на весу по-прежнему держала. И белочка в траву вдруг шишку положила, хлопотала как-то вся над ней и лапками передними, своими коготками лущила шишку, маленький орешек из неё достала. И снова встав на лапки задние, подняв свою мордашку, словно протягивала тот орешек для Анастасии, как будто бы просила его принять из её лапок. Но и здесь, не шевелясь, сидела на траве Анастасия. И белочка, склонив головку, быстро надкусила скорлупу орешка и лапками своими, коготками очистила зерно от скорлупы и положила на листок травы зерно ореха. Потом зверёк всё новые орехи из кедровой шишки стал доставать, надкусывал скорлупки и ядрышки на листик складывал. Анастасия опустила руку и положила на траву ладонью вверх. И белочка все ядра чистые в ладонь с листа переложила торопливо. Анастасия второй своей рукой слегка погладила пушистого зверька, и белочка вдруг замерла. Потом поближе к Анастасии подбежала и встала, как-то радостно перед нею трепеща, заглядывая ей в лицо.

— Спасибо! — в адрес белочки произнесла Анастасия, — ты сегодня хороша, как никогда, красавица. Иди, иди же, хлопотушка. Найди избранника, красавица, достойного себе. И руку протянула в сторону ствола развесистого кедра. Вокруг Анастасии вприпрыжку белочка два раза обежала и бросилась стремглав по направлению, указанному ей рукою человека, вскочив на ствол, исчезла в кроне кедра. А на ладони, протянутой ко мне, лежали ядра чистые кедрового ореха. “Действительно! Вот это механизм — подумал я. — Сама продукт срывает, сама его приносит, ещё и чистит от скорлупы, ухода за собой не требует зверёк, ремонта, электроэнергию не потребляет”. Попробовав орешков, я спросил:

— А полководцы Македонский, Цезарь, правители, что войны затевали, Гитлер тоже, что ли, чувства первоисточков те искали?

— Конечно. Чувствовать себя они хотели правителями всей земли. Считали подсознательно, что ощущение такое сродни тому, что все интуитивно ищут. Но ошибались в том они.

— Считаешь, ошибались. Почему ты так считаешь? Ведь никто ещё весь мир завоевать не смог.

— Но завоёвывали города и страны. За город шло сражение, победы достигали, но скоротечное удовлетворенье завоеватели от той победы получали. И к большему завоеванию они стремились, войны продолжали. Завоевав страну, и не одну, не радость, а заботы получали. И страх всё потерять, и вновь пытались удовлетворение искать путём воинственных свершений. Их ум, погрязший в суете, уже не мог их привести к мечте Божественных великих ощущений. Печален был конец у всех воинственных правителей земных. И обозримая, известная сегодня всем история о том гласит. Но только, к сожаленью, суета, метанья, догматов меркантильных череда не позволяют тем, кто в дне сегодняшнем живёт, определить где, в чём их ощущение Божественное ждёт.

ТАЁЖНЫЙ ОБЕД

Каждый раз, когда я бывал в тайге, у Анастасии на её полянке, всегда брал с собой чего-нибудь поесть. Брал с собой консервы, печенье герметично запечатанное в целлофан, рыбу, нарезанную

ломтиками в вакуумной упаковке. И каждый раз, возвращаясь от Анастасии, я обнаруживал свои запасы неиспользованными. И каждый раз она ещё подкладывала мне от себя гостинцев. В основном это были орешки, ягоды свежие, завернутые в листья, сушеные грибы.

Мы привыкли есть грибы хорошо проваренные, прожаренные, маринованные или солёные. Анастасия ест их сушёными, без всякой обработки. Я сначала боялся их даже попробовать, потом попробовал — ничего. Кусочек гриба во рту от слюны размягчается, его можно сосать, как конфету, можно глотать. Потом я даже привык к ним. Однажды ехал из Москвы в Геленджик на читательскую конференцию. И целый день питался грибами, что дала Анастасия. И Солнцев — директор Московского центра, машину вёл и тоже ел эти грибы. А когда я выступал на конференции, предложил их попробовать сидящим в зале, и люди не испугались. Кому хватило — взяли по грибочку, тут же съели, и ни с кем ничего плохого не приключилось.

Вообще, находясь в гостях у Анастасии, я не помню случая, чтобы мы специально садились поесть. Пробовал на ходу то, что Анастасия предлагала, и чувство голода ни разу не пришло. Но в этот раз...

Наверное, я долго размышлял над смыслом произнесённой Анастасией молитвы, потому и не заметил, как она успела накрыть, если можно так назвать, большой стол.

На траве, на разных больших и маленьких листиках, лежали яства. Они занимали площадь больше квадратного метра. И всё очень красиво уложено, украшено. Клюква, брусника, морошка, малина, смородина черная и красная, земляника сушеная, грибы сушеные, какая-то каша желтоватая, три маленьких огурчика и два небольших красных помидора. Множество пучков разной травы, украшенных лепестками цветов. Какая-то белая жидкость, похожая на молоко, стояла в деревянном маленьком корытце. Лепёшки, не понятно из чего сделанные. Мёд в сотах, посыпанный разноцветными крупинками цветочной пыльцы.

— Присаживайся, Владимир, попробуй хлеба насущного, что Бог послал, — предложила Анастасия, хитро улыбаясь.

— Вот это да! — не сдержался я от восторга. — Это ж надо, как красиво ты всё сервировала. Прямо как хорошая хозяйка в праздник.

Анастасия обрадовалась похвале, как ребенок, засмеялась, сама не отрываясь, глядя на свою сервировку, вдруг всплеснула руками и воскликнула:

— Ой-ой, тоже мне, хорошая хозяйка, а специи забыла. Ты же любишь специи острые, разные. Любишь, да?

— Люблю.

— А хорошая хозяйка о них и позабыла. Сейчас я быстро. Я исправлюсь.

Она посмотрела вокруг себя, чуть отбежала в сторону, чего-то сорвала в траве. Потом в другом месте, потом среди кустов сорвала и вскоре положила между огурцами и помидорами маленький пучок, составленный как букетик из разных по виду травинков, сказала:

— Это специи. Они острые. Если захочешь, попробуй. Теперь всё есть. Ты отведай всего понемножку, Владимир.

Я взял огурец, посмотрел на разнообразие таёжной пищи и сказал:

— Жалко, хлеба нет.

— Есть хлеб, — ответила Анастасия, — вот смотри. — И подает мне какой-то клубень. — Это корень лопуха, я его так приготовила, что он тебе вкусный хлеб, и картофель, и морковку заменит.

— Не слышал, чтобы лопух в пищу употребляли.

— Ты попробуй. Не беспокойся, из него раньше очень много вкусных и полезных блюд готовили. Ты сначала попробуй, я его в молоке держала. Размягчила...

Я хотел спросить, где она молоко взяла, но, откусив огурец... Я не стал ничего говорить, пока не съел этот огурец и без хлеба. Клубень, заменяющий хлеб, я взял у Анастасии, но так и не попробовал, так и держал его в руке, пока не съел этот огурец.

Понимаете, этот обыкновенный на вид огурец на самом деле сильно отличался вкусовыми качествами от тех, что раньше ел. Таёжный огурец обладал приятным, ни на что не похожим ароматом. Вы, наверное, знаете, как отличаются по вкусовым качествам и аромату огурцы, выращенные в теплицах, от растущих на грядках в открытом грунте? В открытом грунте растущие намного лучше по вкусу и аромату. Огурец Анастасии также, а может, и сильнее, отличался в лучшую сторону от тех, что я ел раньше с грядки. Я быстро взял помидор, попробовал и тут же съел его весь. И его вкус был необыкновенно приятным. Он тоже превосходил по вкусу все помидоры, что раньше доводилось есть. Ни огурец, ни помидор не требовали соли, сметаны или масла. Они были вкусны сами по себе. Как малина, яблоко или апельсин. Никто же не будет сластить или солить

яблоко грушу.

— Ты где взяла эти овощи, Анастасия? В деревню бегала? Что это за сорт?

— Я их сама вырастила. Понравились тебе, да? — спросила она.

— Понравились! Я такие в первый раз ем. А у тебя,

значит, огород есть, теплица? Ты чем грядки вскапываешь, где удобрения берешь, в деревне?

— В деревне я только семена у одной знакомой женщины взяла. Место им подобрала среди травы, и они выросли. Помидоры осенью посадила, потом под снегом прятала, а с весной они и стали вырастать. Огурчики весной посадила, и они, маленькие, успели созреть.

— Но почему они такие вкусные, сорт, что ли, новый?

— Обыкновенный сорт. Они отличаются от огородных потому, что, когда росли, получили всё необходимое. В условиях огорода, когда растения стараются оградить от соприкосновения с другими видами, когда их рост удобрениями ускоряют, они не могут вобрать в себя всё необходимое и стать самодостаточными, чтобы понравиться человеку.

— А молоко откуда у тебя, лепёшки из чего? Я думал ты животную пищу вообще не употребляешь, а тут молоко...

— Это молоко не от животных, Владимир. Молоко, перед тобой стоящее, дал кедр.

— Как кедр? Разве дерево способно молоко давать?

— Способно. Только далеко не каждое. Кедр, например, способен. Попробуй, в напитке этом многое заключено. Не только плоть может питать, стоящее перед тобой молоко от кедра. Не пей сразу всего, два или три глотка попробуй, иначе не захочешь больше есть ты ничего, насытившись одним.

Я выпил три глотка. Молоко было густым, с приятным, слегка сладковатым вкусом. Ещё от него исходило тепло, но не такое, как от подогретого коровьего молока. Непонятное, нежное тепло согревало всё внутри и, казалось, меняло настроение.

— Вкусное это кедровое молоко, Анастасия. Очень вкусное! А как нужно “доить” кедр, чтоб получилось такое?

— Не доить. Ядрышки молочные палочкой специальной в ступке деревянной нужно спокойно, вдумчиво, с хорошим настроением растирать, растирать. И воды живой, родниковой добавлять понемножку, так и получится молоко.

— А что, никто из людей об этом никогда не знал?

— Раньше многие люди знали, но и сейчас в деревеньках таёжных иногда пьют кедровое молоко. В городах совсем другую пищу предпочитают, не столько полезную, сколько удобную для хранения, транспортировки, приготовления.

— Всё правильно ты говоришь, в городах надо всё быстро делать. Но это молоко... надо же, какое дерево этот кедр! Один кедр может давать и орехи, и масло, и муку для лепёшек, и молоко.

И ещё многое необычное может давать кедр.

— А что необычного, например?

— Прекраснейшие духи из его эфирного масла можно сделать. Самодостаточные и целебные духи. Никакие искусственные их аромат не смогут превзойти. Эфиры кедра собою дух Вселенной представляют, лечить способны плоть, преградою служить недоброму для человека эфиры кедра.

— Ты сможешь рассказать, как получить духи такие с кедра?

— Смогу, конечно, но ты, Владимир, ещё немножечко покушай.

Я потянулся, чтобы взять помидор, но Анастасия остановила меня:

— Подожди, Владимир, не ешь так,

— Как?

— Я приготовила всего разного для тебя, чтобы ты всего сначала попробовал, чтобы он полечил тебя.

— Кто он?

— Твой организм. Когда ты всё перепробуешь, он отберёт сам себе необходимое. Ты захочешь поест отобранного больше. Твой организм сам определит, чего ему не хватает.

“Надо же, — подумал я, — в первый раз она изменила своим принципам”.

Дело в том, что Анастасия два раза лечила меня, какие-то болячки внутри. Точно не знаю какие, но я их ощущал сильными болями в желудке, печени или почках. А может, во всём сразу. Боли были сильными, и таблетки обезболивающие не всегда помогали. Но я знал: приеду к Анастасии, она вылечит, у неё это быстро получается. Но на третий раз она лечить меня отказалась. Даже боль полностью своим взглядом не сняла, заявила, что раз я не меняю образ жизни и не убираю то, что способствует заболеванию, то и лечить меня нельзя, так как лечение в таком случае только вредит. Я

тогда на неё сильно обиделся и не повторял больше просьбу о лечении.

Вернувшись, всё же стал чуть меньше курить и в спиртном ограничиваться. Даже поголодал несколько дней. Лучше стало. И подумал тогда, что не обязательно нам каждый раз к врачу или целителю обращаться, можно и самому себя в руки взять, когда прижмёт болями. Лучше, конечно, чтоб не прижимало. До конца я сам вылечиться не смог, но и помощи у Анастасии решил не просить, а она сама, значит, согласилась.

— Ты же говорила, не будешь больше лечить и даже боль снимать.

— Боль твою больше не буду снимать. Боль — это разговор Бога с человеком. Но так, как сейчас, — можно, я ведь пищу тебе предлагаю, это не противоречит естеству, а им противоречит.

— Кому им?

— Тому, кто программу вредоносную для человека создаёт.

— Какую программу вредоносную? Ты о чём?

— О том, что ты, Владимир, как и большинство людей, по установленной программе питаешься. Очень вредной программой.

— Может, кто-то и питается по программе. Много их, разных для похудения, для пополнения. Но я питаюсь, как сам хочу. Я даже не читал ни одной программы. Прихожу в магазин и выбираю сам, что понравится.

— Это так, ты выбираешь, придя в магазин, но выбираешь строго из предлагаемого магазином.

— Ну да... В магазине всё сейчас удобно расфасовано, упаковано. Конкуренция потому что большая, все стараются покупателю угодить, всё для удобства покупателя делают.

— Считаешь, для удобства покупателя всё сделано?

— Да, а для кого же ещё?

— Все системы технократического способа существования всегда работают только на себя, Владимир. Разве это тебе удобно получать перемороженные, законсервированные продукты, наполовину убитую воду? Разве твой организм определил ассортимент находящихся в магазине продуктов?

Система технократического мира взяла на себя функцию обеспечивать тебя жизненно необходимым. Ты с этим согласился, доверился ей полностью, и даже задумываться перестал, всё ли необходимое тебе предоставлено.

— Но живём же мы, не умираем от этих магазинов.

— Конечно, ты ещё живёшь. Но боль! Откуда боль твоя? Подумай, откуда боль у множества людей? Болезни, боль противоестественны для человека, они есть следствие порочного пути. Сейчас ты в этом убедишься сам. Перед тобой лишь небольшая часть лежит для человека, сотворенного Божественной природой. Всего попробуй по чуть-чуть, понравившееся заберёшь с собой. Три дня достаточно, чтоб победить твои болячки травинкам маленьким, которые ты сам и отберёшь.

Я понемногу пробовал всего, пока Анастасия говорила. Некоторые пучки из трав безвкусны были, другие напротив, ещё хотелось есть. Потом Анастасия, перед моим уходом, понравившееся за обедом в сумку мою положила. Их ел три дня. И боль прошла совсем.

ОНИ СПОСОБНЫ МИР МЕНЯТЬ?

— Почему-то так получается, Анастасия, что, когда ты говоришь о своих прародителях, всегда больше рассказываешь о матерях, о женщинах. О мужчинах, своих отцах, — почти ничего. Как будто твои отцы не значимы все в вашем роду были. Или ты, твой генетический код или луч тебе не позволяет видеть, чувствовать своих прародителей по отцовской линии? Даже обидно за мужчин, отцов твоих.

— Деяния отцов своих, как мамочек, что в прошлом жили, я также могу чувствовать и видеть, коль захочу. Но далеко не все деяния своих отцов понять способна. Определить значение их для дней сегодняшних, для всех людей и для себя.

— Ты расскажи мне хоть об одном своём отце, чьи действия понять не можешь до конца. Ты женщина, тебе труднее понимать мужчин. Мне будет легче, я мужчина. Если пойму — тебе смогу помочь понять.

— Да, да, конечно, я расскажу тебе о том своём отце, что смог познать, производить субстанции живые, по силе большие, чем всё оружие сегодняшнего дня и будущее. Пред ними рукотворное ничто не может устоять, они способны мир менять земной, уничтожать галактики или создавать миры иные.

— Вот это да! А где эта штукавина сейчас?

— Её способен каждый человек земной произвести, если поймёт, почувствует... Египетским жрецам часть тайны передал отец. Вот и сейчас, сегодня правители земные в государствах правят по схеме, механизму тех жрецов. Всё меньше смысл и механизм правления понимают. Не совершенствовался он, а деградировал с веками.

— Постои, постои, по-твоему, выходит, что сегодняшние президенты управляют странами по схеме или по указке древних жрецов Египта?

— С тех пор существенного ничего в схему правления не привносил никто. Осмысленности механизма правления сообществом людей сегодня нет у государств земных.

— Так просто в этом убедиться трудно, ты по порядку всё попробуй Расскажи.

Попробую всё по порядку рассказать, а ты понять попробуй.

* * *

Десятки тысяч лет назад, когда мир не познал ещё величие Египта, когда ещё такого государства не существовало, людское общество на множество разделено было племён. Отдельно от людского общества по своим законам семья жила, мой праотец, прамамочка моя. Всё, как в первоистоках, как в раю, на их полянке окружало. Два солнца было у красавицы прамамочки моей. Одно то, что светило, всем лучом восхода пробуждая к жизни, второе — её избранник.

Всегда вставала первой она, в реке купалась, согревалась светом восходящим, свет радости сама всему дарила и ждала. Ждала, когда проснётся он, её любимый. Он просыпался, первый взгляд его она ловила. Когда встречались взгляды их, всё окружающее замирало. Любовь и трепет, негу и восторг пространство с восхищением в себя вбирало.

В заботах радостных день проходил. Задумчиво смотрел отец всегда, как солнце опускалось пред закатом, потом он пел.

Она с восторгом затаённым пению внимала. Ещё тогда не понимала прамамочка моя, как в песнь вплетённые слова формировали образ новый, необычный. О нём всё чаще ей хотелось слушать, и, словно чувствуя желание прамамочки, отец пел всякий раз, черты всё ярче необычные рисуня. Незримо образ стал меж ними жить.

Однажды, утром пробудившись, мой праотец не встретил, как обычно, взгляд любви, не удивился он. Спокойно встал и по лесу пошёл. В укромном месте увидел он притихшую прамамочку мою.

Она одна стояла, прислонившись к кедру. Притихшую, за плечи взял её отец. Она взгляд повлажневший на него не подняла. Он прикоснулся пальцами слегка к слезинке, по щеке из глаз сбегавшей, и нежно ей сказал:

— Я знаю. Ты думаешь о нём, любимая моя. Ты думаешь о нём, в том не твоя вина. Незрим мной сотворённый образ. Незрим, но более любим тобой, чем я. В том не твоя вина, любимая моя. Я ухожу. Теперь я к людям ухожу. Я смог познать, как образы прекрасные творятся. О том я людям расскажу. Что знаю я, познать другие смогут. И образы прекрасные в сад первозданный приведут людей. Субстанций образов живых нет ничего сильнее во Вселенной. Даже любовь твою ко мне смог образ, сотворённый мною, победить. Теперь я образы великие смогу творить. И будут людям образы служить.

Дрожали плечи у прамамочки моей, и голос задрожавший прошептал:

— Зачем? Ты, мой любимый, сотворил любимый мною образ. Он незрим. А зримый ты уходишь от меня. Наше дитя уже шевелится во мне. Что расскажу ему я об отце?

— Мир будут образы прекрасные прекрасным сотворять. Образ отца взрослеющий наш сын себе представит. Если достойным образа, представленного сыном, я стать смогу, то сын меня узнает. Коль недостойным буду представления его, останусь в стороне, чтоб не мешать стремлению к прекрасному, к мечте.

Непонятый прамамочкой, он уходил, мой праотец. Шёл к людям. Шёл с открытием великим. Шёл для всех будущих сынов своих и дочерей, в стремлении мир для всех прекрасным сотворить.

НЕОБЫЧНАЯ СИЛА

В те времена между собою враждовали племена живущих на земле людей. И в каждом племени стремились побольше воинов взрастить. И среди воинов невзрачными считались те, кто к земледелию, к поэзии стремился. И были в каждом племени жрецы. Они людей пугать стремились. Но цели ясной не имели, испуг других им утешением служил. И тешил каждый самолюбие своё тем,

будто большее, чем все, от Бога получил чего-то.

Из нескольких племён мой праотец поэтов смог собрать, жрецов. Всего их было девятнадцать человек, одиннадцать певцов-поэтов, семь жрецов, мой праотец. В уединённом и пустынном месте собрались они.

Группа певцов сидела скромно, напыщенно жрецы отдельно восседали. Мой праотец им говорил:

“Вражду и войны можно прекратить племён. В едином станут государстве жить народы. В нём справедливым будет вождь, и каждая семья от бед войны избавится. Друг другу люди станут помогать. Сообщество людское свою дорогу в первозданный сад найдёт”.

Но над отцом жрецы вначале посмеялись, говоря ему:

“Кто же захочет власть свою отдать другому добровольно? Чтобы в единое все племена собрать, сильнейшим кто-то должен стать и победить других, а ты ведь хочешь, чтобы не было войны. Наивна речь твоя. Зачем призвал нас, несмышленный странник?”. И собрались жрецы уйти. Отец остановил словами их такими:

— Вы — мудрецы, и мудрость ваша нужна, чтобы законы для людского общества создать. Я силу могу дать такую каждому из вас, что ни одно оружие, рукою сотворённое людской, ему противостать не сможет. Когда использовать во благо будете его, всем к цели, к истине, к счастливому восходу оно прийти поможет. Когда владеющий им возжелает в неблагоприятном намерении с людьми сразиться, погибнет сам.

О необычной силе весть жрецов остановила. Старейший жрец и предложил отцу:

— Коль ты знаком с какой-то силой необычной, нам скажи о ней. И если действительна она, способна государства строить, останешься среди нас в том государстве жить. Совместно будем мы творить законы общества людского.

— Затем к вам и пришёл, чтоб рассказать о силе необычной, — всем отец ответил, — но перед этим вас прошу назвать правителя из всех известных вам. Правителя, который добр, не алчен, в любви живёт с семьёй своей и о войне не помышляет.

Ответил старый жрец отцу, что есть один правитель, который всех сражений избегает. Но племя малочисленно его, в нём не стремятся воинов прославить, и потому немногие в нём воинами стать стремятся. А чтоб сражений избежать им, часто стан приходится менять и кочевать, другим места пригодные для жизни оставлять, на неудобных самим селиться. Егип вождя того зовут.

— Египтом то государство будет зваться, — сказал отец. — Три песни вам спою. Певцы-поэты, в разных племенах запойте песни эти людям. И вы, жрецы, среди людей Египта поселитесь. Из разных мест к вам будут семьи приходить, их встретите добрыми законами своими.

Отец три песни спел собравшимся. В одной он образ справедливого правителя создал, назвав его Египтом. Другой был образ сообщества счастливого людей, живущих вместе. А в третьей — образ любящей семьи, детей счастливых в ней, отцов и матерей, живущих в необычном государстве.

Обычные, всем ранее знакомые слова в трёх песнях были. Но из них фразы строились такими, что слушающие с затаенными дыханьями внимали им. Ещё мелодия звучала голосом отца. Она звала, манила, увлекала и создавала образы живые.

Ещё Египетского государства не существовало наяву, ещё не воздвигались его храмы, но знал отец, всё явится следствием того, к чему мысль человека и мечта, в единое сливаясь, призывали. И вдохновенно пел отец, познавший силу необычную, что подарил для каждого великий наш Творец. И пел отец, владевший силой той, что человека отличает от всего, что власть ему даёт над всем, что позволяет человеку назваться сыном Бога и творцом.

Певцы-поэты, вдохновением пылая, три песни пели в разных племенах. Людей собою образы прекрасные влекли, и люди шли из разных мест в Египта племя.

Через пять лет всего из небольшого племени Египетское государство возродилось. Все остальные племена, что некогда значимее других считались, попросту распались. И ничего правители воинственные сделать не могли против распада. Их власть слабела, исчезала, их что-то побеждало, но не было войны.

Привыкшие в материи сражаться они не ведали, как образы над всем сильны, те образы, которые душе людской по нраву, те образы, которые влекут сердца.

Пред образом, даже одним, но искренним, незамутнённым постулатом меркантильным, бесполезны войска земные, копьём вооружённые или любым иным оружием смертоносным, повержены окажутся войска. Пред образом войска бессильны.

Египетское крепло государство, разрасталось. Его правителя жрецы называли фараоном. Жрецы, уединившись в храмах от людской суеты, законы создавали, им следовать правитель фараон обязан

был. И каждый житель рядовой их исполнял с желаньем. И каждый жизнь свою равнять по образу стремился.

И в главном храме, среди жрецов верховных, отец мой жил. И девятнадцать лет жрецы ему внимали. Науку высшую из всех наук стремились познавать, как образы великие творятся. Отец всё искренне стремился рассказать, благим намереньем пылая. Познали всю науку или часть её жрецы — теперь неясно, да и смысла не имеет уточнять.

Однажды, через девятнадцать лет, верховный жрец собрал к себе приближённых жрецов. Они входили чинно в главный храм, в который доступа даже для фараона не было.

Верховный жрец на троне восседал, все остальные ниже сели. Улыбчивый отец среди жрецов сидел. В задумчивости весь в себя ушёл, очередную песню создавая, рисуя образ новый в ней, иль может, старый укрепляя.

Верховный жрец собравшимся сказал:

— Великую науку мы познали. Всем миром позволяет управлять она, но чтобы власть наша была над всем навечно, из этих стен даже крупницы знания о ней нельзя отдать. Мы свой язык должны создать и изъясняться меж собою будем им, чтоб даже невзначай никто из нас не мог проговориться.

Трактатов множество в века на разных языках в народ отправим. Пусть все дивятся, думают, что всё мы излагаем. И будем излагать мы множество наук чудесных и открытий разных так, чтобы от главного всё дальше уходили простолюдины и правители. А мудрецы в грядущих пусть веках трактатами мудрёными, науками других дивят. От главного при этом удаляясь сами, и других от главного подальше уведут.

— Пусть будет так, — с верховным согласились все. Отец один молчал.

И жрец верховный продолжал:

— Ещё один вопрос нам нужно разрешить немедленно. За девятнадцать лет ученья постигли мы, как образы творятся. Любой из нас теперь способен образ сотворить, который может мир менять, разрушить государство или укрепить, — и всё ж загадка остаётся. Сказать мне может кто-нибудь из вас, всё ж почему, по силе разный у каждого творится образ? И почему по времени мы долго так творим? — жрецы молчали. Никто ответ не знал. Верховный продолжал, слегка возвысив голос, и посох в его руке от напряжения дрожал, когда верховный всем сказал:

— Меж тем среди нас один способен быстро образы творить, и сила их непревзойдённой остаётся. Всех нас он девятнадцать лет учил, но недосказанное остаётся. Все мы сейчас понять должны, что меж собою не равны. Не важен сан, каким из нас кто обладает. Пусть каждый знает, среди нас один над всеми может властвовать незримо, тайно. Он волен силой образа, что сотворить способен, возвеличить каждого или убить. Один способен государств судьбу решить. Я, жрец верховный, властью, данной мне, способен поменять соотношенья сил. Закрыты двери храма, в котором мы сейчас сидим. Снаружи верная охрана без приказа моего дверь не откроет никому.

Жрец верховный с трона встал, медленно ступая и посохом стуча по плитам каменным, пошёл к отцу, посередине зала вдруг остановился и, глядя на отца, сказал:

— Сейчас ты выберешь из двух один свой путь. Вот первый. Сейчас для всех ты тайну силы образов своих раскроешь, расскажешь, как и чем они творятся, и тогда объявлен будешь ты жрецом после меня вторым и станешь первым, когда я уйду. Перед тобой живущие все будут преклоняться. Но если тайну не раскроешь нам свою, перед тобой второй предстанет путь. Ведёт он только в эту дверь.

Жрец указал на дверь, ведущую из зала храма в башню, в которой не было ни окон, ни вторых дверей наружных. У башни той высокой с гладкими стенами площадка наверху была, с неё раз в год в определённый день перед собравшимся народом пел отец или иной какой-то жрец.

Верховный, указывая отцу на дверь, что вела в эту башню, ещё добавил:

— Ты в эту дверь войдешь и никогда не выйдешь из неё. Я дверь замуравать приказ отдам, лишь маленькое в ней окошечко оставлю, через него ты будешь пищи минимум иметь на каждый день. Когда настанет время, и у башни соберутся люди, ты на высокую площадку выйдешь к ним. Ты выйдешь, только петь не будешь, образы творя. Ты выйдешь, чтоб тебя народ увидел и не поселилось беспокойство в нём, и кривотолки не возникли от исчезновенья твоего. Ты можешь только поприветствовать народ словами. Когда посмеешь песню спеть творящую, то даже за одну не будешь пищи получать, воды, три дня. За две — шесть дней ни пищи, ни воды ты не получишь, сам назначишь смерть свою. Теперь решай из двух какой сам выбираешь путь?

Отец спокойно с места встал своего. В лице его ни страха, ни упрёка не было, лишь грусть слегка морщинкою легла. Он вдоль сидящих в ряд жрецов прошёл, в глаза им каждому взглянул. И в каждой паре глаз познания жажду видел. Познание, но и алчность были в каждой паре глаз. Отец к

верховному жрецу вплотную подошёл и посмотрел ему в глаза. Суровых, алчностью горящих, седой жрец глаз не отводил, о камни посохом ударил, сурово повторил отцу в лицо, брызжа слюною:

— Быстрее решай, какой из двух ты выбираешь будущего путь.

Отец без страха в голосе, упрёка ему спокойно отвечал:

— По воле, может быть, судьбы я выбираю полтора пути.

— Как можно выбрать полтора, — жрец закричал, — ты посмеяться смеешь надо мной, над всеми, кто сейчас в великом храме!

Отец к двери, ведущей в башню, подошёл и, повернувшись, всем ответил:

— Смеяться, обижая вас, поверьте, я не мыслил. По вашей воле я в башню навсегда уйду. Перед уходом тайну всем открою, как смогу и знаю, мой ответ мне путь второй не принесёт. Вот потому и получается, что выбрал полтора пути.

— Так говори! Не медли, — голоса вскочивших с мест жрецов под сводами звучали. — Тайна где?

— Она в яйце, — спокойно прозвучал ответ.

— В яйце? В каком яйце? О чём ты, поясни? — отца собравшиеся вопрошали, и он собравшимся ответ давал.

— Яйцо от курицы цыплёнка курицы взрастит. Яйцо от утки возродит утёнка. Яйцо орлицы миру принесёт орла. Кем ощущаете себя, то и от вас родится.

— Я ощущаю! Я творец! — верховный прокричал вдруг жрец. — Скажи, как всех сильнее образ сотворить?

— Неправду ты сказал, — отец жрецу ответил, — не веришь сам тому, что говоришь.

— Тебе откуда может быть известно, сколь силы вера у меня?

— Творящий никогда просить не станет. Творящий отдавать способен сам. Просящий ты, а это значит, ты в скорлупе неверия...

Отец ушёл, за ним закрылась дверь, потом замуровали вход, приказу следуя верховного жреца. В отверстие небольшое раз в день передавали пищу для отца. Та пища скудной была, и не всегда ему воды давали вдоволь. А перед днём, когда собраться перед башнею народ был должен, чтобы услышать песни новые и сказы, три дня отцу не подавали пищу, ему давалась лишь вода. Так приказал верховный жрец, приказ первоначальный свой изменив. Так приказал, чтобы ослаб отец и песню новую творящую собравшимся не спел.

Когда народу множество пред башней собралось, отец к народу на площадку башни вышел. Он весело смотрел на ждущую толпу. Ни слова не сказал он людям про свою судьбу. Просто запел. Песнь голосом ликующим лилась, формировался образ необычный. Народ ему собравшийся внимал. Песнь завершил свою отец и сразу новую начал.

Пел целый день стоящий наверху певец. Когда день близился к закату, он всем сказал: “С рассветом новым новые услышите вы песни”. И пел собравшимся отец на второй день. Народ не знал, что и воды уже певец, в темнице живущий, от жрецов не получал.

Слушая рассказ Анастасии о её далёком праотце, мне захотелось услышать и хоть одну из песен, которые он пел, и я спросил:

— Анастасия, если ты вот так в деталях можешь воспроизводить все сцены из жизни своих прародителей, то ты и песню можешь, значит, спеть? Ту песню, которую людям пел твой прародитель с башни.

— Все песни эти слышу я сама, но перевод доподлинный их невозможен. Не хватит многих слов. Да и за многими словами смысл сейчас другой. К тому же ритм поэзии, тогда звучащей, трудно сегодняшними фразами создать.

— Как жаль, хотелось мне услышать песни те.

— Владимир, ты услышишь их. Они воскреснут.

— Как воскреснут? Ты ж говоришь, что невозможен перевод.

— Доподлинно перевести нельзя. Но можно новые создать, такие же по духу и по смыслу. Их барды создают сейчас, используя знакомые для всех слова сегодня. Одну, последнюю, что пел тогда отец, ты уже слышал.

— Я слышал? Где, когда?

— Тебе её бард из Егорьевска прислал.

— Он много присылал...

— Да, много, среди них одна похожа очень на ту, последнюю...

— Но как могло произойти такое?

— Преемственность есть у времён.

- А что же это за песня, в ней слова какие?
— Сейчас поймёшь. Всё по порядку расскажу.

КОГДА ОТЦЫ ПОЙМУТ...

На третий день с рассветом поднялся на площадку вновь отец. Он улыбался, на толпу людей смотрел. Глазами всё искал в толпе кого-то. Ему бродячие певцы приветственно махали и поднимали инструменты свои вверх, и струны инструментов трепетали под руками вдохновенными певцов. Отец им улыбался и всё внимательнее обводил толпу глазами. Увидеть сына своего хотел отец. Увидеть сына, рождённого любимой девятнадцать лет назад в лесу. Вдруг из толпы к нему донёсся голос звонкий, молодой:

— Скажи, поэт великий и певец. Ты наверху стоишь над всеми высоко. Я здесь внизу, но почему мне кажется, ты будто близкий мне, как будто мой отец?

И диалог двоих услышали все люди:

— Что ж ты, юнец, отца не знаешь своего? — спросил певец с высокой башни.

— Мне девятнадцать лет, не видел я отца ни разу. Мы с матерью моей одни живём в лесу. Отец ушёл от нас до появления моего.

— Скажи мне, юноша, вначале, каким ты видишь мир вокруг?

— Прекрасен мир рассветным днём и на закате дня. Чудесен и многообразен он. Но портят люди красоту земную, страдания друг другу причиняют.

С высокой башни голос отвечал:

— Ушёл отец от вас, быть может, потому, что стыдно стало пред тобой ему за мир, в который он тебя приводит. Ушёл отец твой, чтоб сделать весь мир прекрасным для тебя.

— И что же, верил мой отец, что он один сумеет мир переиначить?

— Наступит день, и все отцы поймут, что именно они за мир в ответе, в котором дети их живут. Наступит день, и каждый осознает, что прежде чем дитя любимое в мир привести, необходимо мир счастливым сделать. И ты о мире должен думать, в котором будет твоё чадо жить. Скажи мне, юноша, как скоро твоя избранница должна родить?

— Нет у меня избранницы в лесу. Там мир прекрасен, множество друзей. Но не знаком я с той, которая захочет пойти за мной в мой мир, а я его оставить не могу.

— Что ж, пусть пока ещё не видишь ты избранницу прекрасную свою, зато есть время у тебя для будущего вашего ребёнка мир хоть немножко радостнее сделать.

— К тому стремиться буду, как и мой отец.

— Ты не юнец уже. В тебе течёт кровь молодца, поэта будущего и певца. О мире Расскажи своим прекрасным людям. Давай с тобою вместе мы споём. Вдвоём споём, о будущем, прекрасном мире.

— Кто сможет петь, когда звучит твой голос, поэт великий и певец?

— Поверь мне, юноша, и ты так сможешь петь. Я строку первую, вторую — ты. Только смелее подпевай, поэт.

Отец запел с высокой башни. Над головами у собравшихся людей эхом подхваченный летящий голос, ликуя, выводил строку:

Я встаю, мне рассвет улыбается...

А из толпы, внизу стоящей, вдруг чистый, звонкий голос ещё несмело продолжал:

Я иду, а мне птицы поют...

И за строкой отца строка звучала сына, а иногда в единое сливались голоса, и песня звонкая о радости звучала:

Этот день никогда не кончается

Всё сильней и сильней я люблю.

Уж осмелевший юноша с отчаянным восторгом песню продолжал:

Лёгкой походкой по солнца дороге

Выйду я в рощу Отца,

Вижу тропу, но не чувствую ноги,

Счастью не видно конца.

Помню, что всё это раньше я видел:

Небо, деревья, цветы.

Взгляд был другой, весь в тоске и обиде,

Ну, а теперь везде Ты!

Всё то же самое, звёзды и птицы,
Только иначе смотрю:
Нет больше грусти,
Не знаю, как злиться,
Люди, я всех вас люблю!

Певец на башне пел всё тише, и вскоре голос с башни замолчал. Певец на башне покачнулся, но устоял и улыбнулся людям. И до конца внимал, как голос его сына всё крепчал! Сына-певца, стоявшего внизу.

Когда оконченной песня та была, отец, стоящий на площадке башни, людям помахал рукой, прощаясь. От глаз людских чтобы укрыться, на пять ступенек лестницы, ведущей вниз, спустился. Слабеющий, сознание теряя, он до предела напрягал свой слух. Потом услышал, ветерок донёс слова, что его сыну, юноше-певцу, красавица шептала пылко молодая: “Позволь мне, юноша, позволь... Я за тобою, я с тобою в мир прекрасный твой войду...”.

На каменных ступенях башни замурованной терял сознание и умирал с улыбкою отец. С последним вздохом губы прошептали: “Продлится род. В кругу детей счастливых будь счастлива, любимая моя”. Сердцем услышала прамамочка его слова. Потом слова из песни двух моих отцов в тысячелетиях поэты повторяли. Сами собой в поэтах разных стран, времён слова из песни той и фразы нарождались. На разных языках они звучали. Слова простые истину несли, сквозь постулаты прорывались. Вот и сегодня вновь звучат они. Кто расшифрует строки их, но не умом, кто своим сердцем осознает, тот многое из мудрости познает.

— А в других песнях, что пел отец твой с башни, был какой-то смысл? Зачем он жизнь за песни отдавал?

— Отец, Владимир, в песнях своих много образов создал. Они потом построили и сохраняли долго государство. Жрецы, потомки первых тех жрецов, с их помощью религий множество создали, захватывали в разных странах власть. Лишь только одного жрецы не знали, когда использовали образы с корыстной целью. Жрецы не знали, как навсегда, навечно образы себе служить заставить. Теряли силу образы у тех, кто их стремился собственной гордыне подчинить. Кто...

— Постой, постой, Анастасия. Я что-то никак про образы понять не в силах.

— Прости, Владимир, ты меня за непонятность изъяснений. Сейчас попробую расслаблюсь, соберусь, всё по порядку о науке, из всех наук главной, расскажу. Наукой образности называется она. Все от неё науки древние и современные идут. Её жрецы на части расчленили, чтоб главное навечно утаить, чтоб свою власть над всем земным навечно сохранить, передавая устно знания о ней своим потомкам в подземных храмах. И так, они стремились тайну сохранять, что их потомкам, сегодняшним жрецам, лишь тысячная часть науки той досталась. Но тогда, когда всё начиналось, у жречества намного лучше получалось.

— А как всё начиналось? Ты всё сначала говори.

— Да! Да, конечно. Что-то снова я заволновалась. Всё по порядку надо говорить. Осознанность науки той с башни звучащих песен начиналась.

ОН РАДОСТЬ ЖИЗНИ ПРОСЛАВЛЯЛ

Когда отец с высокой башни пел, из его песен образы рождались. Среди людей, внизу стоящих, были поэты, певцы и музыканты. И все жрецы тогдашние среди множества людей стоящих чинно восседали. Больше всего жрецы боялись, чтоб образ в песнях не родился, их обличающий, чтоб не сказал отец о том, что заточён жрецами в башне он. Но с башни замурованной о радостном лишь пел певец. Правителя он образ справедливого создал, народ, с которым мог счастливым жить. И мудрых образы создал жрецов. И процветающей нарисовал страну, народ, живущий в ней. Он никого не обличал, он радость жизни прославлял.

Жрецы, что девятнадцать лет науку образности познавали, больше других, что делает певец, наверно, понимали. Они следили за лицами людей и видели, как лица вдохновлялись. Следили, как поэтов губы шепчут строки и музыканты в такт песням на своих инструментах тихонько пальцами перебирали струны.

Два дня с высокой башни пел отец. Жрецы в уме своём считали, на сколько тысяч лет один пред всеми строит будущее человек. На третий день с рассветом слова последней песни прозвучали, что с сыном своим спел отец и удалился, их люди слушавшие разошлись.

Верховный жрец на своём месте долго оставался. В задумчивости он на своём месте восседал, и

видели вокруг стоящие в молчании жрецы, как на глазах у них и волосы и брови верховного жреца белели, их покрывала седина. Потом он встал и приказал размуровать ведущий в башню вход. Ив башню вход размуровали.

На каменном полу поэта тело безжизненным лежало. Кусочек хлеба метрах в двух — к нему рука ослабшая не дотянулась. Между рукой и хлеба тем кусочком мышонок бегал и пищал. Мышонок всё просил и ждал, когда поэт возьмёт свой хлеб и с ним поделится, но сам мышонок хлеб не брал. Он ждал, надеялся, что оживёт певец. Вошедших увидал людей мышонок и отскочил к стене, потом к ногам людей, стоящих молчаливо, подбежал. Две бусинки горящих глаз мышонка в глаза людские заглянуть пытались. На плитах серых его вошедшие жрецы не замечали. Тогда к кусочку маленькому хлеба он снова торопливо подбежал. Мышонок серенький отчаянно пищал, кусочек хлеба маленький тянул, толкал к руке безжизненной философа, поэта и певца.

Тело отца с великой почестью жрецы в подземном храме хоронили. Его могилу неприметной сделали для всех, в полу под каменной плитой. И над могилою отца, седую голову верховный жрец склонив, сказал: “Никто из нас не скажет о себе, что он познал, как ты, как образы великие творятся. Но ты не умер. Только тело мы твоё похоронили. Вокруг, в тысячелетях над землёй жить будут образы, тобой сотворены, в них ты. Потомки наши душой соприкасаются будут с ними. Быть может, кто-то в будущих веках познать сумеет суть творенья, какими нужно людям стать. И мы учение великое должны создать, и в тайне его будем сохранять в тысячелетях, пока не осознает кто-нибудь из нас или потомков наших, на что свою великую направить силу должен человек”.

ТАЙНАЯ НАУКА

Жрецы создали тайную науку. Наукой образности называлось их ученье, науки все другие от неё произошли. Жрецы верховные, чтоб засекретить главное, науку образности расчленили всю, по разным направлениям других жрецов заставив думать. Так, астрономия, и математика, и физика позднее родились, и множество других наук, оккультных в том числе. Всё так построили лишь для того, чтоб, увлекаясь частностями, не смог никто до главного учения добраться.

— Но что это за главное учение? Что за наука и в чём суть её, науки образности, как ты говоришь?

— Наука эта позволяет человеку мысль ускорять и образами мыслить, весь космос сразу охватить и в микромир проникнуть, невидимые, но живые образы-субстанции создать и управлять с их помощью большим сообществом людей. Религий множество с помощью науки этой получилось. Тот, кто даже слегка её познал, неимоверной властью обладал, мог страны покорять, свергать царей с престола.

— И что же, всего один лишь человек мог покорить страну?

— Да, мог. И схема в том проста.

— Истории сегодняшней подобный факт известен хоть один?

— Известен.

— Расскажи о нём. Я что-то не припомню ничего подобного.

— Зачем, рассказывая время тратить, вернёшься, прочитай о Раме, Кришне, Моисее. И ты увидишь творенья их, жрецов — познавших часть науки образности тайной.

— Ну ладно, прочитаю о деяньях их, а суть науки как пойму? Ты мне о сути рассказать попробуй, чему они и как учились.

— Учились мыслить образно, — тебе об этом говорила я.

— Да, говорила, только непонятно, какая связь, ну, математики иль физики с наукой этой.

— Наукой этой овладевшему не нужно формулы писать, чертить и создавать модели разные. В материю он мысленно способен проникать в ядро, и атом расщеплять. Но это лишь простое упражнение, чтобы познать, как управлять людскими судьбами, народом разных стран.

— Ну, надо же, такого я нигде и не читал.

— А в Библии? В Завете Ветхом есть пример, когда жрецы между собою состязались в том, кто сильнее в образах творит. Жрец Моисей и фараона высшие жрецы. Бросал пред всеми Моисей свой жезл и превращал его в змею. И то же самое жрецы, которые при фараоне были, повторяли. Потом змея, что Моисей создал, других змей поглотила.

— Так что, всё это правда было?

— Да.

— Я думал, вымысел или какая-то иносказательность.

— Не вымысел, Владимир, всё было точно так, как говорится в Завете Ветхом о состязании том.

— А для чего им надо было состязаться так друг перед другом?

— Чтоб показать, кто может образ сильный создавать, способный победить других. И Моисей всем показал, что он сильнейший. После чего бессмысленно с ним было воевать. Необходимо было просьбы выполнять его, не воевать. Но не послушал фараон, остановить пытался израильтян, идущих под предводительством Моисея и образа, им сотворённого. Но воины народ Израиля остановить были не в силах, народ, в котором образ жил сильнейший. Потом ты можешь прочитать, как побеждал народ Израиля много раз другие племена, брал города. Как он свою религию создал и государство. Померкла слава фараонов. Но когда ещё сильнее всех были жрецы Египта в творении образов великих, когда просчитывать могли, какие действия в народе произведёт творимый образ, процветал Египет, управляемый жрецами.

Из всех известных государств, что были созданы после последней катастрофы на земле, Египет дольше всех в расцвете был.

— Нет, подожди, Анастасия, известно всем — Египтом фараоны управляли. Их пирамиды-усыпальницы до наших дней дошли.

— Роль власти исполнительной внешне на фараонов возлагалась. Но главную задачей фараона была задача образ правителя мудрого собою олицетворять. Решенья важные готовились не фараоном. Когда пытались фараоны власть полностью себе забрать, слабело сразу государство. Каждый фараон был, прежде всего, посвящён на царствие жрецами. С младенчества учился у жрецов и фараон, науку образов стремился познавать. Её освоивший азы лишь мог назначенным на царство быть.

Структуру власти, что была тогда в Египте, сегодня можно так обрисовать. В самом верху стояли тайные жрецы, потом жрецы, что обучением занимались и правосудие чинили. Контроль над государством внешне осуществлял совет из представителей сословий всех жрецов, а фараон правил по их законам и указкам. У предводителей общин было немало власти исполнительной, считалось, независимы они. Примерно так всё было, как сегодня. У многих государств есть президент, правительство как исполнительная власть. Парламент — как жрецы из прошлого, законы издаёт. Отличие их в том, что ни в одной стране быть президентом негде поучиться, как фараон учился у жрецов. И тем, кто заседает в совете, думе или конгрессе, неважно, термином каким законодателей-жрецов сегодняшних назвать, другое важно: им тоже негде поучиться, пред тем как правящий закон издать. Где мудрости законодателям учиться, когда наука образности в тайниках хранится? Вот потому и хаос в государствах многих.

— Ты что же хочешь сказать, Анастасия, если бы мы за основу взяли структуру управления страной, как в древнем Египте была, то всё бы лучше было?

— Структура власти мало что изменит. Всего важнее, что стоит за ней. И если о египетской структуре говорить, то не она, не фараоны и даже не жрецы Египтом управляли.

— А кто?

— Всем управляли образы в Египте древнем. Им подчинялись и жрецы, и фараоны. Из науки древности об образности, тайный совет из нескольких жрецов взял образ фараона, правителя справедливого. Таким взял образ, каким им представлялся он в то время. Манера поведения и внешнее убранство, и образ жизни фараона на тайном том совете обсуждались долго. Потом обучали одного из выбранных жрецов, чтобы на образ он похожим стал. Старались выбрать из сословий царских претендента. Но если внешне или по характеру не подходил никто из царской крови, жрецы могли любого взять жреца и выдать именно его за фараона. Обязан был пред всеми жрец-фараон всегда и соответствовать задуманному образу, особенно тогда, когда среди народа появлялся. Потом в народе каждый незримый образ над собою ощущал и действовал, как понимал. Когда народ поверит в образ, когда по нраву образ большинству, с желаньем каждый будет следовать ему, и в государстве нет необходимости огромную надсмотрщиков-чиновников строить структуру. Такое государство крепнет, процветает.

— Но если б это было так, тогда б сегодня без образов не обходились государства. А они обходятся, живут и процветают. Америка, Германия и наш Советский Союз До перестройки огромным государством был.

— Без образа, Владимир, и сегодня не могут государства обходиться. Лишь то сегодня относительно других и процветает государство, в котором образ правит наиболее приемлемый для большинства людей.

— Так кто ж его сегодня создаёт? Сегодня ж нет жрецов.

— Жрецы есть и сегодня, только по-другому называются они, и знаний всё меньше от науки образности в них. Расчёты долгосрочные и беспристрастные не в силах сделать современные жрецы.

Поставить цель и образ сотворить достойный, чтоб к цели был способен привести страну.

— О чём ты говоришь, Анастасия, какие же жрецы, какие образы в нашем Советском Союзе были? Всем управляли тогда большевики. Сначала Ленин, потом Сталин во главе стояли. Потом другие первые секретари. Политбюро было у них. Религию тогда вообще почти ликвидировали, храмы разрушили, а ты — жрецы.

— Владимир, ты внимательнее посмотри. Что было перед тем, как государство, что Советским Союзом, стало называться, возникло?

— Как было что? Все знают. Был царизм. Потом свершилась революция, и мы пошли по пути социализма, стремились коммунизм построить.

— Но перед тем как революция свершилась, в народе образ усиленно распространялся справедливого, счастливого и нового устройства государства, а старое устройство обличалось. Ведь образ строился с начала государства нового. И образ нового, для всех добрейшего правителя в народе создавался. И то, как каждый будет жить счастливо. Вот эти образы и повели людей, позвали за себя сражаться с теми, кто ещё старым образам был верен. И революция, потом гражданская война, в которую народа множество было вовлечено, на самом деле двух образов сраженьем были.

— Конечно, что-то в этом, может, есть. Но только Ленин, Сталин не образы. Они, все знают, просто люди, руководители страны.

— Ты называешь имена, считая, что стояли за ними только люди во плоти. На самом деле... Может, сам подумаешь, поймёшь — всё это далеко не так, Владимир.

— Да, как не так? Я ж говорю тебе — все знают, — Сталин человеком был.

— Тогда скажи, Владимир, мне, каким был Сталин человеком?

— Каким? Каким... Ну, сначала все считали добрым, справедливым. Детей любил. Его на фотографии и на картинах с девочкой маленькой на руках изображали. В войну солдаты многие шли в бой, кричали “За Родину, за Сталина”. Все плакали, когда он умер, мне мать моя рассказывала, когда он умер, так плакало почти всё население страны. И в Мавзолей его рядом с Лениным положили.

— Так, значит, многие его любили и с именем его в смертельной схватке с врагом побеждали. Стихи ему писали, но что потом, теперь что говорят о нём?

— Теперь считают, что он был тираном, убийцей, кровопийцей. Народу множество в тюрьмах сгноил. Из Мавзолея его тело вытащили, в землю закопали, и памятники все уничтожили, и книжки, что писал когда-то он...

— Теперь ты понимаешь сам? Перед тобой два образа предстали. Два образа, а человек ведь был один.

— Один.

— Каким он был, сейчас ты можешь мне сказать?

— Наверно, не могу... А ты сама сказать мне можешь?

— Не соответствовал ни первому, и ни второму Сталин образу, и в том трагедия была страны. Всегда трагедии происходили в государствах, когда значительным несоответствие бывало правителя и образа его, с того все смуты начинались. И люди в смутах за образы сражались. Совсем недавно к образу коммунизма стремились люди, но образ коммунизма ослабел, теперь стремишься ты к чему, и в государстве все живущие к чему стремятся?

— Теперь мы строим... Ну, может быть, капитализм иль ещё что-то, но чтоб так жить, как в странах развитых люди живут — в Америке, Германии. Ну, в общем, чтоб демократия была, как там, у них, достаток большой.

— Теперь у вас отождествлён образ страны и справедливого правителя в ней по образу тех стран, что ты назвал.

— Ну, пусть по образу тех стран.

— Но это говорит о том, что оскудели знания совсем жрецов страны, в которой ты живёшь. Нет знаний. Нет сил у них, чтоб образ сотворить достойный, способный повести своим путём. Обычно в ситуации такой все государства умирали, тысячелетий так история гласит.

— Но что плохого, если мы жить станем все, как, например, в Америке или Германии живут?

— Владимир, посмотри внимательнее сам, сколько проблем в тех странах, что назвал. Сам и ответь себе: им для чего полиция нужна очень большая и множество больниц? И почему всё больше самоубийств в них происходит, и куда едут люди отдыхать из городов богатых больших тех стран? Всё большее количество чиновников им требуется назначать за обществом следить. Всё это говорит, что образы слабеют и у них.

— И что же получается, мы стремимся к их слабеющим образам?

— Да, получается, тем самым и продлеваем ненадолго их жизнь. Когда образы ведущие уничтожали в твоей стране, в ней новый образ не создали. И поманил всех за собой тот образ, что живёт в другой стране. Если ему поклонятся все люди, то перестанет существовать твоя страна, — страна, теряющая образ свой.

— А кто его сегодня способен создавать? Сегодня я нет жрецов.

— Есть люди и сегодня, которые лишь только тем заняты, что образы творят, просчитывают образов способность увлекать народ, и часто расчёты их верны бываю!

— Я что-то и не слышал даже о таких. Или всё это содержится в строжайшей тайне?

— Ты, как и множество людей, днём каждым с деяниями их соприкасаешься.

— Да где, когда?

— Владимир, вспомни, когда пора приходит выбирать вам новых депутатов в государстве или из нескольких желающих единого правителя — он президентом называется сейчас — пред всеми представляют образ их. А образ тот и формируют люди, которые своей профессией избрали образы творить. У кандидатов разных есть несколько таких людей. И побеждает тот, чей образ всех приятней получился для большинства.

— Как образ? Все ж они реальные, живые люди. Они сами на собраниях перед избирателями выступают, и по телевизору тоже сами выступают.

— Конечно, сами, только им советуют всегда, где и как себя вести, что говорить, чтоб образу приятному для многих соответствовать. И часто кандидаты следуют совету. Ещё им делают рекламу разную, стремясь их образ с лучшей жизнью для каждого связать.

— Да, делают рекламу. Всё равно не очень мне понятно, что главней сам человек, который в депутаты или президенты хочет избираться или тот образ, о котором ты твердишь?

— Конечно, человек всегда важнее, но ты ведь, голосуя, не встречался с ним, не знаешь в точности, какой на самом деле он, и голосуешь ты за образ, тебе преподнесённый.

— Но ведь ещё программа действий есть у каждого из кандидатов, и люди за программу голосуют.

— Как часто исполняются программы те?

— Ну, не всегда программы предвыборные исполняются, а полностью, возможно, никогда их выполнить и невозможно, потому что другие со своими программами мешаются.

— Вот так и получается всё время, что множество творится образов, но нет единства полного среди них. Нет образа единого, способного собою всех увлечь и к цели привести. Нет образа, а значит, вдохновенья нет, неясен путь, сиюминутна, хаотична жизнь.

— Так кто ж тот образ может сотворить? Жрецов сегодня мудрых, значит, нет. И о науке образности я от тебя впервые слышу, той, что жрецам преподавал твой праотец.

— Немного ждатель осталось, будет образ сильный у страны. Он победит все войны, и мечты людские прекрасной явью претворяться станут в твоей стране, потом по всей Земле.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД

Анастасия говорила увлечённо. То радостно, то удручённо рассказывала о том, что было на земле когда-то. Чему-то верилось. Чему-то не очень. И по возвращении захотелось узнать о возможностях человека содержать в своей памяти информацию о событиях не только с момента своего рождения, но и с момента рождения своих предков, и более того, с момента сотворения первого человека. Несколько раз собирались специалисты и учёные по этому вопросу, и здесь я приведу выдержки из отдельных высказываний специалистов за круглым столом, касающихся этого вопроса.

“...Для многих будет казаться необычным утверждение, что бытовые предметы хранят информацию о человеке. Но если вы покажете кассету с магнитофонной записью человеку, никогда не видевавшему, не слышавшему о возможностях магнитофона, и скажете ему, что на кассете записан ваш голос, ваша речь, и он может её прослушать, когда захочет, через год или десять лет, — вам этот человек не поверит. О вас он будет думать, как о мистификаторе. Однако для нас факт записи и воспроизведения голоса — явление обычное. Я хочу сказать, что нечто, кажущееся нам необычным, для других может являться самым простым и естественным”.

“Если взять за основу тот факт, что человек пока не изобрёл ещё ничего более существенного и совершенного, чем изобретено природой, то луч Анастасии, с помощью которого она может видеть на расстоянии, подтверждается существованием радиотелефона и телевизора.

Более того, мне видится, что те природные явления, которыми она пользуется, более совершенное претворение того, что мы изобретаем искусственного, скажем, современный телевизор и радиотелефон”.

“Память одного человека едва сохраняет события полугодовой давности. Другой человек хранит в своей памяти и может поведать о событиях своего детства. Но это мне видится совсем не предельными возможностями человеческой памяти”.

“Думаю, не многие из учёных станут отрицать, что генетический код человека миллионы лет хранит в себе первозданную информацию. Возможен и сбор дополнительной, так называемой побочной информации за время жизни и передачи её последующим поколениям. Всем нам известные выражения "это наследственное", "передаётся по наследству" как раз и свидетельствуют об этом. Способности Анастасии воспроизводить картины, происходящие с человечеством миллионы или миллиарды лет назад, теоретически возможны и объяснимы. Более того, они могут быть наиболее точны по мере их удаления от нашей действительности. Память Анастасии, я думаю, не отличается от памяти многих людей. Точнее будет сказать, информации, заложенной в её генетическом коде не больше, чем в каждом другом человеке. Отличие в том, что она обладает способностью её "доставать", воспроизводить полностью, а мы — частично”.

* * *

Эти и другие высказывания специалистов как-то убедили меня в том, что Анастасия может говорить правду о прошлом. Особенно мне понравился пример с магнитофонной плёнкой. Однако приглашавшиеся на круглый стол учёные не смогли пока пояснить следующее явление. Каким образом Анастасия может располагать информацией не только о жизни земных цивилизаций, но и о жизни цивилизаций иных миров и галактик? Мало того, она о них не только говорит, но и, как мне кажется, может на них влиять. Попробую рассказать обо всём по порядку. Может быть, кому-то, хотя бы теоретически удастся объяснить эти её способности. Понять, присущи или нет они остальным людям. Сама Анастасия пыталась объяснить, за счёт чего она о них знает, только не совсем понятны её объяснения.

Ну, в общем, попробую рассказать о следующей ситуации по порядку.

КУДА УХОДИМ МЫ ВО ОНЕ?

— Несколько раз в рассказе Анастасии о земных цивилизациях звучали фразы о существовании жизни в других галактиках Вселенной, на других планетах. И меня вдруг это так сильно заинтересовало, что я, слушая её рассказ о прошлом человечества, сам только и думал: а как же там, на других планетах, жизнь строилась?

Анастасия, наверное, увидела, что совсем моё внимание остыло к её рассказу, и замолчала. Я тоже молчал, потому что думал, как её заставить побольше и поточнее рассказать о жизни неземных цивилизаций. Можно было бы, конечно, прямо спросить, но она всегда становится растерянной какой-то, как только не может объяснить, почему она знает то, что другим неизвестно. И ещё её желание не выделяться необычными своими возможностями среди других людей, мне кажется, и не даёт ей возможность говорить обо всём. Я стал замечать, что она стесняется своей неспособности объяснить механизм некоторых явлений. Так оно и произошло, когда я спросил её прямо:

— Скажи, Анастасия, ты можешь телепатироваться в пространстве? Ну, переносить своё тело с одного места на другое?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, Владимир?

— Сначала ответь конкретно, можешь или нет?

— Владимир, такая возможность существует у всех людей. Но я не уверена, что сумею объяснить тебе естественность этого процесса. Ты снова удалишься от меня, будешь считать меня колдуньей. Тебе станет неприятно со мной.

— Значит, можешь?

— Могу, — ответила, помедля, Анастасия и потупилась.

— Тогда продемонстрируй, покажи, как это происходит.

— Может, сначала мне попробовать объяснить...

— Нет, Анастасия, покажи сначала. Всегда смотреть интереснее, чем слушать. А потом и объяснишь.

Анастасия как-то отрешенно встала, закрыла глаза. Слегка напряглась и исчезла. Оторопело я

смотрел по сторонам. Даже место ощупал, где она только что находилась. Но на том месте была лишь примятая трава, а Анастасии не было. Я увидел её стоящей на другом конце озера. Смотрел на неё и молчал. Она крикнула:

— Мне плыть к тебе или снова...

— Снова, — ответил я и, не мигая, чтобы ничего не пропустить, стал смотреть на фигуру Анастасии, стоящую на другом берегу небольшого озера. Вдруг она исчезла. Растворилась. Даже дымки не осталось на месте, где она была. Я не моргая продолжал смотреть.

— Я здесь, Владимир, — раздался со мной рядом голос Анастасии. Она снова стояла в метре от меня. Я чуть отстранился от неё, сел на траву, стараясь не показывать удивления или волнения. Почему-то подумал: “Вдруг ей взбредёт растворить моё тело, а потом не собрать его”.

— Полностью может растворить своё тело, расщепить его на атомы только обладатель его. Это доступно только человеку, Владимир, — первой заговорила Анастасия.

Мне было ясно: сейчас она первым делом станет доказывать, что она человек, и, чтобы зря времени не тратила, я сказал:

— Понятно, что человеку. Но ведь не всякому человеку.

— Не всякому. Надо, чтобы...

— Знаю, что скажешь: “Помыслы надо чистые иметь”.

— Да. Помыслы и ещё быстро и образно мыслить, детально и конкретно представлять себя, своё тело, и желание, волю сильную, веру в себя...

— Не объясняй, Анастасия. Не старайся зря. Скажи лучше, ты в любое место сможешь перенести своё тело?

— В любое можно, но я очень редко так делаю. Опасно очень в любое... Да и необходимости в том нет. Зачем тело переносить? Можно по-другому...

— Почему опасно?

— Необходимо очень точно представлять то место, куда ты хочешь переместить своё тело.

— А если не точно представить, что может произойти?

— Оно может погибнуть.

— От чего?

— Например, ты захочешь переместить своё тело на дно океана, переместишь, а его давление воды раздавит. Или захлебнёшься. На дороге может попасть в городе, перед идущей машиной, и ударит твоё тело машина, искалечит.

— А на другую планету тоже может переместить своё тело человек?

— Расстояние абсолютно никакой роли здесь не играет. Оно переместится в то место, какое укажет твоя мысль. Сначала ведь мысль в желаемом месте оказывается. Она и формирует, собирает снова ранее растворённое в пространстве тело.

— А чтобы тело растворить своё, о чём при этом нужно думать?

— Представить всю материю его, до атома мельчайшего и до ядра, увидеть, как в ядре частички внешне хаотичное движение создают, и растворить их мысленно в пространстве. Потом собрать в последовательности прежней, движение внешне хаотичное в ядре, при этом в точности воспроизвести его. Всё просто очень. Как в кубики игра детей.

— Но может так случиться, что на другой планете не будет подходящей атмосферы для дыхания?

— Так я и говорю — опасно необдуманно перемещаться. Нужно многое предусмотреть.

— Значит, не получится на другую планету?

— Получится. Часть окружающей атмосферы можно тоже переместить и какое-то время жить в ней будет тело. Но лучше тело вообще не перемещать без особой на то необходимости. В большинстве случаев достаточно лучом смотреть на расстоянии или перемещать только своё второе, нематериальное “я”.

— Невероятно! Трудно поверить, что это мог делать когда-то каждый человек.

— Почему же “когда-то”? Второе “я” человеческое и сейчас перемещаться может свободно, и перемещается. Только люди не ставят перед ним никаких задач. Не определяют цели.

— У кого, у каких людей, когда оно перемещается?

— Сейчас в основном это происходит, когда спит человек. Можно то же самое сотворить и при бодрствовании, но из-за повседневной суеты и догматов всевозможных, проблем разных надуманных, люди всё больше теряют способность управлять собой. Теряют способность достаточно образно мыслить.

— Может, потому, что неинтересно путешествовать без тела?

— Почему считаешь так? Конечный результат для ощущений один и тот же часто может быть.

— Когда б один и тот же был результат, то не таскали люди свои тела, путешествуя по разным странам. Туристический бизнес у нас сейчас очень доходное дело. Да и не понятно как-то про второе “я” у человека. Если тело где-то не было, значит, не был там и человек. Всё тут просто и ясно.

— Не спеши, Владимир, делать выводы поспешные. Я приведу тебе три разных ситуации сейчас. А ты себе попробуй на вопрос ответить, в какой из трёх был в путешествии условный человек.

— Давай отвечу, говори.

— Вот первая: представь себя или иного человека крепко спящим. Его кладут на носилки. Доставляют спящим в самолёт и перевозят в город другой страны. К примеру, из Москвы в Иерусалим. Там спящего по главной улице провозят, заносят в храм, и спящего его тем же путём обратно возвращают, на место прежнее кладут. Как ты считаешь, был человек-москвич в Иерусалиме?

— Ты сначала о других двух расскажи.

— Хорошо. Другой поехал сам в Иерусалим, по главной улице прошёл, побыл немного в храме и вернулся.

— А третий?

— Он телом дома оставался. Но обладал способностью всё представлять на расстоянии. Словно во сне, по городу гулял. Был в храме, заходил ещё куда-то, потом он также мысленно к прежним делам своим вернулся. Из трёх кто был в Иерусалиме, как считаешь?

— По-настоящему там был только один из трёх. Это тот человек, который сам поехал в путешествие и сам всё осмотрел.

— Пусть так, но что визит, в конечном счете, дал каждому из них?

— Для первого он ничего не дал. Второй мог рассказать, что видел. А третий... Третий тоже рассказать, наверно, сможет, но только третий может ошибаться, потому что он будет рассказывать то, что во сне видал, а сон с действительностью может сильно расходиться.

— Но сон как явление ведь тоже действительность.

— Ну да, как явление сон существует. Пусть он тоже действительность, но к чему ты это говоришь?

— К тому, что ты, наверно, не будешь отрицать, что человек всегда способен соединить или соприкоснуть между собою две существующие действительности.

— Я знаю, к чему ты подвела. Ты хочешь сказать, что сон можно подчинить, направить куда хочешь.

— Да.

— Но с помощью чего такое может получиться?

— С помощью энергии мысли, способности её освобождать для проникновения в образы, действительность любую.

— И что, она тогда запечатлеет всё в другой стране как кинокамера?

— Отлично, кинокамера тому пусть примитивным служит подтверждением. Значит, вывод сделал ты, Владимир, что не всегда необходимость возникает тела материальные перемещать, чтобы почувствовать происходящее в дальнем краю?

— Быть может, не всегда. Но для чего ты стала говорить об этом мне? Доказывать?

— Я поняла, когда ты о других мирах заговорил, что станешь требовать или просить меня тебе их показать. Я просьбу выполнить хочу, не подвергая твоё тело риску.

— Всё правильно ты поняла, Анастасия. Я действительно хотел тебя об этом попросить. Значит, есть всё же на других планетах жизнь. Ух, интересно посмотреть на них!

— Какую же ты хочешь выбрать для своей экскурсии планету?

— А что, их много, обжитых?

— Их множество, но интереснее многообразия Земли не существует.

— Но всё же, на других какая жизнь? И как она возникла?

— Когда Земля Божественным явилась сотворением, то сущностей вселенских множество желанием воспылали повторить творенье чудное. Они своё хотели создавать в мирах иных, используя планеты по их мнению, подходящие. И сотворяли, но жизнь, в гармонии земной подобной, никто не смог создать. Планета во Вселенной есть, где муравьи над всем преобладают. Их множество на ней. Иные формы жизни муравьи те поедают. Когда им нечем становится питаться, себя есть начинают и погибают. И сущность, что такую жизнь создала, творенье вновь повторить своё пытается, но лучшего никак не получается. Соединить в гармонию всё сущее никто не смог.

Ещё планеты есть, где сущности пытались и пытаются сейчас растительный, Земле подобный,

мир создать. И создают. Деревья, травы и кусты растут на тех планетах. Но их созданы умирают всякий раз, достигнув полного взросления. Никто из существ вселенских не смог воспроизводства тайну разгадать. Они как человек сегодняшний. Ведь человек сегодняшний много искусственного сам создал. Но все творения его сами не могут повторить себя. Они ломаются, гниют, ветшают и постоянного ухода требуют к себе. Часть большая людей земли в рабов творений собственных превращена. Творения Бога лишь себя способны сами воссоздать и жить в гармонии многообразием великим.

— Анастасия, а есть планеты во Вселенной, где существа, как человек, в технике разбираются?

— Да, есть, Владимир. Планета та в шесть раз Земли объёмней. На ней внешне подобны человеку существа. Их техника искусственна, намного от земной ушла по совершенству. Жизнь на планете той сотворена вселенской сущностью, считающей себя подобной Богу, и к превосходству над Божественными тварями стремится.

— Скажи, это они в “тарелках”, кораблях своих космических к Земле прилетают?

— Да. Они не раз уже пытались войти в контакт с людьми земными. Но их контакты для Земли...

— Нет, подожди. Ты можешь как-нибудь меня, “я” моё второе на ту планету занести на время?

— Да. Могу.

— Так занеси.

Далее Анастасия попросила меня лечь на траву и расслабиться. Руки раскинуть в разные стороны. Свою ладонь положила на мою, и через некоторое время я стал погружаться в нечто подобное сну. Говорю “в нечто”, потому что это засыпание было необычным. Сначала тело всё больше расслаблялось. Оно переставало ощущаться, но я прекрасно видел и слышал всё окружающее. Птиц, шелест листья, потом глаза закрыл и в сон погрузился, или разделился, как говорит Анастасия. Но до сих пор не в состоянии понять, что и как произошло со мной в дальнейшем. Если предположить, что с помощью Анастасии я уснул и видел сон, то по полноте ощущений и ясности осознания всего увиденного, его нельзя сравнить с обычным человеческим сном.

МИРЫ ИНЫЕ

Я видел другой мир, другую планету. Ясно и в деталях запомнил всё происходящее на ней, и в то же время в сознании до сих пор находятся ощущения, что такого увидеть невозможно. Представляете, ум и сознание говорят, что такое видеть невозможно, а они — видения, картины — до сих пор во мне. И я вот вам стараюсь описать их.

Я стоял на почве, похожей на земную. Вокруг не было абсолютно никакой растительности. Говорю — “стоял”. А можно ли так говорить, — трудно сказать. Не было у меня ни ног, ни рук, не было тела, и в то же время мне казалось, я ощущал ступнями, через подошвы каменность, неровность поверхности.

Вокруг, насколько хватало взора, над почвой возвышались похожие на металлические яйцеобразные и квадратные, как куб, машины. Говорю — “машины”, потому что ближайшая от меня слегка урчала. От каждой из машин в почву уходило множество разных по толщине шлангов. Некоторые шланги слегка подрагивали, словно по ним что-то всасывалось из почвы, некоторые были в спокойном состоянии. Никаких живых существ поблизости не находилось. Вдруг я увидел, как в боку странного механизма раздвинулись створки, из них медленно выплыл какой-то диск, похожий на тот, что метают спортсмены, только большой. Диаметр диска примерно метров сорок пять. Он завис в воздухе, завращался. Опустился чуть ниже, потом взлетел и пронёсся совершенно бесшумно надо мной. Другие стоящие в отдалении механизмы проделывали то же самое, и ещё несколько дисков пролетели один за другим надо мной вслед первому. И снова пустота, лишь урчание и потрескивание странных механизмов. Картина окружающая вызывала интерес, но больше пугала своей безжизненностью.

— Ты ничего не бойся, Владимир, — вдруг услышал я голос Анастасии и обрадовался ему.

— Где ты, Анастасия? — спросил.

— Рядом с тобой. Мы невидимы, Владимир. Здесь сейчас присутствуют наши чувства, ощущения, разум и другие все невидимые энергии. Здесь присутствуем мы без своих материальных тел. Нам никто ничего сделать не сможет. Опасаться можно лишь только себя, последствий от собственных ощущений.

— Какие могут быть последствия?

— Психические. Ну, как бы временно сойти с ума.

— Сойти с ума?

— Да, только временно, на месяц или два видение других планет, бывает, будоражит человека ум и осознание. Но, ты не бойся, тебе не угрожает это. Ты выдержишь. И здесь не бойся ничего, поверь, пойми, Владимир, сейчас ты здесь, но нет тебя для них. Сейчас невидимы и всепроницающие мы.

— А я и не боюсь. Ты лучше мне скажи, Анастасия, что это за машины урчат вокруг. Для чего они?

— Каждая из этих яйцевидных машин — завод. Они и производят так интересующие тебя летающие “тарелки”.

— А кто обслуживает, управляет этими заводами?

— Никто. Они запрограммированы изначально на производство определённого изделия. По трубам, которые уходят в недра, всасывается необходимое и в нужном количестве сырьё. В небольших камерах происходит плавление, штампование, потом сборка, и выходит наружу полностью готовое изделие. Такой завод намного рациональнее, чем любой земной. Отходов почти нет от его работы. Не нужно заниматься транспортировкой сырья из далёких мест. Не нужно перетаскивать к месту сборки отдельные детали. Весь процесс формирования изделия происходит в одном месте.

— Потрясающе! Вот бы нам такую штуковину! А кто же управляет новой летающей тарелкой? Я видел, они все летят в одну сторону.

— Никто не управляет, она сама летит к месту складирования.

— Невероятно. Прямо как живое существо.

— Как раз в этом нет ничего невероятного даже для земных технологий. Ведь на Земле тоже есть беспилотные самолёты, ракеты.

— Так ими же всё равно люди с Земли управляют.

— Уже давно есть на Земле и такие ракеты, которые запрограммированы заранее на определённую цель. Достаточно лишь нажать кнопку “пуск”, ракета сама стартует и полетит к определённой цели.

— Может, и есть. И действительно, что это я тут разудивлялся.

— Если поразмыслить, можно и не очень-то удивляться. Только по сравнению с земными технологиями здесь значительный прогресс. Эти заводы, Владимир, многофункциональны. Они могут производить очень многое, начиная от продуктов питания до мощного оружия.

— А из чего она продукт питания будет делать? Здесь же ничего не растёт.

— Имеется всё в недрах. Соки нужные при необходимости по трубам из недр отберёт машина, в гранулы их спрессует. В этих гранулах все вещества, необходимые для жизнеобеспечения плоти, будут содержаться.

— Чем же она сама, эта штуковина, питается, электроэнергию кто ей подаёт? Никаких проводов не видно.

— Она и энергию сама для себя вырабатывает, используя всё окружающее.

— Ты смотри, какая умная! Умнее человека.

— Совсем не умнее она человека. Это же просто машина. Она подчиняется заданной ей программе. Её очень легко перепрограммировать. Хочешь, покажу, как это делается?

— Покажи.

— Давай поближе к ней переместимся.

Мы стояли в метре от торца огромного, с девятиэтажный дом, механизма. Чётче слышалось его потрескивание. Множество гибких, как щупальца, труб уходили в недра и шевелились. Поверхность на торце была не совсем гладкой. Я увидел окружность примерно с метр в диаметре, густо покрытую мелкими, как волосы, проводками. Они шевелились, каждый сам по себе.

— Это антенна сканирующего устройства. Она улавливает энергоимпульсы мозга, которые используются для составления программы, способной выполнить полученное задание. Если твой мозг смоделирует какую-нибудь вещь, машина должна будет её изготовить.

— Любую вещь?

— Любую, которую ты сможешь детально представить. Как бы построить своими мыслями.

— И автомобиль любой?

— Конечно.

— И я прямо сейчас смогу попробовать?

— Да. Переместись поближе к приёмнику и сначала мысленно заставь его антенну к тебе всеми

волосками повернуться. Как только это произойдет, начинай представлять желаемое.

Я стоял рядом с волосяной антенной и, сгорая от любопытства мысленно, как говорила Анастасия, желал, чтобы все её волоски слушали меня. И они сначала повернулись в мою сторону, потом все, мелко задрожав, направили свои концы к моей невидимой голове и замерли. Теперь нужно было представить какую-нибудь вещь. Я почему-то стал представлять автомобиль “Жигули” седьмой модели — автомобиль, который был у меня в Новосибирске. Всё в деталях старался представить: стекло и капот, бампер, цвет и даже номерной знак. Ну, в общем, всё долго представлял. Когда надоело — отошёл от антенны. Громадная машина зажурчала сильнее обычного.

— Придётся подождать, — пояснила Анастасия. — Сейчас она демонтирует недоделанное изделие и составляет программу для выполнения твоего замысла.

— И долго ждать придётся?

— Думаю, недолго.

Мы подходили к другим машинам. Когда я рассматривал камни разноцветные под ногами, голос Анастасии сообщил:

— Думаю, изготовление тобой помысленного завершено. Давай посмотрим, как она справилась с заданием.

Мы переместились к знакомой машине и стали ждать. Через некоторое время её створки открылись, и по гладкому трапу на почву скатились “Жигули”. Но до красоты земного автомобиля этому уродцу, что стоял передо мной, было очень далеко. Во-первых, у него была всего одна дверь. Дверь только со стороны водительского сидения. Вместо задних сидений какие-то мотки проволоки и куски резины. Я обошел, или переместился, вокруг стоящего изделия. Автомобилем его назвать было нельзя.

С правой, по ходу, стороны не было двух колёс. Переднего номера, как и бампера, тоже не было. Капот, похоже, не открывался — он представлял собой одно целое с кузовом. Ну, в общем, не автомобиль этот уникальный завод изготовил, а какую-то каракатицу непонятого назначения.

И я сказал:

— Тоже мне, изделие произвело предприятие инопланетное. Да за такое всех конструкторов и инженеров земных с предприятия уволить могут.

В ответ раздался смех Анастасии, а потом голос её сообщил:

— Конечно, могут уволить. Но ведь главный конструктор в данном случае ты, Владимир, и видишь плод своей конструкции.

— Я хотел нормальный современный автомобиль, а она что выплюнула?

— Хотеть недостаточно. Необходимо было представить всё в мельчайших деталях. Ты даже двери для пассажиров не смоделировал в своём воображении, только об одной двери для себя и подумал. И колёса только со своей стороны представил. С другой стороны уже поленился колёса приделать. Думаю, ты и о двигателе не подумал.

— Не подумал.

— Значит, и нет в твоей конструкции двигателя. Так что же ты на изготовителя обижаешься, если сам программу такую неоконченную ему задал?

Вдруг я увидел или почувствовал приближающиеся к нам три летательных аппарата. “Надо смываться”, — мелькнула мысль, но голос Анастасии успокоил:

— Они нас не заметят и не почувствуют, Владимир. К ним поступила информация о сбое в работе завода, сейчас, наверное, станут разбираться. Мы спокойно можем наблюдать живых обитателей этой планеты.

Из трёх небольших летательных аппаратов вышли пять инопланетян... Они были очень похожи на земных людей. Не просто похожи, а всё у них, как у земных людей. Они были хорошо сложены. Никакой сутулости, прямо и гордо держали их атлетические тела красивые головы. И волосы на их головах были, и брови на лице, а у одного усы аккуратно подстриженные. Одеты в плотно облегающие тело тонкие разноцветные комбинезоны.

Инопланетяне подошли к сделанному их заводом автомобилю или, вернее сказать, подобию земного автомобиля. Они стояли рядом с ним и молча, без эмоций, смотрели. “Наверное, копируют”, — подумал я.

Из группы стоящих отделился на вид самый молодой русоволосый инопланетянин и подошёл к дверце автомобиля, попытался открыть её. Дверца не поддавалась. Наверное, замок заело. Дальнейшие его действия были совсем земные, и тем мне очень понравились. Русоволосый ладонью стукнул по дверце в районе замка, ещё раз посильнее дёрнул за ручку и дверца открылась. Он сел на водительское сидение, взялся за руль и стал внимательно разглядывать приборы на панели.

“Молодец, — подумал я про себя, — умный”. И в подтверждение своего заключения услышал голос Анастасии:

— Это очень крупный по их меркам учёный, Владимир. У него быстро и рационально работает мысль в техническом направлении. Ещё он изучает быт нескольких планет, и Земли в том числе. И имя его похоже на земное — Аркаан его зовут.

— А почему у него на лице нет удивления оттого, что их завод что-то не то произвёл?

— Чувства, эмоции у обитателей этой планеты почти отсутствуют. Их ум работает рационально и ровно, не подвергаясь эмоциональным всплескам или отклонениям от намеченной цели.

Русоволосый вылез из машины, издал звуки, похожие на азбуку Морзе. От группы инопланетян отделился пожилой, встал у волосяной антенны, у которой я раньше стоял. Потом все сели в свои летательные аппараты и исчезли.

Завод, произведший автомобиль по моему проекту, снова заурчал. Его трубы-щупальцы вытаскивались из недр и направлялись в сторону ближайшего, такого же, завода-автомата, из которого тянулись тоже трубы-щупальцы. Когда все щупальцы соединились друг с другом, Анастасия сказала:

— Видишь, они задали программу самоуничтожения. Все детали завода, давшего сбой, будут переплавлены другим заводом и использованы в производстве.

И мне немножко жалко стало завода-робота, с которым мы так неудачно сотворили земной автомобиль. Но ничего здесь не поделать.

— Владимир, хочешь посмотреть быт обитателей этой планеты? — предложила Анастасия.

— Да.

Мы оказались над одним из городов или посёлков большой планеты. Вид сверху представлял следующую картину.

Насколько хватало взгляда, весь этот населённый пункт состоял из множества цилиндрических, похожих на современные небоскрёбы, сооружений, которые располагались по множеству окружностей. В центре каждой окружности находились конструкции пониже, напоминающие чем-то земные деревья, даже множество их листьев-локаторов были зелёными. И Анастасия подтвердила, что эти искусственные конструкции собирают из недр необходимые для питания организма компоненты веществ, которые впоследствии подаются по специальным трубопроводам в жилище каждого обитателя планеты. Ещё эти расположенные в центре окружностей конструкции поддерживают необходимую на планете атмосферу.

Когда Анастасия предложила побывать в какой-нибудь из квартир, я спросил:

— А в квартире этого русоволосого инопланетянина, что в мою машину садился, мы можем оказаться?

— Да, — ответила она. — Он как раз сейчас и будет возвращаться к себе домой.

Мы оказались почти на самом верху у одного из цилиндрических небоскрёбов. Окон в инопланетном доме не было. Круглые стены раскрашены неяркими цветами на квадраты. Внизу каждого квадрата поднимающаяся дверь, как в современном гараже. Время от времени из открывшегося в нижней части квадрата проёма вылетал небольшой летательный аппарат, похожий нате, что были у завода-автомата, и летел в своём направлении. Получается, что в высотном доме под каждой квартирой находился небольшой гараж для летательного аппарата.

В доме не было лифтов, дверей. У каждой квартиры свой отдельный вход прямо из гаража. И, как потом выяснилось, такой квартирой обладал каждый житель этой планеты, достигший определённого возраста.

Сама квартира мне сначала не очень-то понравилась. Когда вслед за русоволосым инопланетянином мы оказались в его квартире, я вначале удивился её бедности и простоте. Комната примерно в тридцать квадратных метров оказалась совершенно пустой. Мало того, что в ней отсутствовали окна и перегородки, так ещё отсутствовал и самый минимум мебели. На гладких стенах светлого цвета ни одной полочки или картинки для украшения.

— Он что, только получил эту квартиру? — спросил я у Анастасии.

— Аркаан живёт здесь уже двадцать лет. Всё необходимое для отдыха, развлечения и работы в его квартире имеется. Оно, это необходимое, вмонтировано в стены. Ты сейчас сам всё увидишь.

И действительно, как только русоволосый инопланетянин поднялся из своего подквартирного гаража, потолок и стены комнаты засветились мягким светом. Аркаан повернулся лицом к стене рядом с входом, приложил к поверхности ладонь и издал звук. На стене высветился квадрат.

Анастасия комментировала все происходящие в квартире события: “Сейчас компьютер по линиям руки, рисунку глаза идентифицирует владельца квартиры, теперь приветствует и сообщает

время его отсутствия и необходимость проверки физического состояния. Видишь, Владимир, Аркаан вторую руку к пульту приложил и глубоко выдохнул для того, чтобы компьютер смог проверить его физическое состояние. Проверка завершена, на экране сообщение появилось о том, что ему необходимо принять питательную смесь. И вопрос: — чем намерен заниматься хозяин в ближайшие три часа?

Это необходимо знать компьютеру, чтобы приготовить соответствующую смесь. Теперь Аркаан запрашивает смесь, способную максимально активизировать его умственную деятельность на ближайшие три часа, далее он намерен уснуть.

Компьютер не рекомендует ему заниматься активной умственной деятельностью на протяжении трёх часов и предлагает ему употребить состав, рассчитанный на поддержание активной работы в течение двух часов шестнадцати минут. Аркаан согласился с мнением компьютера.

В стене открылась небольшая ниша, из которой Аркаан взял за ручку какую-то гибкую трубку, протянул конец её к своему рту, попил или поел из шланга и пошёл к противоположной стене. Ниша с трубкой закрылась, квадрат экрана погас, стена, где только что стоял инопланетянин, снова стала гладкой и однотонной.

“Ну, надо же, — подумал я, — при такой технике отпадает необходимость в кухне со всем её оборудованием: посудой, мебелью, уборкой. Да и необходимость в жене, умеющей хорошо готовить, отпадает. В магазин ходить не нужно. Ещё и состояние здоровья компьютер заодно проверяет, и пищу готовит необходимую, и рекомендации всякие выдаёт. Интересно, сколько мог бы стоить такой компьютер, если бы его изготавливали у нас на Земле?” И тут же голос Анастасии сообщил: “Что касается затрат, то дешевле оборудовать каждую квартиру подобным устройством, чем загромождать кухни мебелью и множеством приспособлений для приготовления пищи. Они намного рациональнее землян во всём. Но на Земле существует намного более рациональное, чем у них”. Я не обратил внимания на последнюю фразу Анастасии. Меня заинтересовали последующие действия Аркаана. Он продолжал командовать звуками своего голоса, и в комнате происходили следующие события.

Из части стены вдруг стало выдвигаться кресло. Рядом с креслом открылась ещё одна небольшая ниша, из которой выдвинулся столик с каким-то полупрозрачным закупоренным сосудом, похожим на лабораторную колбу. На противоположной стене комнаты засветился большой экран, метра полтора-два по диагонали. На экране сидела в кресле красивая женщина в облегающем тело комбинезоне. Женщина держала в руках сосуд, похожий на стоящий на столике рядом с Аркааном. Изображение женщины на экране было объёмным, намного лучше, чем в наших телевизорах. Казалось, что она не на экране, а прямо в комнате сидит. Как пояснила Анастасия, Аркаан и сидящая напротив него женщина, делали своего ребёнка:

“У обитателей этой планеты отсутствуют достаточной силы чувства, и они не могут вступать в половую связь, как люди на Земле. Внешне тела их ничем от земных тел не отличаются. Но отсутствие чувств не позволяет им производить потомство земным способом. В пробирках, которые ты сейчас видишь, находятся их клетки, гормоны. Мужчина и женщина представляют, каким бы они хотели видеть своего будущего ребёнка, его внешность. Они мысленно закладывают в него имеющуюся в них информацию, обсуждают его будущую деятельность. Этот процесс длится примерно года три в земном исчислении. Как только они посчитают, что процесс формирования их ребёнка завершен, в специальной лаборатории соединят содержимое двух сосудов, произведут ребёнка и в специальном питомнике-школе вырастят его до совершеннолетия. Предоставят совершеннолетнему члену сообщества квартиру и включат его в состав одной из рабочих групп”.

Аркаан смотрел то на женщину с экрана, то на стоящий перед ним маленький запечатанный сосуд с жидкостью. Вдруг встроенный в стену экран погас, но инопланетянин, оставаясь сидеть в своём кресле, не отрываясь смотрел на стоящий перед ним на столике сосудик с частичкой своего будущего ребёнка. Противоположная стена замигала красными квадратиками. Инопланетянин повернулся к стене боком, ладонью руки заслонил от мигающего света глаза и ещё ближе наклонил голову к своему сосуду. С потолка тут же тревожно замигали новые квадраты и треугольники света.

“Отведённое Аркаану компьютером время бодрствования истекло, теперь компьютер настойчиво напоминает о необходимости сна”, — пояснила Анастасия.

Но инопланетянин ещё ближе наклонил голову к своему сосуду, прижал к нему ладони своих рук.

Прекратилось световое мигание, идущее от потолка и стены. Комнату стал заполнять какой-то похожий на пар газ. Голос Анастасии прокомментировал: “Сейчас компьютер усыпит Аркаана сонным газом”.

Голова инопланетянина стала медленно клониться к столику и вскоре легла на него, глаза закрылись. Кресло стало выдвигаться из стены, превращаясь в кровать. Потом кресло-кровать качнулось из стороны в сторону, и тело уже спящего инопланетянина упало на удобное ложе.

Аркаан спал, держа в ладонях, прижатых к груди, свой маленький сосудик.

Можно ещё много рассказывать о технических новшествах необычной квартиры и большой планеты в целом. По словам Анастасии, сообществу, живущему на ней, не страшны никакие вторжения извне. Мало того, с помощью своих технических достижений они способны уничтожить жизнь на любой планете Вселенной. На любой, кроме земной. “Почему? — спрашивал я, — значит, наши ракеты, наше оружие способны отразить их атаки?” И в ответ: “Ракеты им земные не страшны, Владимир. Сообщество на этой планете давно познало всё, что является производным взрыворасширения. Известен им и взрыв сжатия”.

— Что означает взрыв сжатия?

— Известно на Земле, как два или несколько веществ, соединившись в реакции мгновенной, расширяясь, производят взрыв. Но есть реакция от соприкосновения двух веществ иная. Газообразное вещество, объёмом в километр кубический и более, в одно мгновение в горошинку способно сжаться, сверхтвёрдым стать материалом. Представь, снаряд или ракета, которая в облаке таком взрывается, но одновременно силе взрыву расширения другая сила будет противостоять, взрыв сжатия произойдёт одновременно. И лишь хлопок услышишь ты тогда. И в камешек с горошину всё, что в облаке том находилось, превратится. Газообразных облаков завесу земным ракетам не преодолеть.

В истории Земли два пришествия или нападения с их стороны случались. Сейчас готовят третье. Считают, снова наступает благоприятнейший момент.

— И, значит, им никак нельзя противостоять, коль нет на Земле оружия сильнее, чем у них.

— Оружие у человека есть, зовётся оно “человеческая мысль”. И даже я одна могла бы примерно половину их оружий разрушить в пыль и по Вселенной пыль развеять. И если бы помощники нашлись, то вместе мы всё ликвидировать оружие смогли. Но дело в том, что большинство людей и почти все правительства Земли как благо то нашествие воспримут.

— Но как же может так случиться, чтобы нашествие, захват все могли воспринять за благо?

— Сейчас увидишь. Вот, посмотри на центр, готовящий десант, чтоб покорить земные континенты.

ЦЕНТР ЗАХВАТА

Конечно, я ожидал увидеть межпланетную супертехнику, способную покорить целую планету. Но то, что предстало перед моими глазами... Думаю, что наши, американские и другие, военспецы не предполагают, с помощью какого оружия могут быть с лёгкостью покорены якобы защищенные ими территории. Вот и вы, уважаемые читатели, попробуйте, прежде чем читать дальше, представить оснащение инопланетного центра подготовки захвата Земли. А потом посмотрите, как он выглядит на самом деле. А внешне он вот какой.

Огромное квадратное помещение. С каждой из четырёх сторон этого помещения располагаются в натуральную величину интерьеры земных, наших родных, парламентов. Госдумы, кабинет нашего Президента в Кремле. На противоположной стороне зала интерьеры американского Парламента, кабинет Президента в Белом доме. По двум другим сторонам зала интерьеры госорганов, по всей видимости, азиатских стран. В креслах парламентских сидели наши земные депутаты, конгрессмены и президенты. Я сначала стал рассматривать наших, российских депутатов. Они были точной копией тех знакомых лиц, что доводилось мне видеть по телевизору. Только сидели без движения, как мумии. Трудно сказать, из чего они были сделаны. Может, они были куклами, голограммой или роботами, а может, ещё чем-то.

Посередине громадного зала находилось возвышение, на котором восседало в креслах примерно пятьдесят инопланетян. Они были не в своих обычных комбинезонах, а в наших земных костюмах и слушали выступавшего перед ними. Наверное, выступающий был главным инструктором или ещё каким-то начальником.

Анастасия пояснила, что я наблюдаю одну из десантных групп, которая сейчас проходит очередное занятие по подготовке к взаимодействию с земными правительствами. Они изучают наиболее распространённые земные языки и манеры поведения людей в разных ситуациях. Особенно тщательно они готовятся к контакту с земными правительствами, законодательными органами, через которых надеются повлиять на всё население Земли. Разговорная речь им даётся без особого труда,

но в связи с отсутствием некоторых чувств, способных вызывать внешние эмоции, им очень трудно освоить жесты и мимику земных людей. И ещё они никак не могут понять своим рациональным мышлением логику в системе управления земными государствами. Несмотря на привлечения лучших умов и совершеннейшей техники своей цивилизации, так и не смогли разгадать, например, такую тайну: почему, несмотря на уже имеющуюся на Земле вычислительную технику, множество специальных научных учреждений, государственным законодательным органам не предоставляется информация о последствиях от принимаемых ими решений? Они убеждены, что при наличии определённого аналитического центра, для которого на Земле всё уже имеется, можно почти с точностью моделировать общественные явления от совокупности принимаемых решений. Однако каждый член земного правительства, законодатель должны действовать при принятии решений самостоятельно. Не располагая достаточной информацией, каждый член правительства должен выполнять функции мощного аналитического центра, и при этом учитывать последствия от поведения своих коллег, врагов и друзей.

Ещё очень таинственным, не разгаданным инопланетянами вопросом считается, почему земные люди не определяют цель, которую необходимо достичь. Они стремятся к чему-то, но к чему — содержится в глубочайшей тайне. Но исходя из сегодняшних потребностей земных сообществ людей они подготовили план захвата земных континентов. Осуществление своего плана они начнут со своих предложений землянам, сделанных через правительства разных стран. Их предложения будут с радостью приняты.

Когда я спросил Анастасию, почему она так уверена в решениях земных правительств, последовал следующий ответ:

— Так просчитал их аналитический центр. Вывод центра верен. Сегодняшний уровень осознанности большинства землян посчитает предложенное инопланетянами высшим проявлением гуманности космического Разума.

— И что же это за предложения?

— Они чудовищны, Владимир. Мне неприятно о них говорить.

— Скажи хотя бы о главных. Интересно ведь знать, что это за чудовищные предложения, которые с радостью будут восприняты на Земле? На которой и я живу, и ты.

— Инопланетяне планируют высадить сначала небольшой десант, состоящий из трёх летательных аппаратов, на территории России. Окружившим их военным они сообщат о желании встретиться с правительственными кругами на предмет сотрудничества. Они представятся военным как представители высшего Разума Вселенной и продемонстрируют им преимущество своей техники.

После совещаний в военных, научных и правительственных кругах, примерно через четырнадцать дней, им будет предложено конкретизировать свои предложения, но сначала пройти обследования на предмет безопасности общения с ними.

Пришельцы согласятся на обследование и представят в письменном виде и на видеокассетах свои предложения. Текст будет изложен в форме, очень близкой к официальным сегодняшним документам, и отличаться будет предельной простотой.

Содержание текста примерно такое:

“Мы, представители внеземной цивилизации, достигшей наибольшего технического развития относительно других разумных обитателей галактик, считаем людей Земли своими братьями по разуму.

Мы готовы поделиться с земными сообществами своими знаниями в различных областях науки, социального обустройства общества, предоставить свои технологии.

Мы просим рассмотреть наши предложения и отобрать из них наиболее приемлемые для усовершенствования жизни каждого члена общества”.

Далее множество конкретных предложений, суть которых сводится к следующему.

Пришельцы предоставляют свои технологии по обеспечению всех жителей страны пищевыми смесями, быстрому строительству жилых помещений для каждого, достигшего совершеннолетия, человека. Таких помещений, которые ты уже видел, только с меньшими функциями. Они для примера поставляют в страну свои мини-заводы. Совместят инопланетные заводы с существующими земными, но через пять лет всё земные технологии будут утилизированы. Их сменят технически более рациональные. Все желающие обеспечиваются работой. Мало того, необходимый минимум трудозатрат по обслуживанию техники должен приложить абсолютно каждый житель земли.

Страна, заключившая контракт с пришельцами, будет полностью защищена от военного вторжения со стороны других стран. В обществе с новым социальным обустройством и технически оснащенным бытом будет отсутствовать преступность. В предоставленной тебе квартире всё

необходимое реагирует только на команды, издаваемые твоим голосом, с только ему присущим тембром. Ежедневно перед употреблением пищи компьютер твоей квартиры по главному яблоку, составу выдыхаемого тобой воздуха и другим параметрам определяет твоё физическое состояние, приписывает соответствующий состав питательной смеси.

Каждый компьютер, установленный в индивидуальной квартире, соединён с основным. Таким образом, фиксируется местонахождение каждого человека, его физическое и психическое состояние. Любое преступление с лёгкостью можно раскрыть с помощью специальной программы основного компьютера, к тому же отсутствует социальная база, порождающая преступность.

В обмен пришельцы собираются просить у правительства возможность расселения представителей своей цивилизации в малообжитых регионах, — в основном в лесах — и право обмена индивидуальных садовых участков на построенные ими высоко оснащенные технически квартиры с пожизненным обеспечением всех желающих обменять свой участок.

Правительства соглашаются, так как у них, как они рассчитывают, сохраняется полная власть. Ряд духовных конфессий начинает проповедовать, что пришельцы — божьи посланники, так как они не отрицают ни одной из существующих на Земле религии. Религиозным лидерам, не верящим в их, божественное совершенство, противостоять пришельцам невозможно из-за притяжения их большинством населения страны, заключившей договор. К сотрудничеству с пришельцами начинают стремиться остальные страны. Через девять лет с момента их появления на Земле на всех континентах земли, во всех странах стремительно внедряется новый образ жизни, по всем информационным каналам пропагандируются всё новые и новые достижения в технике и социальном обустройстве. Большинство населения прославляются представители космического Разума как более совершенные братья по разуму, как божества.

— И не зря прославляются, — заметил я Анастасии. — нет ничего плохого в том, что на земле не будет войн, преступности. У каждого квартира, пища будет и работа.

— Владимир, разве ты не понял, что человечество, приняв инопланетные условия, откажется при этом от своего нематериального, Божественного “я”. Оно само убьёт себя. Останутся лишь материальные тела.

— И каждый человек, Владимир, на биоробота всё больше станет походить. И все земные дети биороботами будут нарождаться.

— Но почему?

— Все люди будут вынуждены каждодневно обслуживать те механизмы, которые обслуживают внешне их. Всё человечество в ловушку попадёт, отдаст свою свободу и детей своих за совершенство техники искусственной. Интуитивно вскоре ощутят свою ошибку многие земляне, и тогда самоубийством жизнь свою кончат они начнут.

— Странно. Чего ж им будет не хватать?

— Свободы, творчества и ощущений, что предоставить может лишь с божественным твореньем сотворенье.

— А если парламенты, правительства из разных стран на соглашения с инопланетянами пойти не захотят, тогда что будет? Человечество они начнут уничтожать?

— Тогда пути иные начнут инопланетные умы искать, чтоб всех людей в ловушку завести. Уничтожать им человечество нет смысла. Ведь цель у них — взаимосвязь познать творений всех земных, воспроизводство силою какой творится. Без человека ничего подобного ведь не вершится. Сам человек — главнейшее звено в цепи гармонии земного сотворенья. И лучи солнышка есть часть энергии и чувств, что люди многие воспроизводят. С сегодняшним сознанием люди земли пришельцам не страшны. И многие земляне уже сейчас стараются пришельцам помогать.

— Как так? Кто это среди нас для них старается? Значит, есть предатели среди людей? Они на них работают?

— Работают, но не предатели те люди. Невольно получается пособничество их, не злобно, не намеренно. Причина главная в неверии в себя и в совершенство сотворении Бога.

— Какая здесь взаимосвязь?

— Простая. Когда мысль допускает человек, что он не совершенное творенье, когда вдруг начинает представлять, что на других планетах существа живут его по разуму сильнее, он сам, своею мыслью и подпитывает их. Сам человек свою божественную силу принижает и не божественным созданием силу придаёт. Они энергию, производимую людскими мыслями и чувствами, уж научились собирать в единый комплекс и гордятся тем. Смотри, вот перед группой инопланетян стоит сосуд, в нём жидкость светится, то превращаясь в газ, а то твердея. Сильнее нет оружия у них, чем то, что в небольшом заключено сосуде. Потом они всё содержимое его на множество разделят

маленьких и плоских сосудов. Одна из стенок будет специальным отражателем. Себе подобное устройство они на грудь повесят. Такие есть уже у всех, что перед тобой сидят. Когда подобного устройства луч на человека направляют, то в человеке чувство страха вызвать можно, чувство поклонения или восхищения. И волю можно, и осознанность и тело человеческое парализовать. В луче том мысли множества людей заключены. Мысли людей о том, что есть сильнее кто-то во Вселенной, чем человек. Чем человек — творенье Бога. И эти мысли сконцентрированными против самих людей бороться могут.

— Выходит, мы им сами силу придаём, когда их превозносим себя умней?

— Да, это так. Умней себя, а значит, и умнее Бога.

— Причём здесь Бог?

— Мы все Его творенья. Когда считаем, что есть совершеннее в галактиках мира, тем самым подразумеваем себя несовершенными, несовершенными творенья Бога.

— Ну надо же, и много сейчас энергии такой накоплено в инопланетном мире?

— В сосуде, что стоит перед тобой, её достаточно, чтоб покорить три четверти примерно всех земных умов и чувствами людскими завладеть. Они считают, этого достаточно с лихвой. Потом начнётся поклонение и всей цивилизации земной. И увеличится их мощь.

— И что же, ничего поделать уже невозможно?

— Возможно, если неожиданно для них рискнуть. Ведь полный комплекс чувств людских, даже один всегда сильнее. И мысль возможно разогнать до скорости неведомой для тех, кто чувствами не обладает. И всю энергию, что собиралась в сосуде, можно нейтрализовать энергией мысли другой, что будет ярче, и уверенней, и совершенней.

— А ты, Анастасия, могла бы всю энергию, в сосуде содержащуюся, нейтрализовать?

— Могла бы попробовать, но тело мне своё для этого здесь нужно всё собрать.

— Зачем?

— Неполным будет комплекс чувств без тела. Материя — один из планов человеческого бытия. С ним человек сильнее сущностей вселенских.

— Так собери, чтобы разбить сосуд.

— Сейчас попробую не разбивая сделать что-нибудь. И вдруг перед собой увидел я Анастасию во плоти. Всё как в лесу было на ней, и кофточка, и юбка. Ступнями ног босых она стояла на полу и вдруг пошла неспешно к тем, кто восседал перед сосудом с жидкостью светящейся. Они увидели её. На лицах никаких эмоций бесчувственные инопланетяне не изобразили. Но только миг один не шевелясь сидели. Через секунду все зашевелились. Вдруг, словно по команде чьей-то, встали, и каждый медальон висящий на груди руками взял. Все медальоны лучами вспыхнули. Лучи направлены все в сторону идущей к ним Анастасии были.

Она остановилась, пошатнулась, назад шаг сделала вдруг небольшой, остановилась снова, улыбнулась, притопнула босой ногой и медленно, уверенно пошла снова вперёд.

Лучи, идущие от медальонов инопланетян, всё ярче становились, сливаясь в единое на Анастасии. Казалось, что через мгновение они испепелят одежду всю на ней. Но шла вперёд Анастасия. Вперёд ладони рук своих вдруг протянула и, отразившись от её ладоней, погасли несколько лучей, потом и остальные стали гаснуть.

По-прежнему не шевелясь, стояли инопланетяне. Анастасия подошла к сосуду, ладони рук на его стенки положила, погладила сосуд руками, ему шептала что-то. В сосуде жидкость вдруг забушевала, потом свет её стал потихоньку угасать, и вскоре по виду чуть голубоватой жидкость в сосуде стала. Как на земле обыкновенная вода.

Анастасия подошла к стоящей у стены и похожей на земной холодильник машине. К ней свою ладонь прижала, что-то прошептала, и из машины посыпались в приподнятую полу кофточки её квадратные какие-то цветные таблетки.

Анастасия подошла к по-прежнему стоящим в онемении инопланетянам и протянули крайнему из них таблетку, данную машиной. Инопланетянин пошевелился, как будто руку протянул навстречу, но тут же замер, потом в сторону стоящего пред всеми, наверное руководителя, стал пристально смотреть. И так стояла перед ним Анастасия примерно с полминуты с протянутой рукой. Потом к руководителю вплотную подошла и протянула для него таблетку. Руководитель через паузу таблетку взял, в рот положил. Анастасия обходила всех присутствовавших, и все теперь таблетки от неё спокойно принимали и ели их или глотали. Потом она от них ко мне пошла, на полпути остановилась, к группе сидящих повернулась инопланетян, рукой им помахала. И несколько инопланетян со своих мест встали, ей в ответ руками помахали. Со мною поравнялась Анастасия, усталым голосом сказала:

— Нам нужно возвращаться. Они сейчас таблетки приняли, что ускоряют мысль. Пусть попытаются осмыслить здесь произошедшее.

И всё закончилось. Я на траве по-прежнему лежал в лесу, как будто от глубокого проснувшись сна. Словно времени прошло совсем немного, а тело отдохнувшим мне казалось, как после здорового глубокого сна. Но голова... Внутри как будто бушевало всё. Как будто мысли сразу по разным направлениям текли. Картины, виденные на другой планете, все оставались полностью во мне. Что это было — сон? Гипноз? Или всё сразу — непонятно. В реальность видеть явь другой планеты, не земли, поверить было невозможно, и я спросил рядом сидящую Анастасию:

— Что это было — сон? Гипноз? Я всё запомнил и сейчас какой-то хаос в голове. Она в ответ:

— Владимир, сам как хочешь, расцени, какую силою видение перед тобой другой планеты представало. Коль беспокойным ощущаешь для себя вопрос, согласным будь с тем, что будто видел сон. Значения всё это не имеет. Значенье в сути, выводах и ощущениях от виденья. Над ними поразмысли, я ненадолго отойду.

— Да, ты иди, я поразмыслю сам.

Стал размышлять я об увиденном, один оставшись, конечно же, решил, что видел сон гипнотический какой-то.

Анастасия, сделав несколько шагов, вдруг повернулась, снова подошла ко мне, достала что-то из кармана кофточки своей, раскрытую ладонь мне протянула. Увидел я, лежала на ладони... Лежала на ладони таблетка странная, что видел на другой планете.

— Возьми её, Владимир, и без боязни можешь проглотить. Её из трав земных на той планете делают, где были мы. Она минут пятнадцать будет помогать мысль ускорять, и ты быстрее сможешь всё осмыслить.

Я взял с протянутой ладони таблетку маленькую, когда ушла Анастасия, съел таблетку.

ВЕРНИТЕ, ЛЮДИ, РОДИНУ СВОЮ

В начале самом диалог о родине с Анастасией мне непонятен был. Её суждения вначале даже ненормальными казались. Но потом... Я и сейчас о них невольно вспоминаю. Вспоминаю, как на вопрос, что делать надо, чтобы ни межпланетных, ни земных войн не было у нас? Бандитов не было, и дети чтоб здоровыми, счастливыми рождались? Она ответила:

— Всем людям надо посоветовать, Владимир: “Верните, люди, родину свою”.

— “Верните Родину” — ты, может быть, ошиблась, так сказав, Анастасия, есть родина у всех, просто не все на родине живут. Не родину вернуть — самим на родину приехать нужно — ты так сказать хотела?

— Владимир, не ошиблась я. Нет родины совсем у большинства людей сейчас живущих на планете.

— Ну, как же — нет. У россиян — Россия родина, у англичан — Англия. Все ж где-то родились, и, значит, родиной называться будет та страна, где человек рождён.

— Считаешь ты, что родину свою границей, кем-то обусловленною, нужно мерять?

— А чем ещё? Так принято. У всех государств границы имеются.

— Но если б не было границ, тогда чем свою родину ты обусловить мог?

— Тем местом, где родился, городом или селом, а может, вся земля была б тогда Родиной для всех.

— Могла б и вся Земля быть Родиной для каждого, живущего на ней, и всё вселенское ласкать могло бы человека, но для того соединить все планы бытия в единую необходимо точку. Ту точку родиной назвать своей, в ней сотворить собой любви пространство, всё лучшее вселенское соприкасаться будет с ним. С пространством Родины твоим. Собою через эту точку Вселенную ты будешь ощущать. Непревзойдённой силой обладать. В мирах других об этом будут знать. Тебе служить всё будет как Бог, создатель наш, того хотел.

— Ты лучше по-простому говори, Анастасия, я ничего не понял про планы бытия, как их соединить. Про точку, что я родиной своей могу назвать.

— Тогда с рожденья разговор нам нужно начинать.

— Ну, пусть с рожденья. Только ты не просто говори, а с толком для сегодняшнего дня. Ну, например, как видишь ты, как себе представляешь зарождение семьи, рождение и воспитание детей в условиях сегодняшнего дня. И чтобы дети все счастливыми рождались. Таковую можешь ты построить схему или нарисовать картину?

— Смогу.

— Так говори. Но только не про жизнь в лесу да про науку образности непонятную. Никто о ней не знает, только ты...

Я не смог договорить фразу. В голове как будто не один, а множество бурным потоком вопросов понеслись. И главные: “Почему мне стало интересно знать, что скажет мне про нашу жизнь таёжная отшельница? Откуда она знает не только внешние детали нашей жизни, но и внутренние переживания многих людей? Какие возможности у этой непонятной нау” образности?” Не мог сидеть. Встал, начал взад-вперёд ходить. Чтоб успокоиться и чтоб невероятность осознать, понять, стал рассуждать:

“Вот сидит под кедром спокойная молодая женщина. То не спеша по траве рукой проведёт, то внимательно на букашку какую-то смотрит, по её руке ползущую, то заду мается ненадолго. Сидит в тайге, вдалеке от бурной жизни городов и стран. От войн и перипетий всяческих цивилизованных миров. Но что, если она в совершенстве знает эту науку образности? Что, если она с её помощью может влиять на людей? Оказывать более сильное влияние на общество, чем правительства, парламенты и множество духовных конфессий? Невероятно! Фантастично, но... Есть реальные, конкретные факты, свидетельствующие об этом. Невероятные факты! Но они существуют в реальности.

Она научила меня за короткий срок писать книги. На это ей потребовалось всего три дня. Это она сыпет и сыпет непрерывным потоком информацию. Невероятно, но факт. Книги без рекламы с лёгкостью пересекают границы городов и стран. В книгах её образ. Этот образ неведомо как влияет на людей, вызывает в них творческий порыв. Тысячи поэтических строк, сотни песен бардов посвящены её образу. И она об этом прекрасно знала! Ещё в первой книге я приводил её высказывания на этот счёт. Тогда ещё ничего не было. Тогда её слова казались невероятным бредом, фантастикой. Но всё произошло точно так, как она сказала. И сейчас, когда я пишу эти строки, произошли ещё невероятные события.

Издательством “Проф-Пресс” в июле 1999 года выпущен сборник в пятьсот страниц с письмами и стихами читателей. Сборник выпущен в июле месяце, считающемся для книготорговцев “мёртвым сезоном”. Происходит невероятное: пятнадцатитысячный тираж раскупается за один месяц.

Выпускается ещё пятнадцать тысяч, но и они тут же раскупаются. Это событие не так зрелищно для сенсаций, преподносимых прессой, оно вообще выходит за рамки представлений о сенсациях необычностью стоящих за ним выводов. В эти выводы трудно поверить. Трудно поверить, что образ Анастасии меняет сознание общества.

Читающие испытывают потребность к действию. Люди в России и за её пределами самостоятельно организуют читательские клубы и центры, называя их её именем.

Новосибирский завод медицинских препаратов выпускает кедровое масло, о котором она говорила. В небольшой деревеньке Новосибирской области местные жители восстанавливают оборудование, стремятся получать целебное масло по её технологии, им помогают из города.

Но это она говорила, что возродятся сибирские сёла, что к родителям начнут возвращаться дети.

Она перенаправляет поток паломников от заморских святынь к родным. Только за два последних года дольмены в окрестностях Геленджика, о которых она рассказала, посетило более пятидесяти тысяч её читателей. Вокруг забытых ранее святынь сейчас высаживают люди цветы и сады. В разных городах высаживают кедры и другие растения по её методу.

Постановлением главы администрации Томской области учреждено предприятие “Сибирские дикоросы”. Ими отправлено в Москву четыре тысячи саженцев кедра.

О ней говорят учёные. Это её образ живой самодовлеющей субстанции уже парит над Россией. Но только ли над Россией?

Женщины в Казахстане собирают деньги на съёмку фильма об Анастасии; Надо же, казахские женщины хотят, чтоб был фильм о сибирской отшельнице!

Это её образ начинает куда-то вести людей. Куда? Какой силой? Кто ей помогает? Возможно, она сама обладает какой-то невероятной, неведомой ранее силой. Но почему она по-прежнему остаётся на своей полянке, по-прежнему возится с какими-то букашками?

Пока умники рассуждают, существует она вообще или не существует, она просто действует. Проявления её действий можно видеть, трогать, пробовать на вкус. Что означает эта наука образности?

Эти мысли тогда, в тайге, немного пугали. Хотелось быстрее опровергнуть или утвердиться в них, но рядом только она, спросить можно только у неё.

Сейчас спрошу... Она не способна солгать... Сейчас спрошу.

— Анастасия, скажи... Скажи, ты науку образности знаешь в совершенстве? Ты обладаешь знаниями древних тех жрецов?

С волнением я ждал её ответа, но без волнения спокойный голос отвечал:

— Я знаю то, что праотец мой тем жрецам преподавал. И то, чего сказать отцу жрецы не дали. И новое ещё сама познать, почувствовать стремилась.

— Теперь я понял! Я предполагал! Науку образности лучше всех познала ты. И ты перед людьми предстала, сама свой образ сотворив. Для многих ты богиня, добрая лесная фея, мессия. Так в письмах пишут о тебе читатели. Мне говорила, будто бы гордыня, самость — грех большой, что искренне я должен всё писать. И я предстал пред всеми недоделком, но ты сама при этом выше всех превознеслась, и то, что будет так, заранее сама об этом знала.

— Владимир, ничего перед тобой я не скрывала. Анастасия поднялась с травы, напротив меня встала, руки опущены, в глаза глядит и продолжает: — Мой образ лишь сейчас не каждому понятен. Но образ тот, другой, когда перед людьми предстанет, останется и мой. Похож мой образ будет на уборщицу, которая лишь паутину с главного снимает.

— Какую паутину? Скажи ясней, Анастасия, ещё что хочешь сотворить?

— Перед людьми хочу я образ Бога оживить. Его великую мечту для каждого понятной сделать. Его стремления в любви каждый живущий сможет чувствовать. Сегодня в этой жизни сможет стать счастливым человек. Дети сегодняшних людей все будут жить в Его Раю. Я не одна. Ты не один. И рай предстанет общим сотвореньем.

— Постой, постой. Теперь я понимаю, твои слова переломают многие ученья. Их авторы, последователи, набросятся не только на тебя, но и меня обхают. А мне зачем эти проблемы? Не буду я писать всё, что о Боге скажешь.

— Владимир, испугался ты лишь предстоящей непонятно с кем борьбы.

— Да, всё понятно мне. Обрушатся все те, кто разные конфессии возглавляют. Своих фанатов-последователей на меня будут натравливать.

— Не их — себя боишься ты, Владимир. Стыдишься сам предстать пред Богом. Не веришь в новый образ жизни свой. Считаешь, что не сможешь измениться.

— Причём здесь я? Тебе твержу о священнослужителях. И так уже многие из них на твои высказывания реагируют.

— И что же говорят они тебе?

— По-разному говорят. Некоторые нехорошо отзываются, некоторые наоборот, один священник православный с Украины со своими прихожанами ко мне приезжал, чтобы твои высказывания поддержать. Но он сельский священник.

— И что же из того, что сельским был приехавший к тебе священник?

— А то, что есть ещё другие, высокопоставленные. Им все подчиняются. Всё от них зависит.

— Но ведь и те, высокопоставленные, как о них ты говоришь, когда-то тоже в маленьких церквях служили.

— Неважно это. Всё равно писать не буду, пока хоть кто-нибудь из руководства серьёзного храма... Да что я говорю, ты ведь сама всё можешь наперёд сказать. Вот и скажи, кто будет противостоять, а кто тебе поможет. Да и найдётся ли хоть кто-нибудь, кто станет помогать?

— Какого же священник ранга тебя может убедить смелее быть, Владимир?

— Не ниже настоятеля или епископа ты можешь мне назвать кого-нибудь?

Лишь на мгновение задумалась она, как будто вглядываясь и во время, и в пространство сразу.

И прозвучал ответ невероятный:

— Уже помог, по-новому сказав слова о Боге, римский папа Павел Иоанн, — ответила Анастасия, — образ Христа и Мухамеда соединят в пространстве энергии свои, в единое сольются с ними образы другие. Ещё земной найдётся православный патриарх, и почитаемым в веках им сказанное будет. Но будет главным среди всех, внешне простых людей порывы вдохновенные. Тебе земной их статус важен, но ведь всего на свете истина важней.

И замолчала, опустив глаза, Анастасия, как будто что-то вдруг обидело её. Как будто ком к горлу подкатил, его она слотнула и вздохнула. Потом добавила:

— Прости, коль непонятно для твоей души я изъясняюсь. Пока не получается, но постараюсь я понятней быть, только ты людям расскажи...

— О чём?

— О том, что закрывать от них тысячелетиями стремятся. О том, что каждый в одно мгновение может в первозданный сад Создателя войти и с ним вершить совместные прекрасные творенья.

Я чувствовал, как нарастает в ней волнение. И сам стал почему-то волноваться и сказал:

— Ты не волнуйся, говори, Анастасия, я, может быть, смогу понять и написать.

А в том, что дальше поведала она, была предельная конкретность, простота. Уже потом, анализируя и вспоминая её слова, стал понимать, — какой-то есть, быть может, и немалый смысл в её словах: “Верните, люди, Родину свою”. А тогда, в лесу, переспросил Анастасию:

— Я понял, как всё это будет происходить. Я понял, если ты с лёгкостью способна производить картины из жизни тысячелетней давности, то, значит, тебе известны все учения, трактаты и ты откроешь людям их?

— Известны мне ученья, что в людях поклоненья вызывали.

— Все?

— Да, все.

— И веды сможешь полностью перевести?

— Могу. Только к чему на это тратить время?

— Но разве ты не хочешь, чтобы человечество узнало древнейшие учения? Ты мне о них расскажешь, я в книжке напишу.

— И что потом? Что с человечеством в итоге будет, как считаешь?

— Как что? Мудрее оно станет.

— Владимир, вся как раз уловка тёмных в том, что множеством учений они стремятся главное от человека скрыть. Часть истины, лишь для ума преподнося в трактатах, от главного старательно уводят.

— А почему ж тогда тех, кто ученья преподносит, люди называют мудрецами?

— Владимир, если позволишь мне, я притчу расскажу тебе. Ту притчу, что ещё тысячелетие назад в укромном месте шепотом друг другу передавали мудрецы. Много веков никто её не слышал.

— Расскажи, если считаешь, что притча может что-то пояснить.

ДВА БРАТА /ПРИТЧА/

В какие времена совсем неважно, супруги жили. Долго не было у них детей. В преклонном возрасте жена рожала двух сыновей, двух близнецов, двух братьев. Тяжёлыми те роды были, и женщина, родив двух сыновей, в иной мир вскоре отошла.

Отец кормилиц нанимал, старался выходить детей и выходил, и до четырнадцати лет растил. Но умер сам, когда пятнадцатый годок пошёл сынам. Похоронив отца, два брата в скорби в горнице сидели. Два брата-близнеца. Их три минуты разделяли в появлении на свет, и потому среди двоих один считался старшим, другой — младшим. После молчанья скорбного брат старший произнёс:

— Отец наш, умирая, свою печаль поведал нам о том, что мудрость жизни не успел нам передать. Как будем жить без мудрости с тобой, мой младший брат? Несчастливым род без мудрости наш будет продлеваться. Над нами могут посмеяться те, кто успел мудрость от отцов принять.

— Ты не печалься, — младший старшему сказал, — в задумчивости часто ты бываешь, быть может, время так распорядится, что ты в задумчивости мудрость и познаешь. Я буду делать всё, что скажешь ты. Я без задумчивости жить могу, и всё равно мне жить приятно. Мне радостно, когда день наступает, и когда закат. Я буду просто жить, трудиться по хозяйству, ты — мудрость познавать.

— Согласен, — старший младшему ответил, — только нельзя, оставшись в доме, мудрость отыскать. Здесь нет её, никем здесь не оставлена она, никто к нам сам не принесёт её. Но я решил, я старший брат и должен сам для нас обоих, для рода, что в веках продлится, всё мудрое, что в мире есть, найти. Найти и принести в наш дом, и подарить потомкам рода нашего и нам. Все, что есть ценного от нашего родителя, с собой возьму и обойду весь мир, всех мудрецов из разных стран, познаю все науки их и в дом родной вернусь.

— Твой долг будет путь, — брат младший сочувственно сказал, — есть конь у нас, возьми коня, повозку, побольше нагрузи добра, чтоб меньше бедствовать в дороге. Я дома остаюсь и буду ждать мудрейшего тебя.

Надолго братья расставались. Прошли года. От мудреца шёл к мудрецу, от храма в храм, ученья познавал востока, запада, на севере бывал и юге старший брат. Великолепной память у него была, ум острый схватывал всё быстро и легко запоминал.

Лет шестьдесят по миру шёл брат старший. Стали волосы и борода его седыми. Пытливый ум всё странствовал и мудрость познавал. И стал считаться из людей мудрейшим седой странник. Гурьбою следовали за ним ученики. Он проповедовал умам пытливым мудрость щедро. Ему внимали с восхищением и те, кто молод был, и старики. И впереди его о нём великая шла слава, селения оповещая на пути о мудреца пришествии великом.

И в ореоле славы, окружен толпой учеников подобострастных, к селению, где в доме был рождён, из которого ушёл он юношей в пятнадцать, где не был шестьдесят он лет, всё ближе подходил седой мудрец. Все люди из селения встречать его пришли, и младший брат с похожей сединой навстречу выбежал ликуя, и голову склонил пред братом-мудрецом. И в умилении радостном шептал:

— Благослови меня, мой брат-мудрец. Войди в наш дом, омою ноги я твои после дороги долгой. Войди в наш дом, мой мудрый брат, и отдохни.

Величественным жестом всем ученикам своим велел мудрец остаться на пригорке, принять дары встречающих, беседы мудрые вести и в дом вошёл за братом младшим. Сел у стола устало в горнице просторной величественный и седой мудрец. И младший брат стал тёплой водою его ноги омыв и слушать речи брата-мудреца. И говорил ему мудрец:

— Я выполнил свой долг. Познал учения великих мудрецов, своё учение создал. Я в доме ненадолго задержусь, теперь других учить, — в том мой удел. Но раз тебе я обещала дом мудрости принести, обещанное выполняя, я у тебя день погощу. За это время истины мудрейшие тебе, мой младший брат, я сообщу. Вот первая: все люди должны жить в саду прекрасном.

Чистым, с красивой вышивкою полотенцем ноги вытирая, хлопотал, всё угодить пытался младший старшему и говорил ему:

— Отведай, на столе перед тобой стоят плоды из сада нашего, сам для тебя их лучшие собрал.

Плоды разнообразные прекрасные вкушал мудрец задумчиво и продолжал:

— Необходимо, чтоб каждый на земле живущий человек сам родовое дерево взрастил. Когда умрёт, то дерево его потомкам доброй памятью останется. Оно и воздух для дыхания потомков будет очищать. Все мы хорошим воздухом должны дышать.

Заторопился младший брат, захопотал, сказал:

— Прости, мой мудрый брат, я позабыл открыть окно, чтоб воздухом ты свежим подышал. — Он занавесочки отдернул, распахнул окно и продолжал: — Вот воздухом двух кедров подыши. Их я посадил в тот год, когда ты уходил. Одну своей лопаткой лунку выкопал для саженца, а для второго ямочку твоей лопаткой копал, что ты играл когда-то, в детстве нашем.

Мудрец задумчиво на дерева взирал, потом проговорил:

— Любовь — великое есть чувство; Не каждому с любовью жизнь прожить дано. И мудрость есть великая — к любви днём каждым каждый должен устремиться.

— О, как ты мудр, мой старший брат! — воскликнул младший. — Великие познал ты мудрости, и я теряюсь пред тобой, прости, не познакомил даже со своей женой, — и крикнул к двери обращаясь: — Старушка, где же ты, моя стряпушка?

— Так вот же я, — в дверях весёлая старушка показалась, неся на блюде пироги парящие. — Я с пирогами задержалась.

Поставила на стол пирог, весёлая старушка игриво реверанс смешной пред братьями изобразила. И близко к брату младшему, своему супругу, подошла, сказала полупшепотом, но шёпот тот услышал старший брат:

— К тому ж ты, муженёк, прости меня, уйду сейчас, прилечь должна.

— Да что ж ты, непутёвая, вдруг отдыхать решила. У нас гость дорогой, мой брат родной, а ты...

— Не я, кружится голова, да и тошнит слегка.

— И от чего же так могло у хлопотушки у тебя случиться?

— Быть может, сам ты виноват, опять, наверное, дитя у нас родится, — со смехом молвила старушка, убегая.

— Прости, мой брат, — винился младший брат смущённо перед старшим, — не знает цену мудрости, всегда весёлою она была и в старости вот веселушкою осталась.

Задумчивым мудрец всё дольше оставался. Задумчивость его шум детских голосов прервал. Услышал их мудрец, сказал:

— Великую познать стремиться мудрость должен каждый человек. Как воспитать детей счастливыми и справедливыми ко всему.

— Поведай, мудрый брат, я жажду счастливыми своих детей и внуков сделать, ты видишь, вот вошли они, шумливые мои внучата.

Два мальчика не старше шести лет и девочка лет четырёх в дверях стояли и спорили между собой. Угломнить пытаясь ребятню, брат младший торопливо им сказал:

— Быстрее мне говорите, что у вас стряслось, шумливые, и не мешайте нам беседой заниматься.

— Ой, — меньший мальчик восклицал, — два дедушки из одного случились. Где наш, а где не наш, как разобрать?

— Так вот же наш дедулечка сидит, разве не ясно? И к младшему из братьев малышка внучка подбежала, к ноге щекой прижалась, за бороду трепала и щебетала:

— Дедулечка, дедулечка, к тебе спешила я одна, чтоб показать, как танцевать я научилась, а братья сами за мною увязались. Один с тобою хочет рисовать, он, видишь, досточку и мел принёс. Второй свирель несёт и дудочку, он хочет, чтобы ты ему на дудочке и на свирели поиграл. Дедулечка, дедулечка, но я ведь первая к тебе идти решила. Ты всем им так скажи. Отправь, дедулечка, их восвояси.

— Нет, первым я шёл рисовать, со мною брат уже потом решил идти, чтоб на свирели поиграть. — Заметил внук с куском досточки тонкой.

— Вас два дедулечки, вы рассудите, — внучка щебетала, — кто первым шёл из нас? Так рассудите, чтоб я первою была, а то заплачу горько от обиды.

С улыбкою и грустью на внучат смотрел мудрец. Ответ готовя мудрый, напрягал на лбу морщинки, но ничего не говорил. Засуетился младший брат, не дал продлиться паузе возникшей и быстро взял из детских рук свирель и, не задумавшись, сказал:

— Предмета нет для спора вообще у вас. Танцуй, красавица моя и попрыгушка, я подыграю танцу на свирели. На дудочке поможет мне играть мой милый музыкант. А ты, художник, нарисуй, что звуки музыки рисуют, и как танцует танец балерина, нарисуй. А ну-ка, быстро разом все за дело.

Брат младший на свирели мелодию весёлой и прекрасной выводил, и внуки увлечённо все одновременно вторили ему, своё любимое изображая. На дудочке старался не отстать в мелодии великий, в будущем известный музыкант. Как балерина, прыгала малышка, вся раскраснелась, радостно изображала танец свой. Художник будущий картину радостную рисовал.

Мудрец молчал. Мудрец познал... Когда окончилось веселье, встал:

— Ты помнишь, брат мой младший, зубило старое отца и молоток, мне дай их, я главный свой урок на камне вырубить хочу. Сейчас уйду. Наверно, не вернусь. Меня не останавливай, не жди.

Ушёл брат старший. Седой мудрец с учениками к камню подошёл, тропа тот камень огибала. Тропа, что странников за мудростью звала в края далёкие от дома своего. День проходил, ночь наступала, седой мудрец стучал, рубил на камне надпись. Когда закончил обессиленный седой старик, его ученики на камне прочитали надпись:

“Что ищешь, странник, — всё с собой несёшь, и не находишь нового теряешь с каждым шагом”.

Анастасия замолчала, притчу рассказав, и смотрит вопросительной глазам что понял я из притчи? — думает, наверное.

— Я, Анастасия, понял из притчи, что все мудрости, о которых старший брат рассказывал, младший брат в жизни конкретной претворил. Но только непонятно мне, кто брата младшего всем этим мудростям учил?

— Никто. Все мудрости вселенские в каждой душе людской заключены навечно с момента сотворения души. Лишь мудрствуя лукаво, себе в угоду от главного уводят часто души мудрецы.

— От главного? Но главное — в чём?

КАЖДЫЙ МОЖЕТ СТРОИТЬ ДОМ

— А главное, Владимир, в том, что и сегодня каждый может строить дом. Собою Бога чувствовать и жить в раю. Одно мгновенье лишь живущих на земле людей сегодня от рая отделяет. Осознанность у каждого внутри. Когда осознанности постулаты не мешают... Тогда, Владимир, посмотри...

Анастасия вдруг весёлой стала. Она схватила за руку меня и, увлекая к берегу озера, где голая земля была, заговорила быстро на ходу:

— Сейчас. Ты всё сейчас поймёшь. И люди всё поймут, читатели мои, твои.

Они собою суть земли определяют, своё предназначенье осознают. Сейчас, Владимир, вот, сейчас, мы в мыслях будем строить дом! И ты, и я, и все они. И, уверяю, мне поверь, мысль каждого соприкоснётся с мыслью Бога. В рай отворится дверь. Пойдём, пойдём быстрее. Я нарисую палочкой на берегу... Мы вместе дом построим с тем, кто в будущем с тобой строкой записанной соприкоснётся. В единое людская мысль сольётся. Способность Бога в людях есть, в реальности помысленное претворять. И не один дом будет на земле стоять. Всё каждый в тех домах сумеет осознать. Сам сможет чувствовать и понимать стремления божественной мечты. Мы будем строить дом! Они, и я, и ты!

— Анастасия, подожди. Есть очень много разных проектов домов, в которых люди современные живут. Какой же может толк быть оттого, что ты ещё один очередной проект предложишь?

— Владимир, ты не просто выслушай меня. Почувствуй всё, что нарисую я, и мысленно проект сам дорисуй, и каждый пусть его со мной рисует. О Боже! Люди, хоть попробуйте, прошу!

В каком-то радостном волнении Анастасия словно трепетала. Взывала к людям, и во мне всё больший интерес стал возникать к её проекту. И поначалу он простым казался мне, и в то же время ощущение возникало, как будто тайну необычную пред всеми отшельница Анастасия открывала. Вся тайна в необычной простоте была, а если по порядку, вот как всё звучало.

Анастасия продолжала:

— Сначала выбери себе из всех возможных мест благоприятных на земле своё, тебе понравившееся место. Место, в котором ты хотел бы жить. В котором пожелать и детям мог своим их жизнь прожить. И правнукам своим ты станешь доброй памятью. В том месте климат для тебя благоприятным должен быть. В том месте на века один гектар земли себе возьми.

— Но землю взять никто сейчас не может просто по желанию своему. Земля сейчас продаётся только в тех местах, где продавать хотят.

— Да, к сожалению, так всё и происходит. Обширна родина, но нет на ней даже гектара земли твоей, где мог бы для своих детей, потомков, создать ты райский уголок. И все ж настало время начинать. Из всех законов существующих воспользоваться можно наиболее благоприятным.

— Законов всех, конечно, я не знаю, но уверен в том, что нет закона у нас, позволяющего каждому на века иметь какое-то количество земли. В аренду фермерам дают и помногу гектар, но не больше; чем на девяносто девять лет.

— Что ж, для начала можно брать на меньший срок, но срочно нужно создавать закон, что б родина у каждого была, земля. От этого расцвет зависит государства. И если нет серьёзного закона, так, значит, его нужно создавать.

— Это легко сказать, а сделать трудно. Законы Дума Государственная пишет. Она должна в Конституцию какую-то поправку или главу внести. А в Думе партии между собою спорят, никак не могут о земле вопрос решить.

— Коль нет по силе партии такой, чтоб родину для каждого могла законом узаконить, тогда создать такую партию необходимо.

— А кто её создаст?

— Тот, кто о доме сотворённом прочитает и осознает, что означает родина для каждого, для каждого живущего сегодня человека, и будущего всей земли.

— Ну, ладно с партиями. Ты лучше о своём доме необычном расскажи. Мне интересно стало, что ты нового в проектировку сможешь привнести. Давай представим, что кто-то заимел гектар земли. Не райский, а какой-нибудь бурьянами поросший, лучшего, наверно, не дадут. И вот стоит он на своём гектаре — дальше что?

— Владимир, сам подумай, тоже помечтай. Какие действия твои могли бы быть, когда ты на своей земле будешь стоять?

ЗАБОР

— С начала... ну, сначала надо всё, конечно же, огородить забором. А то когда материалы начнёшь для строительства коттеджа завозить, растаскивать их могут. Да и когда посеешь, могут урожай потом воровать. Или ты против забора?

— Не против. Даже животные все метят территорию свою. Но только из чего ты свой забор построишь?

— Как — из чего? — из досок. Нет, постой. Из досок дороговато может получиться. Для начала столбы надо вкопать и проволокой колючей обнести участок. А потом всё же из досок, чтоб не видно было, что за забором делается.

— И сколько лет забор может стоять из досок без ремонта?

— Если хороший будет пиломатериал, если его покрасить или проолифить и столбы в той части, что в земле, смолой промазать, лет пять без ремонта простоит, и даже больше может.

— А потом?

— Потом подремонтировать, подкрасить забор нужно, чтоб не сгнил.

— Так, значит, постоянно нужно будет над забором хлопотать тебе. А твоим детям или внукам ещё больше он забот доставит. Не лучше ли всё: обустроить так, чтоб детям хлопоты не доставлять, не омрачать их взор гниющими строениями? Давай подумаем, как сделать попрочней и долговечнее забор, чтоб добрым словом тебя твои потомки могли вспоминать.

— Конечно, можно долговечнее. Кто же такого не захочет! Например, можно сделать столбы

кирпичные и фундамент кирпичный, а между столбами решетки чугунные литые, они не ржавеют. Такой забор может даже лет сто простоять. Но его строительство только очень богатые люди осият. Ты представь, гектар — это же четыреста метров по периметру. Такой забор не в одну сотню тысяч рублей обойдётся, а может и в миллионы рублей вылиться. Но зато он лет сто-двести простоит или больше. Его можно с вензелями какими-нибудь фамильными сделать. Потомки будут смотреть и вспоминать прадеда, а все кругом завидовать им.

— Зависть нехорошее чувство. Навредит оно.

— Ну, тут ничего не поделаешь. Говорю же тебе, хорошим забором огородить гектар немногие смогут.

— Значит, надо другой забор придумать.

— Какой другой? Ты сама можешь предложить?

— Не лучше ли, Владимир, вместо множества столбов, впоследствии гниющих, деревья посадить?

— Деревья? И что же, к ним потом прибить...

— Зачем же прибивать? Вот посмотри, в лесу деревьев множество растёт в полутора-двух метрах друг от друга их стволы.

— Да, есть, растут... Но между ними дырки. Не получается забор.

— Но можно между ними посадить кусты непроходимые. Ты посмотри внимательно, представь, какой забор прекрасный может получиться. У всех немножко разным будет он. И каждым любоваться станет взор. И вспоминать в веках творца прекрасного забора потомки будут, и на ремонт их времени не будет отвлекать забор и пользу принесёт. Не только как ограда будет функция его. У одного забор составить нужно из берёзок в ряд растущих. Другой из дуба. А кто-то в творческом порыве цветной, как в сказке, сделает забор.

— Какой цветной?

— Деревья разноцветные посадит. Берёзки, клён, и дуб, и кедр. Вплетёт рябину с гроздьями, красным горящими цветом, между ними ещё посадят и калину. Черёмухе, сирени место предоставит. Ведь всё продумать можно изначально. Понаблюдать каждому необходимо, как что растёт по высоте, как расцветает по весне, как пахнет и каких к себе влечёт пернатых. И твой забор поющим будет, благоухающим, и взгляд твой никогда не утомит, днём каждым изменяя полутона своих картин. То весны цветом расцветёт, то осени окраской запыляет.

— Ну, ты, Анастасия, будто поэтесса. Простой забор, а как всё повернула! Знаешь, мне очень понравился такой вот поворот. И как же люди раньше не сообразили? Ни красить его не надо, ни ремонтировать. А вырастет когда большим, ещё и на дрова использовать, а взамен новые сажать деревья, менять картину, будто рисовать. Вот только долго такой забор высаживать придётся. Если через два метра высаживать деревья, то надо выкопать двести ямок под саженцы. Да ещё кустарник между ними посадить. А технику, конечно, скажешь ты, использовать нельзя.

— Наоборот, Владимир. Её для данного проекта отвергать не стоит. И всё, что проявлением тёмных сил явилось, необходимо к светлым повернуть. Чтобы быстрее проект задуманный в жизнь воплотить, возможно плугом по периметру участка борозду прорыть, и саженцы в неё поставить. Сразу все саженцы и семена кустарника посеять, что ты решил между деревьев посадить. Потом плугом снова рядышком пройти и завалить землёй. Когда ещё не утрамбованной будет земля, поправить, выровнять в линейку каждый из саженцев.

— Вот здорово, так за два дня или три и одному можно целый забор воздвигнуть.

— Да.

— Вот только жалко, что такой забор пока не вырастет, преградой для воров служить не будет. А ждать, пока он вырастет, придётся долго. Кедр, дуб — они ведь медленно растут.

— Но быстро подрастёт берёзка и осина, меж ними быстро вырастет кустарник. Если торопиться, то саженцы деревьев и двухметровыми можно сразу посадить. Когда берёзка вырастет и можно спилить её и для хозяйства применить, взрослеющие кедр и дуб заменят спиленные.

— Ну, ладно, с живым забором можно разобраться. Он сильно мне понравился. Теперь скажи, какой конструкции коттедж ты видишь на участке?

— Быть может, сначала участок распланируем, Владимир?

— Ты что в виду имеешь, грядки разные для помидоров, картошки, огурцов? Так этим женщины обычно занимаются. Мужчины строят дом. Я думаю, что надо сразу строить один дом большой, коттедж шикарный в европейском стиле, чтобы потомки внуки добрым словом вспоминали. Другой домик поменьше, для прислуги. Участок ведь большой. На нём работать много нужно.

— Владимир, если правильно всё сделать изначально, прислуга тебе будет не нужна. С великим

удовольствием, с любовью всё окружающее тебе и детям всем твоим, и внукам будет служить.

— Такого не получается ни у кого. Даже у дачников твоих любимых. Они земли имеют соток пять, ну, шесть, и то на них с утра до вечера работают все выходные. А тут гектар. Да на него одних удобрений, навоза потребуется не меньше десятка машин каждый год завозить.

Навоза кучи надо по участку разбросать, перекопать потом всю землю. Иначе плохо будет всё расти. Ещё каких-то удобрений надо добавлять, их в магазинах специальных продают в мешках. А если не удобрить, неплодородной почва станет. И агрономы, что наукой о земле занимаются, это знают, и дачники на опыте своём в этом убедились. Надеюсь, с тем, что землю надо удобрять, согласна ты.

— Конечно, землю надо удобрять, но в том себя не надо утруждать. Бог всё заранее продумал так, что без усилий для тебя физических, однообразных, удобренной и в идеальном виде окажется земля, где ты захочешь жить. Тебе лишь надо с Его соприкоснуться мыслью. Цельность Его системы чувствовать, а не одним только умом решать.

— Так почему ж сейчас нигде и ничего на земле не удобряется по системе Бога?

— Владимир, ты сейчас находишься в тайге. Смотри вокруг, как высоки деревья, их стволы мощны. Между деревьями трава, кусты. Малина есть, смородина... да множество великое всего растёт в тайге для человека. А из людей никто даже за тысячи прошедших лет в тайге ни разу землю не удобрил. Но остаётся плодородною земля. Как думаешь, кем и как она удобрена?

— Кем?... Не знаю, кем и как. Но факт действительно ты привела серьёзный. Да, поразительно всё как-то с человеком происходит. Скажи сама, почему в тайге не требуются удобрения разные?

— Мысль и система Бога не нарушена в тайге до степени такой, как там, где человек живёт сегодня. В тайге с деревьев падает листва, и маленькие веточки срывает ветерок. И удобряется земля в тайге листком и веточкой, и червячком. И регулирует трава растущая состав земли. Кусты излишки кислого или щелочного ей помогают убирать. Листок, упавший с дерева, из удобрений тех, что знаешь ты, ничто не заменяет. Ведь он, листок, в себе энергий много космоса несёт. Он видел звёзды, солнце и луну. Не просто видел — он взаимодействовал с ними. И пусть проходит много тысяч лет, земля таёжная плодоносящей будет.

— Но на участке, где будет построен дом, нет тайги.

— Так запланируй! Сам лес из деревьев пород разных посади.

— Анастасия, ты лучше сразу расскажи, как сделать так, чтоб почва на участке всегда удобрена сама собой была. Это большое дело, потому что множество другой работы предстоит. Грядки сажать, с вредителями разными бороться...

— Конечно, можно рассказать в деталях и подробностях, но лучше, чтобы каждый свою мысль, душу и мечту призвал к строительству. Интуитивно каждый может ощутить, что для него приемлемее будет и детям и внукам радость принесёт. Единой планировка быть не может. Она индивидуальна как творца-художника великая картина. Она у каждого своя.

— Но ты примерно расскажи. Ну, как бы в общем.

— Хорошо — смотри, я начерчу немного. Но сначала главное пойми. Всё Богом создано во благо человеку. Ты человек и можешь окружающим всем управлять. Ты человек! Понять, почувствовать сумей своей душой, в чём настоящий рай земной...

— Ну а конкретнее, без философии. Скажи, где что сажать, где выкопать чего-нибудь. Какие выгодно культуры посадить, чтоб подороже продать можно потом было?

— Владимир, знаешь, почему нет счастья у крестьян и фермеров сегодняшнего дня?

— Ну почему?

— Побольше урожая получить стремятся многие, потом продать... О деньгах больше думают, не о земле. Не верят сами в то, что можно быть счастливым в родовом своём гнезде, считают, будто счастливы все в городах. Поверь, Владимир, всё, что в Душе творится, во внешнем непременно отразится. Конечно, внешняя конкретика тоже нужна, давай примерную представим вместе на участке планировку. Я лишь начну, а ты мне помогай.

— Ну, ладно, помогу. Ты начинай.

— Участок наш на пустыре. Пустырь живым забором обнесён. Ещё три четверти или половину давай займём под лес, посадим разные в нём деревья. По краю леса, что с оставшейся землёй соприкасается, живую изгородь посадим из кустов таких, чтоб не прошли сквозь них животные и не топтали огород с посевами. В лесу, из саженцев живых, посаженных друг к другу близко, соорудим загон, где будет жить потом, к примеру, козочка или две. Ещё из саженцев соорудим укрытие и для курей-несушек. На огороде выкопаем неглубокий пруд, размером сотки в две. Среди лесных деревьев кусты малины и смородины посадим, по краю землянику. Ещё в лесу, потом, когда деревья подрастут

немного, колоды три пустых для пчёл поставим среди веток. Беседку из деревьев высадим, где ты с друзьями или с детьми, укрывшись от жары, общаться сможешь. И спальню летнюю соорудим живую, и твою творческую мастерскую. И спальню для детей, и гостевую.

— Вот это да! Не лес тогда получится, а как бы и дворец.

— Только живым будет дворец, растущим вечно. Так всё задумал сам Творец. И человеку лишь задание всему необходимо дать. Всему по вкусу, замыслу и смыслу своему.

— А что же сразу так Творец не сделал? В лесу растёт всё как попало.

— Лес словно книга для тебя, творца. Внимательнее посмотри, Владимир, написано всё в ней Отцом. Вот, посмотри, три дерева растут всего лишь в полуметре друг от друга, ты волен их в линейку садить и разные другие конфигурации составить из множества подобных им. Между деревьями кусты, подумай, как их применить для наслаждения своей жизни. А вот деревья не позволяют травам и кустам между собой расти, и это можешь ты учесть для будущего дома своего живого. Тебе всему необходимо как бы задавать программу и корректировать её по вкусу своему. Лелеять, наслаждать тебя, детей твоих, всё, что в округе будет на твоём участке, лелеять и кормить.

— Чтоб прокормиться, надо огород сажать. А с огородом точно попотеешь.

— Поверь, Владимир, огород ведь тоже можно сделать так, что он не будет тебя сильно утруждать. И здесь всего лишь наблюдать необходимо. Меж трав, как всё растёт в лесу, могли бы и овощи расти, прекраснейшие помидоры, огурцы. Их вкус намного тебе приятней будет и пользы больше организму принесёт, когда вокруг не будет оголённой земля.

— А сорняки? Вредители, жуки не уничтожат разве их?

— Нет вообще в природе бесполезного, и сорняков ненужных нет. Нет и жуков, вредящих человеку.

— Ну как же нет! А саранча или, к примеру, колорадский жук, он, гадина, картошку поедает на полях.

— Да, поедает. Тем самым и показывает людям, что нарушают их неведенья самостоятельность земли. Противоречат замыслам Божественным Творца. Как можно каждый год в одном и том же месте упорно вспахивать, терзая землю? Словно рану незажившую скребками терзать, при этом требуя, чтоб благодать из ран возрастала. Жук колорадский или саранча к тому участку, что с тобой рисуем мы, не прикоснётся. Когда в гармонии возрастает всё великой, то гармоничны и плоды растущему даются.

— Но если так всё получается в конце концов, что на участке, придуманном тобой, не нужно человеку землю удобрять, не нужно ядами с вредителями разными бороться, прополкой заниматься и всё на нём само собой растёт, то что же человеку остаётся делать?

— Жить в раю. Как Бог того хотел. И тот, кто сможет рай такой построить, с мыслью Божественной соприкоснётся и сотворенье новое совместно с ним произведёт.

— Какое новое?

Ему придёт черёд, когда предшествующее сотворится. Давай представим, что мы не доделали ещё.

ДОМ

— Надо построить ещё дом добротный. Чтоб дети, внуки в нём жить могли и без проблем. Дом кирпичный, двухэтажный коттедж с туалетом, ванной и подогревом для воды. Сейчас возможно это сделать в любом частном доме. Я был на выставке и видел: много разных приспособлений разработано для удобств в частных домах. Или опять ты скажешь, не нужно применять технократические штучки.

— Напротив, нужно. Если на это есть возможность у тебя, необходимо заставить всё благому послужить. К тому же, плавный переход необходим в привычках. Но только внукам не нужен будет дом, построенный тобой. Они поймут, как подрастут. Им будет нужен дом другой. Вот потому не стоит усилий слишком много тратить и строить дом большой и слишком прочный.

— Анастасия, ты опять подвох какой-то заговорила. Всё отвергаешь, предложенное мной, и даже дом. А я считаю, дом, бесспорно, должен быть добротный. Ты говорила, вместе будем рисовать проект, а мне перечишь, что б я ни сказал.

— Конечно, вместе. Владимир, ведь я не отвергаю ничего, я лишь высказываю соображения свои. И каждый сможет для себя избрать, что ближе его нраву.

— Так ты побольше сразу бы и говорила о соображениях своих. Я думаю, никто понять не сможет, почему для внуков дом не должен оставаться.

— Любовь к тебе и память вечная другим их домом будет сохраняться. Внуки, когда возрастут, то обязательно поймут, какой для дома материал из всех помысленных земных для них приятнее, прочнее и полезней будет.

А у тебя сейчас такого материала нет. Построят внуки деревянный дом из тех деревьев, что дедушка ещё их посадил, и что отец и мать любили. Тот дом лечить, беречь от нечисти и вдохновлять на светлое их станет. Великая энергия любви в том доме будет жить.

— Да... Интересно... Дом из материала, из деревьев, что растили дед, отец и мать. А почему он будет в нём живущих охранять? Есть в этом мистика какая-то.

— Зачем же мистикой ты называешь светлую энергию любви, Владимир?

— Ну, потому что не всё понятно мне. Я о проектах дома и участка рассуждаю, а ты вдруг стала о любви твердить.

— Но почему же — вдруг? С любовью изначально всё и нужно сотворить.

— Что — и забор? И саженцы лесные тоже с любовью посадить?

— Конечно. Великая энергия любви и все планеты мироздания твои тебе помогут полной жизнью жить, присущей сыну Бога.

— Ну, ты совсем уж непонятно стала говорить, Анастасия. От дома, огорода к Богу перешла опять. Какая связь здесь может быть?

— Прости меня за непонятность изъяснения, Владимир. Позволь, попробую немножко по-другому говорить о значимости нашего проекта.

— Попробуй. Только он получается не наш, а твой.

— Всеобщий он, Владимир. Людские души многие его интуитивно ощущают. Его конкретизировать, осмыслить человеку не дают сиюминутные догматы, звуки пути технократического и науки, многие стремятся от счастья увести людей.

— Вот ты и попытайся всё изложить конкретнее.

— Да, попытаюсь. О, как хочу я быть понятной для людей! О логика Божественных стремлений, построить словосочетанья помоги ясней!

ЭНЕРГИЯ ЛЮБВИ

— Она, великая энергия любви, на землю посланная Богом для своих детей, приходит к каждому однажды. Бывает, и не раз, стремится обогреть собою человека и с ним остаться навсегда. Но большинство людей возможности остаться с ними энергии Божественной великой не дают.

Представь, встречаются однажды она и он в сиянии любви прекрасном. Стремятся жизнь свою соединить навечно. Считают, что прочней союз их будет скреплённый на бумаге, и ритуалом при скоплении свидетелей большим. Но тщетно. Лишь несколько проходит дней, энергия любви их покидает. И так почти у всех.

— Да, ты права, Анастасия. Разводится огромное количество людей. Процентом семьдесят. А те, что не разводятся, бывает, живут как кошка с собакой, или равнодушными живут друг к другу. Известно это всем, но почему такое в массовом порядке происходит, неясно никому. Ты говоришь, энергия любви их покидает, но почему? Как будто дразнит всех она или какую-то свою игру играет?

— Любовь не дразнит никого и не играет. Стремится с каждым вечно жить, но человек сам образ жизни избирает, и образ жизни тот энергию любви пугает. Любовь не может разрушению вдохновение дарить. Плоду любви негоже в муках жить, когда совместно начинают строить жизнь он и она. Когда в квартирке, словно в каменном, безжизненном стремятся поселиться склепе. Когда у каждого своя работа и интересы, окружение своё. Когда дел общих нет для будущего, нет совместного стремленья. Когда лишь плотскою утехой увлекаются тела, чтобы потом ребёнка своего отдать на растерзанье миру, в котором чистой нет воды, бандиты, войны и болезни. От этого энергия любви уходит.

— А если он и она имеют много денег? Или родители молодожёнам подарят не маленькую квартирку, а шести комнатную, в доме с новой современной планировкой, с охраной у подъезда, и машину подарят хорошую и денег в банке на счету молодожёнов будет много, — энергия любви в таких условиях жить согласится? Смогут он и она до старости в любви прожить?

— До старости им в страхе жить придётся без свободы и любви. И наблюдать, как всё вокруг стареет и гниёт.

— Так что же тогда нужно привередливой энергии любви?

— Не привередлива любовь и не строптивая, к Божественному сотворению она стремится. Навечно может обогреть того, кто сотворять любви пространство с нею согласится.

— А в том проекте, что рисуешь ты, есть где-нибудь любви пространство?

— Да.

— И где оно?

— Во всём. Оно сначала для двоих родится, потом для их детей. И у детей через три плана бытия связь будет со Вселенной всей.

Представь, Владимир, он и она начнут в любви осуществлять проект, что мы рисуем. Высаживать деревья родовые, травы, сад. И радоваться, как весной их сотворенья расцветают. Любовь навечно будет жить меж ними, в их сердцах, вокруг. И каждый будет представлять друг друга в цветке весеннем, вспоминая, как вместе дерево, что расцвело, сажали. И вкус малины вкус любви собой напомним. Он и она в любви друг к другу веток малины осенью касались.

В саду тенистом зреют прекрасные плоды. А сад сажали вместе он и она. Сажали сад в любви.

Она смеялась звонко, когда вспотел он, копая лунку, и капельки со лба его она своей рукой снимала и целовала губы жаркие.

Бывает в жизни часто так, что любит лишь один. Другой или другая только рядом находиться позволяют. Как только сад они свой возделывать начнут, энергия любви разделится, и не покинет никогда двоих! Ведь образ жизни будет соответствовать тому, в котором можно жить в любви самим и в продолжение детям передать любви пространство. И воспитать детей по образу, подобно совместно с Богом.

— Анастасия, о воспитании детей подробней расскажи. О воспитании читатели спрашивают многие. Если у тебя своей системы нет, так хотя бы из существующих, какая лучшая, скажи.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

— Для всех по воспитанию детей единой не найти системы хотя бы потому, Владимир, что каждый сам себе ответить на вопрос сначала должен, кого стремится воспитать в своём ребёнке.

— Ну, как кого? Человека, конечно же, счастливого и умного.

— Коль так, то самому сначала нужно стать таким. И если сам не смог счастливым стать, то надо знать, что помешало в том.

Мне очень хочется о детях говорить счастливых. Их воспитание, Владимир, это воспитание себя. Проект, что все вместе мы сейчас рисуем, поможет в том. Как дети нарождаются сейчас, тебе известно и известно всем. То, что рождению предшествует, недооценивают люди, и детям многим планы бытия, присущие лишь человеку, не додают, тем самым заведомо калек рождают.

— Калек? Имеешь ты в виду, без руки или ноги, или полиомиелитом больных?

— Не только внешне, рождённый человек, калеккой может быть. Плоть внешне может и нормальной казаться. Но есть второе “я” у человека, и комплекс полный всех энергий в каждом должен быть. Ум, чувства, мысль и многое другое. Но больше половины всех детей даже по современным весьма заниженным параметрам сейчас неполноценными считает ваша медицина. Когда захочешь убедиться в том, узнай, сколько есть школ сейчас для малышей дебильных. Такими ваша медицина их признала.

Но сравнивают их способности лишь с теми, кого считают сами относительно нормальными детьми. Но если бы увидели врачи, каким быть может ум и внутренние комплексы людских энергии в идеале, то единицы среди всех рождённых на земле нормальными пришлось считать.

— Но почему не очень полноценными рождаются все дети, как ты говоришь?

— Технократический стремится мир не допустить, чтоб у рождённых в единое три точки главные слились. Стремится технократия, чтоб нити с разумом божественным разорвались. И рвутся нити до рождения ребёнка. И ищет эту связь, потом мытарствуя по свету человек, и не находит.

— Какие точки главные? Какие нити с разумом? Я ничего не понял.

— Владимир, ещё до появления на свет ведь формируется во многом человек. И воспитание его со всем твореньем космоса должно соприкасаться. То, чем воспользовался Бог, творя свои прекрасные творенья, и сын Его не должен пренебречь. Три точки главные, три первых плана бытия родители должны представить сотворенью своему.

Вот точка первая рожденья человека, её название — родительская мысль. И в Библии об этом говорится, и в Коране: “Сначала было слово”, но можно и точнее сказать: “Сначала мысль была”. Пусть вспомнит тот, кто называется родителем сейчас, когда, каким он в мыслях замыслил своё дитя. Что предрекал ему? Какой мир для творенья своего создал?

— Я думаю, Анастасия, большинство не очень-то стремится думать до момента, пока не забеременела женщина. Так, просто вместе спят. Бывает, и не поженившись. А женятся, когда

беременной становится подруга. Потому что неясно, забеременеет она вообще или нет. И думать заранее не имеет смысла, когда неясно, будет ли вообще ребёнок.

— Да, к сожалению, так получается. В утехах плотских большинство людей зачато. Но человек, подобие и образ Бога, не должен следствием утех на свет являться. Представь иную ситуацию. Он и она в любви друг к другу и мыслях о сотворении будущем своём прекрасный строят дом живой. И представляют, как их сын или дочь в том месте будут счастливы. Как чадо их услышит первый звук — тот звук дыханье матери и пенье птиц творений Божьих. Потом представят, как отдохнуть захочет повзрослевший их ребёнок после дороги трудной и в сад придёт родительский, под сенью кедра сядет. Под сенью дерева родительской рукой в любви к нему и с мыслями о нём посаженного на земле родной. Посадка родового дерева родителями будущими точку первую определит, планеты призовёт на помощь им для сотворения будущего точка та. Она нужна! Она важна! И больше всех она присуща Богу! Она есть подтверждение тому, что будешь ты творить подобное Ему! Ему, Творцу Великому! И будет радоваться Он осмысленности сына Своего и дочери Своей. “Всему началом служит мысль”. Поверь, пожалуйста, Владимир. Потоки всех энергий космоса окажутся в той точке, где мысль двоих в любви в единое сольётся, где двое о творении прекрасном помышляют.

Точка вторая, а вернее, план человеческий ещё один родится, на небе новую зажжёт звезду, когда в любви и с мыслями творения прекрасного два тела во единое сольются в том месте, где строишь дом ты райский и живой для будущего своего ребёнка.

Потом в том месте девять месяцев должна прожить зачавшая жена. И лучше, если эти месяцы будут весны цветением, благоуханием лета, осени плодами. Где кроме радости, приятных ощущений, ничто её не отвлекает. Где звуки лишь Божественных творений окружают жену, в которой уж живёт прекрасным сотворением. Живёт и всю Вселенную собою ощущает. И видеть звёзды будущая мать должна. И звёзды все, и все планеты мысленно дарить ему, прекрасному ребёнку своему, мать может с лёгкостью всё это делать, ей будет всё под силу. И всё за мыслью матери последует без промедленья. И будет космос верным слугой прекрасному двоим в любви творению.

И третья точка, новый план в том месте должен получиться. Там, где зачат ребёнок был, там роды и должны случиться. И рядом должен быть отец. И над троими вознесёт венец великий любящий всех нас Отец.

— Вот это да! Не знаю почему, но даже захватило дух от слов твоих, Анастасия. Ты знаешь, я представил себе место, о котором ты говоришь. Да так представилось оно! Что захотелось самому поновому родиться в таком месте. Чтоб вот сейчас туда можно было бы прийти и отдохнуть в саду прекрасном, что отец и мать садили. Под деревом тенистым сесть, что перед моим рождением посадили для меня. Где зачат был и где родился. Где мать в саду гуляла с думой обо мне, ещё не появившимся на свет.

— Такое место с радостью великой встретило б тебя, Владимир. Коль плоть больна твоя, оно бы излечило плоть. Коли душа — то душу излечило. И накормило, напоило уставшего тебя. Объяло сном спокойным, и радостным рассветом разбудило. Но как у множества людей, сегодня на земле живущих, нет у тебя такого места. Не существует родины твоей, где планы бытия собраться воедино могут.

— Но почему так получается нескладно всё у нас? И почему детей полу дебильных продолжают матери рожать? Кто отнял это место у меня? Кто его отнял у других?

— Владимир, может, ты ответишь сам, кто место это не создал для твоей дочери, Полины?

— Что? Ты намекаешь, я виновен в том... Что нет его у дочери?

А КТО ВИНОВЕН?

— Но, я не знал, что можно сделать здорово вот так. Эх, жалко, жизнь нельзя назад вернуть и всё исправить.

— Зачем же возвращать? Жизнь продолжается, и каждому дано прекрасный образ жизни создавать мгновением любимым.

— Жизнь продолжается, конечно, только толк какой, ну, например, от стариков. Теперь они ждут, чтобы дети помогали им, а дети сами безработные сидят. К тому ж, детей как можно теперь воспитать, когда они все взрослые?

— И взрослым детям воспитание Божественное можно дать.

— Но как?

— Ты знаешь, хорошо бы старикам перед детьми своими извиниться. И извиниться искренне за

то, что мир без бед им предоставить не сумели. За воду грязную, за воздух непрозрачный.

И пусть стареющей рукой дом настоящий и живой начнут для деток повзрослевших возводить. Продлятся жизни дни у стариков, лишь только мысль подобная у них родится. А когда к родине своей рукою прикоснутся старики, поверь, Владимир, мне, и дети к ним вернуться. И пусть дом до конца не смогут старики взрастить, но смогут дети их на родине своей похоронить, тем самым им помогут снова возродиться.

— Похоронить на родине? А родиной считаешь ты участок родовой земли. Так что же, на участке этом, а не на кладбище родителей своих мы хоронить должны? И там им памятники ставить?

— Конечно, на участке. В лесочке, их рукой посаженном. А памятники рукотворные им не нужны. Ведь памятью о них всё окружающее служить будет. И каждый день о них напоминать не с грустью — с радостью всё окружающее тебе будет. И род бессмертным станет твой, ведь только память добрая на землю души возвращает.

— Постой, постой. А кладбище? Они, что, не нужны совсем?

— Владимир, кладбища сегодняшнего дня похожи на отхожие места, куда выбрасывают то, что никому не нужно. Даже совсем в недавних времена тела умерших хоронили в склепах родовых, в часовнях, храмах. И лишь безродных и заблудших вывозили за пределы поселений. Остался лишь искажённый ритуал с времён далёких — умерших вспоминать. Через три дня, потом дней через девять, через полгода, год, потом... Потом лишь ритуалу дань и отдаётся. Забвению умершая душа живущими сегодня постепенно предаётся. Нередко забывают и живых, когда даже родителей своих дети бросают, в далёкий край бегут от них. И в этом нет вины детей, они бегут, интуитивно ощущая родительскую ложь и безысходность собственных стремлений. От безысходности они бегут, и сами в тот же тупик попадают.

Устроено всё во Вселенной так, что вновь в материальном теле воплощаются первыми те души, которых воспоминанья добрые с земли зовут. Не ритуал, а искренние чувства. Они в живущих на земле появятся, когда умерший жизни образом своим оставит о себе приятные воспоминанья. Когда воспоминания о нём не ритуальны, а действительны, материальны.

Средь множества других людских вселенских планов бытия план человеческий материальный значение не меньшее имеет, и отношение к нему должно быть бережным.

Из тел родительских, что похоронены в лесочке, их рукой посаженном, взойдут трава, взойдут цветы, деревья и кусты. Их будешь видеть ты и наслаждаться ими. С кусочком родины, возделанной родительской рукой, ты будешь каждый день соприкасаясь, ты подсознательно общаться будешь с ними, они с тобой общаться будут. Об ангелах-хранителях ты слышал?

— Да.

— Те ангелы-хранители, далёкие и близкие родители твои, тебя беречь будут стараться. Через три поколения их души воплотятся снова на земле. Но и когда не будет их в материи земной, энергии их душ, как ангелы-хранители, в каждом мгновении тебе охраной будут. На твой участок родовой никто с агрессией войти не сможет. Энергия есть страха в каждом человеке. Эта энергия в агрессоре и возбудится. Болезней множество в агрессоре родится. Болезни, что от стрессов происходят. Они его впоследствии и уничтожат.

— Впоследствии, а он до этого может много пакостей натворить.

— Кто же захочет нападать, Владимир, если будет знать, что наказание неизбежно?

— А если знать не будет?

— Интуитивно это знает каждый человек сейчас.

— Ну, ладно, допустим, ты права с агрессорами, а с друзьями как быть? К примеру, в гости захочу я пригласить своих друзей. Они придут, а их начнёт пугать всё окружающее.

— Друзьям твоим, чьи помыслы чисты, всё окружающее будет радо, как и ты. И здесь собачку можно для примера привести. Когда к хозяину собачки друг приходит, его не тронет верный страж. Когда агрессор нападает, то верный пёс готов в смертельный бой с агрессором вступить.

И на участке родины твоей целебной будет каждая травинка и для тебя, и для твоих друзей. А дуновенье ветерка пыльцу целебную вам принесёт с цветов, деревьев и кустов. И предков всех твоих энергии с тобой. И в предвкушении сотворения планеты будут ждать твоих распоряжений.

И взгляд любимой отражаться будет на века от каждого цветов прекрасных лепестка. И будут нежно говорить с тобой в тысячелетьях, тобой воспитанные, твои дети. И будешь воплощаться в новых поколениях ты. И будешь сам с собою говорить, и будешь сам воспитывать себя. И будешь сотворения с Родителем своим творить. На родине твоей, в любви твоём пространстве Божественная будет жить энергия — любовь!

Когда Анастасия в тайге рассказывала об участке, от интонаций голоса её, от увлечённости

захватывало дух. Потом, уехав уже, эти строки написав, я часто размышлял: “Действительно ли каждому так важно иметь его? Как называет она кусочек этой родины своей? Действительно ли можно воспитать ребёнка, уже взрослого, последним своим вздохом? Действительно ли можно с помощью его родового участия, с родителями говорить и их энергии хранить будут тебя, и дух, и тело?”. И надо же случиться, что сомнения все случайно развеяла сама же жизнь. Случилось так...

СТАРИК У ДОЛЬМЕНА

Три года назад, приехав на Северный Кавказ, я писал первые главы о дольменах, к которым сейчас хлынули непрерывным потоком люди. Но тогда, редко кто заглядывал посмотреть на эти древнейшие сооружения наших предков. Я один часто приходил к дольмену, расположенному на земле фермера Бамбакова в посёлке Пшада Геленджикского района. И каждый раз вдруг появлялся у дольмена старик Бамбаков. Он всегда появлялся как-то неожиданно, в рубашке с заплатками и с баночкой мёда со своей пасеки.

Старик был высоким, сухощавым и очень подвижным. Землю получил он недавно, в начале перестройки, и создавалось впечатление, что он очень спешил всё на ней обустроить. Соорудил небольшой дом, навес для ульев, хозяйственные постройки из разного бросового материала. Начинать закладывать сад, копать небольшой пруд, считая, что забьёт родник в месте его копания, но наткнулся на скальные породы.

И ещё старик Бамбаков очень бережно относился к дольмену. Подметал вокруг него, складывал камешки с поля рядом с дольменом и говорил: “Эти камни принесены сюда руками людей, видишь, не похожи они на те, что в округе. Люди из них курган сделали, на нём дольмен соорудили”.

Хозяйство старика-фермера находилось в стороне от посёлка и дороги. Чаще всего он работал в нём один. И я думал: “Понимает ли он, как бессмысленны его усилия? Не поднять ему своё хозяйство, не обработать землю, не построить нормальный современный дом. Но если бы и произошло чудо, и удалось ему облагородить окружающую территорию, обустроить хозяйство, то вряд ли ему пришлось бы радоваться. Дети в города у всех стремятся. Вот и сын старика в Москве обосновался с женой, чиновником стал.

Неужели не понимает старик, что бессмысленны его усилия? Не нужны они никому, даже детям. С каким сердцем умирать ему придётся, зная, что ждёт запустение его хозяйство? Зная, что порастет всё бурьяном, изростятся его пчёлы? И дольмен, так неудобно стоящий посреди его поля, снова забросают мусором. Отдыхал бы лучше на старости лет, а он с утра до вечера всё что-то копает да обустроивает как заведённый”.

Однажды я пришёл к дольмену уже затемно. Дорожку, ведущую к нему, освещала луна. Вокруг тишина, лишь шелест листвы на ветерке. Не дойдя несколько шагов до деревьев, растущих вокруг дольмена, я остановился.

На камне, рядом с порталом дольмена, сидел старик. Я узнал его сухощавую фигуру сразу. Обычно подвижный и весёлый, старик сидел, не шевелясь и, мне показалось, плакал. Потом он встал, своей быстрой походкой прошёлся взад-вперёд вдоль портала дольмена, резко остановился, повернувшись лицом к дольмену, утвердительно махнул рукой. Я понял: старик Бамбаков общался с дольменом, разговаривал с ним.

Я повернулся и, стараясь помягче ступить, пошёл к посёлку. Думал по дороге: “Ну чем может помочь уже доживающему свой век человеку дольмен, его дух, каким бы сильным и мудрым он ни был? Чем? Разве только вот таким общением? Мудрость! Мудрость нужна в молодости. В старости куда с ней? Кому она нужна? Кто будет слушать речи мудрые, если даже дети за тридевять земель?”.

Полтора года спустя, в очередной приезд в Геленджик, я снова направлялся к дольмену, что в хозяйстве старика Бамбакова. Я уже знал, Станислав Бамбаков умер. И было немного грустно, что не увижу вновь этого весёлого, целеустремленного человека. Не попробовать больше мёда с его пасеки. А главное, не хотелось видеть снова мусор у дольмена и запустение вокруг. Но...

Дорожка, ведущая от трассы к хозяйству, оказалась чисто выметенной. Перед поворотом на тропу к дольмену среди деревьев стояли деревянные столики с лавочками вокруг, красивая беседка. Вдоль дорожки, обложенные аккуратно побелёнными камешками, зеленели саженцы кипарисов. В окнах домика и рядом, на столбе, горел свет.

Сын! Сын старика Бамбакова Сергей Станиславович Бамбаков оставил Москву, свою должность и поселился с женой и сыном в хозяйстве отца.

Мы сидели с Сергеем за столом под деревьями...

— Позвонил мне отец в Москву, попросил приехать. Приехал я, посмотрел и перевёз семью, — рассказывал Сергей, — вместе с отцом здесь и работал. В радость работа с ним оказалась. А когда он умер, не смог я это место оставить.

— Не жалеешь, что переехал из столицы?

— Нет, не жалею, и жена не жалеет. Каждый день отца благодарю. Комфортнее здесь намного нам стало.

— Удобства в доме сделали, воду провели?

— Удобства, туалет вон перед домом ещё отец сделал. Я другой комфорт имею в виду. Внутри, что ли, как-то комфортнее стало, заполненное.

— А с работой как?

— Работы здесь полным-полно. Сад возводить надо, с пасекой разобраться. Ещё не знаю до конца, как с пчёлами обращаться. Жалко, не успел навык от отца перенять. Людей всё больше к дольмену приезжает, встречаем каждый день автобусы, жена с удовольствием помогает. Отец просил, чтоб встречал я людей, и я встречаю. Стоянку вот оборудовал, воду подвести хочу. Да налогами давят. Пока средств не хватает. Хорошо ещё, что глава администрации хоть как-то помогает.

Я рассказал Сергею о том, что говорила Анастасия о земле, об участках, о памяти родителей, а он в ответ:

— Ты знаешь, права она! На сто процентов права. Умер отец, а я с ним каждый день словно разговариваю, иногда спорю. И всё ближе мне он становится, словно и не умер.

— Как это? Как ты с ним можешь разговаривать? Как контактёры, голос слышишь?

— Да нет, проще всё. Видишь воронку? Это он воду искал да со скальной породой столкнулся. Хотел я засыпать эту воронку, а на её место столик ещё один с лавочками поставить. Думал про себя: “Что ж это ты, батя, так не рассчитал, теперь работа лишняя, а и так дел много”. Только дожди пошли, с горы вода потекла, и заполнилась воронка водой, и держалась, не уходила из воронки вода несколько месяцев. Прудик маленький образовался. Я подумал: “Молодец, батя, пригодилась твоя воронка”. Ну и много ещё чего он тут задумал, пытаюсь осмыслить.

— Как же он всё-таки тебя, Сергей, от Москвы оторвал, какими словами?

— Да просто всё вроде бы говорил. Слова обычные. Помню только, чувства какие-то новые от слов его появились, желания, ну вот я и здесь. Спасибо тебе, батя.

Какие слова узнал старый Бамбаков, общающийся с дольменом? Какую мудрость познал, что смог вернуть к себе своего сына? Вернуть навечно! Жалко, похоронили Бамбакова на кладбище, а не на земле его, как говорила Анастасия. И ещё я завидовал Сергею белой завистью: нашёл или создал для него его отец кусочек родины. Будет ли когда-нибудь она у меня? Будет ли у других? Хорошо на полянке Анастасии. Хорошо у Бамбакова. Хорошо бы всем иметь свой кусочек Родины!

ШКОЛА, ИЛИ УРОК БОГОВ

После последнего посещения дольмена на земле Бамбакова и разговора с его сыном ещё ярче стал вспоминаться разговор с Анастасией о родине, о её проекте участка. Всплывали в памяти и палочкой начертанные Анастасией на земле отдельные участки будущих прекрасных поселений. И так всё увлечённо и с необычными интонациями в голосе она о них рассказывать пыталась, что будто слышалось как шелестит листва садов, покрывших пустыри, и чистая журчит в ручьях вода, и виделось, как среди них живут красивые счастливые мужчины, женщины. И детский смех и песни на закате дня. Меж тем от необычности и множество вопросов возникало:

— Но почему ты чертишь так, Анастасия, что будто бы участки не соприкасаются между собой?

— Так надо же, чтоб в поселении прекрасном проходы были, тропинки и дороги. Со всех сторон, от каждого участка до следующего, должно быть расстояние не меньше метров трёх.

— А школа в этом поселении будет?

— Конечно, посмотри, вот школа — в центре всех квадратиков она.

— Интересно посмотреть, какие в школе новой будут учителя, занятия как будут строиться. Наверно, так, как в школе Щетинина я видел. Теперь туда множество едет людей. Всем школа нравится лесная, что в Текосе. Много людей хотят такую же в своих местах создать.

— Школа Щетинина прекрасна, она — ступенька к школе, в которой в новых поселениях учиться будут дети.

Выпускники Щетинина их будут строить помогать и будут в них преподавать. Но главное не только в педагогах образованных и мудрых. Родители своих детей в тех новых школах будут обучать и сами у своих детей учиться.

— Но как родители вдруг все учителями могут стать? Разве у всех родителей будет высшее образование, да ещё специальное? Предметы разные, математику, физику, химию, литературу кто в школе будет детям объяснять?

— Образование у всех неодинаковым, конечно, будет. Но ведь познание предметов и наук не нужно самоцелью делать. Как стать счастливым главное познать, такое только родители своим примером могут показать.

Совсем не обязательно родителям в традиционном понимании школьный урок вести. К примеру, могут участвовать родители в дискуссии совместной или экзамен коллективно принимать.

— Экзамен? У кого экзамен могут родители принять?

— Экзамен у детей своих, а дети проэкзаменуют их, родителей родных.

— Родители у детей — экзамен школьный?! Да это ж просто смех какой-то. Тогда отличниками будут дети все. Какой родитель будет двойку ставить ребёнку своему? Конечно же, пятёрку любой родитель поставит сыну или дочери своей.

— Владимир, с выводами не спеши. Среди занятий, на сегодняшний школьный урок похожих, будут другие, главные, уроки новой школы.

— Другие? Какие?

И вдруг меня догадка осенила. Если Анастасия с лёгкостью показывает картины тысячелетней давности, неважно как у неё это получается, — с помощью луча, гипноза или ещё чего-то, но получается. Значит... значит, она может показать и ближайшее будущее, и я спросил:

— Ты можешь показать, Анастасия, хоть одно занятие в той будущей школе, что в поселениях новых будет? Урок нетрадиционный можешь показать?

— Могу.

— Так покажи. Я их сравнить хочу, что видел у Щетинина. И с теми, на которых сам учился в школе.

— А спрашивать не будешь и пугаться, какой силой я картины будущего сотворю?

— Мне всё равно, как сделаешь ты это. Мне посмотреть уж очень интересно.

— Тогда ляг на траву, расслабься и усни.

Анастасия на ладонь мою свою ладонь тихонько положила и...

Я увидел, словно сверху, посреди множества участков один, отличающийся своей внутренней планировкой от всех остальных. На нём было несколько больших, деревянных домов, соединённых между собой дорожками, по бокам которых разные цветочные клумбы. Рядом с комплексом построек природный амфитеатр: пригорок, на котором полукругом сверху вниз спускались ряды скамеек. На них сидело примерно человек триста людей разного возраста. Были среди них пожилые, уже с сединой люди и совсем юные. Похоже, расселись они семьями, так как сидели вперемешку взрослые мужчины, женщины и дети разного возраста. Все между собой возбуждённо разговаривали. Как будто им предстояло увидеть нечто необычное, концерт суперзвезды или выступление президента.

Перед аудиторией на деревянной площадке-сцене стояли два столика, два стула, сзади большая доска. Рядом с площадкой группа детей, человек пятнадцать, в возрасте от пяти до двенадцати лет о чём-то оживлённо спорили.

— Сейчас начнётся похожее на симпозиум по астрономии, — услышал я голос Анастасии.

— А дети здесь зачем? Не с кем оставить их родителям? — спросил я у Анастасии.

— Один из группки спорящих детей сейчас станет делать основной доклад. Они пока выбирают, кто это будет. Видишь, два претендента: мальчик, ему девять лет, и девочка, ей восемь лет. Теперь дети голосуют. Большинство выбрали мальчика.

Мальчик деловой, уверенной походкой подошёл к столику. Он доставал из картонной папки и раскладывал на столе какие-то бумажки с чертежами и рисунками. Все дети — кто степенно пошёл, кто побежал вприпрыжку к своим родителям, сидящим на скамейках. Рыжеволосая, вся в веснушках девочка — претендентка на выступление — шла мимо стола с гордо поднятой головкой. В её руках была папка побольше и потолще, чем у мальчика, наверное, в папке тоже были какие-то рисунки и чертежи.

Мальчик у стола попытался что-то сказать проходившей мимо него девочке-претендентке, но малышка не остановилась, поправила свою рыжую косичку, и прошла мимо, демонстративно отвернувшись. Мальчик некоторое время растерянно смотрел вслед удаляющейся гордой рыжеволосой малышке. Потом снова стал сосредоточенно переключать свои листочки.

— Кто же этим детям успел до такой степени астрономию преподавать, чтобы доклад перед взрослыми делать? — спросил я у Анастасии.

А она в ответ:

— Никто им не преподавал. Им было предложено самим поразмыслить, как всё устроено, подготовиться и представить свои умозаключения. Они больше двух недель готовились, и теперь настал ответственный момент. Их умозаключениям может оппонировать, кто захочет, они будут отстаивать своё мнение.

— Так это игра, получается?

— Можешь расценивать происходящее как игру. Только очень она серьёзная. У каждого из присутствующих сейчас будет включена и ускорена мысль о планетарном устройстве, а может, и о чём-то большем мыслить присутствующие начнут. Дети ведь мыслили две недели, думали, а их мысль ничем, никакими догматами не ограничена, никакие версии о планетарном устройстве над ними не довлеют. Ещё неизвестно, что они выдадут.

— Нафантазируют своим детским умом, хочешь ты сказать?

— Хочу сказать, представят свою версию. У взрослых ведь тоже нет аксиомы планетарного обустройства. Цель этого симпозиума не выработать какие-то каноны, а ускорить мысль, которая впоследствии и определит истину, или подойдёт близко к ней.

К второму столику подошёл молодой человек и объявил о начале доклада. Мальчик начал говорить.

Выступал он уверенно и увлечённо минут двадцать пять-тридцать. Его речь, как мне показалось, была сплошной детской фантазией. Фантазией, не обоснованной никакими научными теориями или даже элементарными знаниями курса астрономии средней школы. Мальчик говорил примерно следующее:

— Если вечером посмотреть на небо, там светится очень много звёзд. Звёзды бывают разные. Совсем маленькие звёзды бывают, и побольше. А совсем маленькие звёзды тоже могут быть большими. Только мы думаем сначала, что они маленькие. А они очень большие. Потому что самолёт когда летит высоко, маленький, а когда на земле мы к нему подойдем, он оказывается большой и много людей в нём могут поместиться. И на каждой звезде может много людей поместиться. Только нет сейчас на звёздах людей. А они вечером светятся. И большие светятся, и маленькие тоже. Они светятся, чтобы мы смотрели на них и думали о них. Звёзды хотят, чтобы на них мы так же хорошо всё сделали, как на земле. Они немножко завидуют земле. Они очень хотят, чтобы на них росли такие же, как у нас, ягоды и деревья, чтобы речка такая же была и рыбки. Звёзды ждут нас, и каждая старается светиться, чтобы мы обратили на неё внимание. Но мы ещё не можем к ним полететь, потому что у нас много дел дома; Но когда мы всё дома переделаем, и везде, на всей земле будет хорошо, мы полетим к звёздам. Только мы полетим не на самолёте и не на ракете. Потому что на самолёте долго лететь, и на ракете долго и скучно. И ещё на самолёте и на ракете все не поместятся. И много разного груза не поместится. И деревья не поместятся, и речка. Когда мы сделаем на всей земле всё хорошо, мы полетим к первой звезде всей землёй. Ещё некоторые звёзды сами захотят к земле прилететь и прижаться к ней. Они уже посылали свои кусочки, и кусочки их прижимались к земле. Люди сначала думали, что это кометы, но это кусочки звёзд, очень сильно захотевшие прижаться к красивой земле. Их послали звёзды, которые нас ждут. Мы можем подлететь к далёкой звезде всей землёй, и кто захочет, останется на звезде, чтобы там было, как на земле, красиво.

Мальчик поднимал свои листочки, показывал их слушавшим его. На листочках были рисунки звёздного неба, траектории передвижения земли к звёздам. На последнем рисунке две цветущие в садах звезды и удаляющаяся от них в своём межгалактическом полёте Земля.

Когда мальчик закончил говорить и показывать рисунки, ведущий сообщил, что желающие могут выступить в качестве оппонентов или высказать свои соображения по поводу услышанного. Но никто выступать не спешил. Все молчали и, как мне показалось, почему-то волновались.

— Чего это они волнуются? — спросил я у Анастасии. — Никто из взрослых астрономии не знает, что ли?

— Волнуются потому, что нужно говорить аргументированно и понятно. Ведь здесь присутствуют их дети. Если выступление будет непонятным или неприемлемым детской душе, к выступающему возникает недоверие или, ещё хуже того, — неприязнь. Взрослые дорожат отношением к себе, волнуются и не хотят рисковать. Боятся выглядеть неличеприятными перед собравшимися, а главное перед своими детьми.

Головы многих присутствующих стали поворачиваться в сторону сидящего в середине зала пожилого сидящего мужчины. Он обнимал за плечи маленькую рыжеволосую девочку, ту, что была одной из претенденток на доклад. Рядом с ними сидела молодая и очень красивая женщина. Анастасия прокомментировала:

— Многие смотрят сейчас на сидящего мужчину в центре зала. Это профессор университета. Он учёный. Он сейчас на пенсии. Личная жизнь у него вначале не ладилась, детей не было. Десять лет назад он взял себе участок, обустроить его один начал. Его полюбила молодая девушка и родилась у них рыжеволосая девочка. Молодая женщина рядом с ним — его жена и мать его дочери. Бывший профессор очень любит своего позднего ребёнка. И рыжеволосая девочка, его дочь, относится к нему в большом уважении и любовью. Многие присутствующие считают, что профессор должен первым выступить.

Но сидящий профессор медлил со своим выступлением. Было видно, как он теребил руками от волнения какой-то журнал. Наконец профессор встал и начал говорить. Он сказал что-то о строении Вселенной, о кометах, о массе Земли и в конце подытожил:

— Планета Земля, конечно, движется в пространстве и вращается. Но она неразрывно связана с Солнечной системой, и не может самостоятельно, без своей Солнечной системы передвигаться к удалённым галактикам. Солнце даёт жизнь всему живому на земле. Удаление от солнца повлечёт за собой значительное похолодание на земле и, как следствие, омертвление планеты. Все мы можем наблюдать, что происходит даже при относительно небольшом удалении от солнца. Происходит зима...

Профессор неожиданно замолчал. Мальчик-докладчик растерянно то перебирал свои рисунки, то смотрел вопросительно на своих сверстников из группы, с которой готовил выступление. Но, видно, для всех аргумент с зимой и похолоданием был весьма весомым и понятным. Этот аргумент разрушал красивую детскую мечту о совместном полёте. И вдруг в наступившей тишине, длившейся уже с полминуты, снова зазвучал голос сидящего профессора:

— Зима... Всегда жизнь замирает, если не хватает земле солнечной энергии. Всегда! Не нужно никаких научных теоретических изысканий, чтобы видеть это... убедиться... Но, возможно, такая же, как у солнца есть энергия и на самой земле. Только она ещё не проявила себя. Её ещё никто не открыл. Возможно, когда-нибудь вы откроете... Возможно, земля самодостаточной может быть. Эта энергия проявится в чём-то... Проявится на земле энергия солнца, и она будет раскрывать, как солнечная энергия, лепестки цветков. И тогда можно путешествовать на земле по галактике... Да, тогда...

Профессор сбился и замолчал. В зале послышался недовольный ропот. И началось...

Выступающие взрослые поднимались со своих мест и высказывались, опровергая профессора в части возможности жить без солнца. Говорили что-то о фотосинтезе, который происходит в растениях, о температуре окружающей среды, о траекториях движения планет, с которых ни одна планета не может сходить. А профессор сидел, всё ниже опуская сидящую голову. Его рыженькая дочь поворачивала головку в сторону каждого выступающего, иногда она привставала — казалось, хотела собой защитить отца от его оппонентов.

Пожилая женщина, похожая на учительницу, взяв слово, стала говорить о том, что нехорошо потакать, льстить детям ради расположения их к себе.

— Любая ложь будет выявлена со временем, и как потом мы все будем выглядеть? Это не просто ложь, это малодушие, — говорила женщина.

Рыжеволосая девочка вцепилась ручками в полы пиджака своего отца. Она стала трясти его, чуть не плача, приговаривая срывающимся голосом:

— Ты, папочка, соврал про энергию... Ты соврал, папочка? Потому что мы дети? Тётя сказала — ты смалодушничал. Смалодушничал — это плохо?

В зале под открытым небом наступила тишина. Профессор поднял голову, посмотрел своей дочери в глаза, положил руку на её плечико и негромко произнёс:

— Я поверил, доченька, тому, что сказал. Рыжеволосая малышка сначала замерла. Потом она быстро забралась ножками на сиденье и высоким детским голоском выкрикнула в зал:

— Мой папа не малодушничал. Папа поверил! Поверил! Девочка обвела взглядом притихших в зале. Никто в их сторону не смотрел. Она повернулась к своей матери. Но молодая женщина отвернувшись, опустив голову, то расстёгивала, то застёгивала пуговицы на рукаве своей кофты. Девочка снова обвела взглядом молчаливый зал, повернулась к отцу. Профессор по-прежнему как-то беспомощно смотрел на свою маленькую дочь. В абсолютной тишине снова, но уже негромко и ласково зазвучал голос рыжеволосой девочки.

— Люди не верят тебе, папочка. Они не верят потому, что не появилась ещё на земле энергия, которая может, как солнышко, раскрывать лепестки цветочков. А когда она появится, все люди тебе поверят. Потом поверят, когда появится. Потом...

И вдруг рыжеволосая дочь седого профессора поправила быстрым движением свою чёлку, спрыгнула в проход между сиденьями и побежала. Выбежав к краю зала под открытым небом, она

устремилась к одному из рядом стоящих домов, вбежала в дверь, через секунды две снова появилась в дверях. Девочка держала в руках горшок с каким-то растением. С ним она и побежала к уже пустующему столику докладчика. Она поставила горшок с растением на столик. И детский голосок, громкий и уверенный, зазвучал над головами присутствующих:

— Вот цветок. Закрылись его лепестки. Лепестки цветочков всех закрылись. Потому что нет солнышка. Но они сейчас откроются. Потому что есть на земле энергия... Я буду... Я превращусь в энергию, открывающую лепестки цветков.

Рыжеволосая девочка сжала свои пальчики в кулачки и стала смотреть на цветок. Смотреть не мигая.

Сидящие на своих местах люди не разговаривали. Все смотрели на девочку и стоящий перед ней на столике горшочек с каким-то растением.

Медленно встал со своего места профессор и пошёл к дочери. Он подошёл к ней, взял за плечи, пытаясь увести. Но рыжеволосая подёрнула плечиками и прошептала:

— Ты лучше помоги мне, папочка.

Профессор, наверное, совсем растерялся и остался стоять рядом с дочерью положив руки на детские плечики, и тоже стал смотреть на цветок.

Ничего с цветком не происходило. И мне было как-то жалко и рыжеволосую девочку, и сидящего профессора. Ну надо же ему было так вляпаться со своими высказываниями о вере в неоткрытую энергию!

Вдруг из первого ряда встал мальчик, делавший доклад. Он повернулся вполборота к молча сидящему залу, шмыгнул носом и пошёл к столу. Степенно и уверенно он подошёл к столу и встал рядом с рыжеволосой девочкой. Как и она, направил свой пристальный взгляд на растение в глиняном горшочке. Но с растением по-прежнему, конечно же, ничего не происходило.

И тут я увидел! Увидел, как из зала начали подниматься со своих мест дети разного возраста. Дети один за другим подходили к столу. Они молча вставали рядом и смотрели внимательно на цветок. Последней девочка лет шести тащила, обхватив двумя ручками, совсем маленького своего братика. Она протиснулась вперёд стоящих, с трудом, с чьей-то помощью поставила братика на находящийся перед столом стул. Малыш, поозиравшись на стоящих вокруг, повернулся к цветку и стал на него дуть.

И вдруг, на растении, в горшке стали медленно раскрываться лепестки одного из цветков. Совсем медленно. Но это заметили притихшие в зале люди. И некоторые из них молча вставали со своих мест. А на столе раскрывал свои лепестки уже второй цветок, одновременно с ним третий, четвёртый...

— Иии... — закричала восторженным детским голосом пожилая женщина, похожая на учительницу, и захлопала в ладоши. Зал разразился аплодисментами. К отошедшему в сторону от стоящих у цветка, ликующих детей и потирающему висок профессору бежала из зала молодая красивая женщина, его жена. Она с разбегу подпрыгнула, бросилась ему на шею и стала целовать его щёки, губы...

Рыжеволосая девочка сделала шаг в сторону своих целующихся родителей, но её удержал мальчик-докладчик. Она выдернула свою руку, но, сделав несколько шагов, повернулась, подошла к нему вплотную и стала застёгивать расстегнувшуюся на его рубашке пуговичку. Застегнула, улыбнулась и, быстро повернувшись, побежала к своим обнимающимся родителям.

Из зала к столу подходило всё больше людей: кто брал на руки своих детей, кто жал руку маленькому докладчику. Он так и стоял, протянув для рукопожатия руку, а ладонью второй руки прижимал только что застёгнутую рыжеволосой пуговичку.

Вдруг кто-то заиграл на баяне что-то между русской и цыганочкой. И притопнул ногой на сцене какой-то старик, а к нему выходила уже как лебёдушка толстоватая женщина. И зашлись в залихватской присядке двое молодых парней. И смотрел цветок раскрывшимися лепестками на залихватскую, завлекающую удалью всё больше народу, русскую пляску.

Картина необычной школы резко исчезла, словно экран погас. Я сидел на траве. Кругом таёжная растительность, да Анастасия рядом. А внутри какое-то волнение, и слышен смех людей счастливых, и звуки музыки весёлой пляски, и со всем этим не хотелось расставаться. Когда затихло постепенно звучащее внутри, Анастасии я сказал:

— То, что сейчас ты показала, совсем не похоже ни на какой школьный урок. Это какое-то собрание семей, живущих по соседству. И не было ни одного учителя, всё само по себе происходило.

— Учитель был, Владимир, там мудрейший. Ничьё внимание учитель тот собой не отвлекал.

— А родители зачем присутствовали? Из-за их эмоций переживания получились.

— Эмоции и чувства многократно ускоряют мысль. Подобные уроки в этой школе еженедельно происходят. Учителя, родители едины в устремленьях, и дети равными себя считают среди них.

— Но как-то необычным всё равно кажется участие родителей в обучении детей. Родители ведь не учились специальности учителя.

— Печально то, Владимир, что привычным стало для людей своих детей передавать другим на воспитанье. Кому — неважно. Школе или другим каким-то заведениям. Передавать своих детей, не зная даже зачастую, какое им внушать будут мировоззренье, какую уготовит им судьбу чьё-то ученье. Своих детей отдавший в неизвестность сам лишается своих детей. Вот потому и забывают матерей те дети, которых отдают матери кому-то в обученье.

* * *

— Настала пора возвращаться. Полученная информация так переполняла всего меня, что окружающее не воспринималось и не замечалось. С Анастасией простился как-то наспех. Сказал:

— Не провожай. Когда один буду идти, никто не помешает думать.

— Да, пусть никто не помешает тебе думать, — ответила она. — Когда придёшь к реке, там будет дедушка, он переправит тебя на лодке к пристани поможет.

Шёл один по тайге к реке и думал сразу обо всём увиденном и услышанном. Настойчивее всех вставал один вопрос: как же так получилось с нами, я имею в виду — с большинством людей? Родина вроде бы есть у каждого, а маленького собственного кусочка родины никто не имеет. И даже закона нет в стране, закона, гарантирующего человеку, его семье, возможность занять в пожизненную собственность хотя бы один гектар земли. Партии, правители, сменяя друг друга, обещают разные блага, но этот вопрос с кусочком родины для каждого обходят стороной. Почему? А ведь большая Родина состоит из маленьких кусочков. Родных, родовых маленьких местечек. Садов и домиков на них. Если нет таковых ни у кого, так из чего же тогда состоит Родина? Надо закон такой издать, чтобы был этот кусочек Родины у каждого. У каждой семьи, которая захочет его иметь. Закон депутаты могут принять. Депутатов мы все выбираем. Значит, надо тех выбирать, кто согласится такой закон принять. Закон. Как его сформулировать? Как? Может, так?

“Каждой семейной паре государство обязано предоставить по её просьбе один гектар земли в пожизненное пользование, с правом передачи по наследству. Сельхозпродукция, произведённая на родовых угодьях, никогда и никакими налогами облагаться не будет. Родовые угодья продаже не подлежат”.

Так вроде бы нормально. А если землю кто-то возьмёт, а делать ничего на ней не будет? Тогда надо ещё указать в законе:

“Если в течение трёх лет земля не обрабатывается, государство может её изъять”. Ну, а если человек хочет в городе жить, работать, а в поместье своё как на дачу приезжать? Ну и пусть. Рожать женщины всё равно в своё родовое поместье поедут. Тех, которые не поедут, их дети потом не простят. А кто закон будет проталкивать? Партия? Какая? Организовать надо такую партию. А кто будет организацией заниматься? Где таких политиков найти?

Надо как-то искать. Быстрее искать! Иначе умрёшь, а на родину так ни разу и не попадёшь. И внуки тебя не вспомнят. Когда же случится так, что появится возможность?... Когда можно будет сказать: **“Здравствуй, родина моя!”**?

* * *

Дедушка Анастасии сидел на брёвнышке у берега. Рядом чуть колыхалась на волнах привязанная у берега маленькая деревянная лодка. Пройти на вёслах до ближайшей пристани на другом берегу реки несколько километров вниз по течению несложно, но как обратно против течения грести будет? — подумал я, здороваясь со стариком, и спросил его об этом.

— Доберусь потихоньку, — ответил дедушка. Обычно всегда весёлый, он был в этот раз, как мне показалось, серьёзным и не очень разговорчивым.

Я сел с ним на бревно и сказал:

— Не могу понять, каким это образом Анастасия столько информации в себе содержит? О прошлом помнит и то, что сейчас происходит в нашей жизни, всё знает? А живёт в тайге, цветочкам, солнышку да зверюшкам радуется. Вроде бы и не думает ни о чём.

— А чего тут думать? — ответил дедушка. — Она её чувствует, информацию. Когда надо ей, берёт столько, сколько захочет. Ответы на все вопросы в пространстве, рядом с нами, их уметь принять, озвучить только нужно.

— Как это?

— Как... Как... Вот ты по улице идёшь тебе знакомого хорошо городка, о своём деле думаешь, к тебе прохожий неожиданно подходит и спрашивает, как пройти куда-то. Ты же ему сможешь дать ответ?

— Смогу.

— Вот видишь, просто всё. Ты думал о своём. Вопрос возник совсем не связанный с тем, о чём ты думал, но ты ответишь человеку. В тебе ответ хранится.

— Но это просьба объяснить как пройти. А если спросит у меня прохожий, что было в городке, где встретились мы с ним, ну, скажем, тысячу лет до момента встречи, ему никто не сможет дать ответ.

— Не сможет, если поленился. Всё в человеке каждым и вокруг него с мгновенья сотворения хранится. Садись-ка лучше в лодку, отчаливать пора.

Старик на вёсла сел. Когда от берега мы километр примерно отошли, молчавший дедушка заговорил:

— Ты в этой информации и размышлениях старайся не погрязнуть, Владимир. Действительность собой определяй. Собою ощущай материю и то, чего не видно, равномерно.

— К чему вы это говорите, непонятно мне.

— К тому, что в информации ты стал копаться, умом её определять. Но не получится умом. Объём того, что знает внучка, ум не вместит. И перестанешь ты вокруг тебя творящееся замечать.

— Да всё я замечаю. Вот речка, лодка...

— Так что же ты, всё замечающий, проститься с внучкой, сыном не сумел нормально?

— Ну, может, не сумел. О более глобальном потому что думал.

Я действительно ушёл, почти не попрощавшись с Анастасией, и всю дорогу думал так усиленно, что и не заметил, как у речки оказался, и добавил дедушке:

— Анастасия тоже о другом мечтает, о глобальном, ей сантименты разные и не нужны.

— Анастасия чувствует собой все планы бытия. И каждый не в ущерб другому ощущает.

— Ну и что?

— Бинокль достань из своей сумки, на дерево на берегу, где отходила лодка наша, посмотри.

На дерево в бинокль я посмотрел. На берегу рядом с его стволом стояла, сына на руках держа, Анастасия. На согнутой её руке висел узелок. Стояла с сыном и рукой махала вслед лодке удаляющейся по течению реки. И я рукою помахал Анастасии.

— Похоже, внучка с сыном за тобою шла. Ждала, когда закончишь размышления свои, о сыне вспомнишь и о ней подумаешь. И узелок тебе вон собрала. Но информация, полученная от неё, тебе важнее оказалась. Духовное, материальное, всё надо равномерно ощущать. Тогда и в жизни прочно, на двоих ногах будешь стоять. Когда одно преобладает над другим, словно хромым становишься. — Беззлобно говорил старик и вёслами сноровисто работал.

То ли ему, то ли себе я сам вслух пытался отвечать:

— Мне главное сейчас понять... Самому понять! Кто же мы? Где мы?

АНОМАЛИИ В ГЕЛЕНЖИКЕ

Уважаемые читатели, все, что написано мной в книгах, я услышал от Анастасии, увидел и пережил сам. Все события, это реальные события из моей жизни и описывая их, я указывал, особенно в первых книгах, реальные адреса и не вымышленные фамилии людей, о чём в последствии пришлось пожалеть. Всё чаще стали этих людей беспокоить любопытные.

Существенной проблемой стали и всевозможные слухи, события, и явления, которые связывают со мной и Анастасией. Своеобразная трактовка этих событий, и, следовательно, своеобразные выводы меня и беспокоят. Не со всеми из них я могу согласиться. Например, я против поклонения дольменам. Считаю, что с дольменами можно и нужно с уважением общаться, но не поклоняться им.

Среди читателей книг об Анастасии люди разных вероисповеданий, духовных конфессий, с разным уровнем образования. Считаю, что к любой трактовке событий нужно отнестись со вниманием. Каждый имеет право на собственное мнение, но тогда давайте говорить: “это моё мнение, мои предположения”. И, конечно же, не надо всё подряд мистифицировать, ни меня, ни Анастасию. Иначе можно превратить Анастасию из человека, пусть не очень обычного, в какое то необычное существо. Может она и есть на самом деле обычный человек, а необычными являемся как раз мы? Вот, пожалуйста, и сам сбился на указания. Это оттого, что меня беспокоят вот какие обстоятельства.

Сейчас с быстротой молнии распространяется слух об огненном шаре, с которым общается Анастасия. Помните, уважаемые читатели, я описывал в предыдущих книгах, как этот шар

появляется рядом с Анастасией в экстремальных ситуациях? Как он впервые появился, когда маленькая Анастасия плакала на могилке своих родителей, а потом учил её делать первые шажки по земле. Как защищал во время покушения на неё. На вопрос бабушки: “Что это такое?”, Анастасия ответила: “Он хороший”.

Да, она с ним общается, но не знает до конца, что представляет это природное явление. К чему я стал вдруг вспоминать об огненном шаре, появляющемся неизвестно откуда? Потому что именно этот шар, как утверждает масса свидетелей, появился над Геленджиком и произвёл некоторый переполох. Теперь недоброжелателями распускаются слухи, будто бы Анастасия может в случае чего с помощью этого шара чуть ли не разбомбить неудобных ей. Что она общается не только со светлыми, но и с тёмными силами. А тут ещё сами читатели масла в огонь подливают. И в Туапсе меня уже просили направить этот шар на Сочинскую администрацию, чтоб они так же стали прозревать, как Геленджикская.

Уважаемые читатели, я сейчас постараюсь рассказать, что было в Геленджике на самом деле и призываю вас отнестись к этому спокойно и рассудительно.

В Геленджике местное общественное объединение готовилось к проведению читательской конференции по книгам. Взаимоотношения руководства объединения с администрацией города были, мягко говоря, натянутые. А тут ещё и я во второй книге не лестно отозвался о старом руководстве города. На этом фоне... и надо же было такому случиться.

Во второй половине дня, 17 сентября 1999 года, в канун читательской конференции по книгам об Анастасии, в городе поднялся ветер, и началась гроза. На небольшой площади перед зданием администрации города вдруг появился огненный шар. Дальнейшие его действия, как теперь говорят, очень похожи на действия шара Анастасии.

Огненный шар, появившийся над Геленджиком, миновал громоотводы окружающих площадь зданий, коснулся к стоящему посередине площади дереву. Потом из огненного шара выделились несколько огненных шаров или лучей поменьше. Один влетел в кабинет главы администрации города, полетел по кабинету на глазах у присутствующих и вылетел.

Второй влетел в окно кабинета зам главы администрации Галины Николаевны, на какое-то время завис в воздухе, потом направился к окну, начертил на оконном стекле не стираемый до сих пор странный знак и улетел.

Далее молва утверждает, что администрация Геленджикская стала святой или просветлённой. Считают, что именно после случая с огненным шаром, администрация решила принять меры к улучшению приёма приезжающих в город читателей, обустроить дольмены в окрестностях города, проводить ежегодные фестивали духовной авторской песни, ну и ещё многое другое, чего ранее делать не хотела.

Слух о случившемся пошёл с утверждением, — в Геленджике побывал огненный шар Анастасии. Я попытался выдвинуть версию, что это была шаровая молния, а схожесть её поведения с описанным в книге случайное совпадение. А администрация города всё равно вынуждена была принять какое-то решение. Не тут-то было. Мне сразу стали доказывать: “Случайностей не бывает. К тому же, тут не одна случайность, а целая цепь”. И утверждать: “Когда случайности слагают последовательно некую цепь, то это называется закономерностью”.

Конечно случайности, можно сказать, сложились в цепь: Пока непонятно, как шар миновал громоотводы? Почему он коснулся стоящего над площадью большого дерева, полыхнул, громыхнул над ним, но не уничтожил, а полетел к окнам администрации? Полетел именно к тем кабинетам, в которых находились люди, способные решать вопросы, связанные с приездом в город читателей? Почему администрация, после посещения огненного шара сразу положительно решила массу вопросов? Почему после появления этого шара конференцию пришла приветствовать председатель законодательного собрания? И т. д.

Молва стала утверждать, что глава администрации города Геленджика и весь административный аппарат так изменились, что теперь Геленджик начнёт процветать, и станет, как говорила Анастасия “...богаче Иерусалима и Рима”. Другие утверждают, — шар всех напугал.

Приехав в Геленджик, я встречался и с главой администрации города и с заместителем. Видел начерченный огненным шаром на стекле знак, трогал его. Ощущал необычный запах в кабинете, он похож на запах ладана и серы. Но не ощущал никакого испуга. Наоборот, например, Галина Николаевна — заместитель главы администрации стала даже более весёлой, чем раньше. Она тоже рассказывала мне, как всё происходило, и спросила: “Как вы считаете, это было неким знаком?”.

В общем, обстоятельства сложились так, что версию с обычной шаровой молнией не воспринимали. А меня стали обвинять в упрощении ситуации.

Не скрою, я действительно пытался её упростить, и не только эту ситуацию. Почему? Потому, что располагаю информацией, как запугивают людей некоторые лидеры духовных конфессий необычными способностями Анастасии. Как утверждают, что эти способности не от Бога, а Анастасия не человек. Они пишут об этом статьи в своих духовных изданиях. Я представляю, как будет теперь муслироваться ситуация с появлением шара в Геленджике.

Я не собираюсь опровергать или доказывать принадлежность огненного шара к Анастасии — это уже бессмысленно. Здесь каждый останется при своём мнении. Я хочу попытаться вместе с вами, уважаемые читатели, хотя бы порассуждать, проявлением каких сил мог явиться посетивший Геленджик огненный шар?

В Библии говорится: “По плодам их, о них судите”. Каковы же плоды? Первое, огненный шар не нанёс никаких повреждений зданию администрации; Даже стекло, на котором он начертил свой знак, не выбил. Сохраняющийся в кабинете запах не производит неприятного впечатления. Галина Николаевна, хозяйка кабинета, разговаривала со мной в присутствии четырёх человек, и никто из них испуга в ней не чувствовал. Над стоящим на площади деревом шар громыхнул, произошла яркая вспышка, говорят, вроде бы дерево вспыхнуло. Но сейчас оно растёт в полном здравии. Администрация издала постановление по улучшению культуры обслуживания приезжающих в город читателей. Приняла решение об упорядочивании проведения экскурсий к дольменам, о которых говорила Анастасия. Я не вижу ни одного отрицательного последствия. Следовательно, плоды положительные.

Анастасия об огненном шаре говорит, что он действует только самостоятельно, ему нельзя приказывать, его можно только просить.

В своих книгах я пытаюсь точно, на сколько могу, описывать ситуации, увиденные своими глазами, почувствованные собой и услышанные собственными ушами. Относительно случая с огненным шаром в Геленджике каждый может выдвинуть любую свою версию. Но не хочется, чтобы кто-то использовал этот случай для запугивания людей.

К тому же, если дальше так пойдёт, то могут быть мистифицированы даже самые обычные ситуации. Теперь уже начинают, говорить о том, что этот огненный шар помогал мне выступать на конференции в Геленджике. Но это не так. Я не имею к нему никакого отношения. А в эти слухи внесла свою лепту и пресса.

Уважаемый “Огонёк” напечатал огромную статью, автор которой говорит: “...над страной проводится крупномасштабный эксперимент...” и пишет автор этой статьи обо мне: “...он выступал на протяжении восьми часов, я таких ораторов давно не видел”. А потом другая газета ещё и добавляет: “...при этом он был свеж как огурчик”. Все эти высказывания, мягко говоря, преувеличены и не точны.

Во-первых, на конференции я выступал не восемь часов, а только шесть. Два часа приплюсовали из моего выступления на второй день.

Что касается помощи, то она действительно была, но без всякой мистики.

В канун конференции в Геленджик приехала Анастасия. В ночь перед конференцией она сказала, что мне надо хорошо выспаться. Предложила выпить перед сном какого-то привезённого из тайги настоя, я согласился, потому что последнее время действительно долго не засыпал по ночам. Потом, когда лег, она села рядом, взяла за руку, как не раз делала в тайге (я описывал это в главе “Прикосновение к раю”). И я уснул, словно улетел куда-то. Когда она так делала в тайге, всегда наступала успокоенность.

Проснулся утром, за окном прекрасная погода, самочувствие отличное, настроение радостное.

На завтрак Анастасия предложила только кедровое молоко, сказала, что мясо лучше не есть, много энергии на его переваривание уходит. А мне и не хотелось мяса после молока. После кедрового молока вообще ничего есть не хочется.

Когда я выступал перед приехавшими на конференцию людьми, Анастасии рядом не было. Она некоторое время стояла тихонько в зале среди читателей, потом вообще ушла куда-то.

Уже после публикаций и слухов, мистифицировавших моё выступление на конференции, я и сам подумал, что

Анастасия как-то помогала, и сказал ей:

— Ты что, Анастасия, совсем забыла, что мне надо было усталым выглядеть, хотя бы к концу выступления? Ты зачем мистику на людей напускаешь?

Она засмеялась и ответила:

— Какая же мистика может быть в том, когда хорошо отдохнувший человек, в хорошем настроении с друзьями разговаривает? А то, что долго говорил ты, так это оттого, что мысль твоя

путалась, ты сразу несколько тем пытался охватить. Можно было бы короче и яснее фразы строить, но ты это не мог сделать ещё и потому, что туфли твои тесноваты, и ноги жмут, от этого кровь по жилкам с трудом циркулировала.

Вот видите как просто всё на самом деле? Нет никакой мистики и в моих выступлениях.

* * *

Уважаемые читатели! Всё больше приходит писем от вас с вопросом, почему ни я, ни Фонд “Анастасия” не отвечают на критические статьи книг в прессе, на оскорбления, на обвинения меня и всех читателей в сектантстве. Уважаемые читатели, времени жалко. Да и зачем отвечать тем, кто специально провоцирует скандал? В ноябре один журналист (Бы... его фамилия. Полностью не буду называть, чтоб в историю не вводить) умудрился один и тот же материал под разными заголовками сразу в пяти изданиях напечатать. Заголовки изменил, да фамилиями разными подписался. Фразы в тексте переставил, меня, конечно же, поносит, рассуждает о морали, этике, меркантильности. Чуть позднее редактора с ним сами разберутся. Я знаю, как редакторам такое не нравится. Не этичным в кругу журналистов такое считается. Гонорар, ведь, ему каждый выплати как за эксклюзив. Что ж я буду с ним спорить? Может человеку кушать нечего? Что касается грязи и лжи, которые он исторгает, то думаю, к Анастасии они не пристанут, на нём всё и останется.

Сейчас тема Анастасии популярной стала, наверное, ещё не одно издание попытается за счёт её поднять свой тираж? Вас, ведь, уважаемые читатели, уже более миллиона. Представьте, начну я полемику с пятидесятитысячным изданием, печатающим пасквили, вы, конечно же, захотите прочитать и тем самым резко поднимете им тираж. Не надо с ними спорить. Вам, ведь лучше знать сектанты вы или нет. **Если какое то издание наносит оскорбления, то самым лучшим ответом им будет ваш отказ от подписки на него.**

Что касается меня, то я могу общаться с вами только через свои книги. Здесь и постараюсь ответить на ряд вопросов.

Первое, в настоящее время никаким бизнесом не занимаюсь, только пишу. Ни к какой духовной конфессии не принадлежу. Пытаюсь сам разобраться, что есть что в нашей жизни. Но критики, лживых вымыслов в свой адрес, и Анастасии, наверное, будет ещё больше. Многому вероятно Анастасия преграждает дорогу.

Они ещё сами себя высветят. Но и сейчас ясно, сибирячка Анастасия представляет угрозу как некоторым духовным конфессиям, так и сразу нескольким промышленно-финансовым империям у нас и за рубежом.

Именно они старательно педалируют в прессе вопрос:

“Существует или не существует”, “Кто такой Мегре” и сами отвечают: “Не существует”, “Мегре — меркантильный предприниматель”. На самом деле они лучше других знают о существовании Анастасии.

Но им нужно во что бы то ни стало увести людей от самой сути информации. Во что бы то ни стало выключить источник информации, попытаться подчинить его себе и если не получится — уничтожить.

Похоже, они лучше и быстрее нас оценили исходящую от неё информацию. Они смеются над теми, кто вообще задаёт вопрос о существовании. Судите сами, может ли кто-нибудь сомневаться, слушая информацию по радио в существовании передающей станции? А пока кто-то с умным видом заикливался на вопросе “существует или не существует”, в Иркутской, Томской, Новосибирской областях шла интенсивная скупка и вывоз кедрового ореха. Скупка за валюту. По сообщениям из Новосибирска и Томска этим занимались представители Китая. 1999 год был урожайным на кедровый орех во многих регионах. Но Новосибирский завод медицинских препаратов не увеличит производство масла. Не хватает ореха. Ореха, из которого на западе делают дорогостоящие лекарства, тщательно скрывая, что в них является главным компонентом.

Помните, уважаемые читатели, ещё в первой книге я писал о том, что увозят орех за рубеж? И когда попытался навести справки о кедровом масле, получил предупреждение из Польши, “этот вопрос лучше не затрагивай”. В этом году они ещё успели урвать своё. В будущем посмотрим. В следующей книжке я расскажу, какой сюрприз подготовила Анастасия.

Я предприниматель. Хотел дописать обещанные книжки и заняться бизнесом. И намерений своих ни от кого не скрывал, сам о них ещё во второй книжке писал. Но теперь мои намерения изменились. В бизнесе с западными умниками посоревнуются другие сибирские предприниматели.

Намерения мои изменились потому, что организаторы критических публикаций продолжают

оскорблять и запугивать читателей, называя читателей сектантами, читающими мои, как они считают, глупые, не имеющие художественной ценности книжки. Конечно, я не имею ни высшего образования, ни опыта в литературном творчестве и тех, кто это всё имеет, раздражает популярность написанных мною книг. Особенно их раздражает, что при своём уровне образования я продолжаю отказываться от услуг редакторов. И уже просто ярость вызвало то, что я издал сборник в пятьсот страниц “В луче Анастасии звучит душа России”. А письма и стихи читателей, из которых состоит сборник, тоже не дал редактировать. При этом сам написал предисловие, сказав, что сборник является исторической книгой. Я и сейчас так продолжаю считать. А как можно считать иначе, если в сборник вошли письма с рассуждением о жизни, о предназначении человека, о сегодняшних чаяньях сегодняшних людей. Письма и стихи искренние, написаны людьми разного возраста, разного социального положения и вероисповедания. И этот сборник пользуется большой популярностью. Его популярность развеяла миф о том, что современному человеку нужны лишь детективы, да книжки о сексе. Люди готовы читать стихи, и пусть не очень профессиональные, но зато искренние.

Уже не раз мне заявляли: “Ты бросаешь вызов всей пишущей братии и нашему образованию. Тебя в порошок сотрут. Никто и никогда тебя не признает”.

Но я даже не собирался бросать кому-то вызов как писатель. Не собирался, но теперь, когда они даже в прессе пишут, объясняя популярность книг тем, что “...Россия страна глупая”, и все мои читатели дураки, сектанты, я им теперь отвечаю. Я стану писателем! Немножко ещё потренируюсь, поучусь, попрошу помочь Анастасию и стану писателем. Напишу новые и переиздам уже изданные книги в лучших типографиях мира. Сделаю книги об Анастасии, о людях сегодняшней России лучшими книгами нашего тысячелетия.

Тем самым и отвечаю нынешним и будущим критиканам, а пока я им так скажу:

“Господа критиканы, прощайте! Ухожу с Анастасией, пусть немножко наивной, но красивой, доброй и искренней. Мы уходим в наше новое тысячелетие с более чем миллионом читателей, в чьих сердцах живёт прекрасный и вдохновенный образ. А что в ваших сердцах, господа критиканы? Фу... не ползите в наше новое тысячелетие. Идите-ка вы... ну, в общем, в своё. В наше если и заползёте, так всё равно задохнётесь в нём от собственной злости и зависти. В нашем тысячелетии начнётся прекрасное сотворение, и будет чистым воздух, живая вода и благоухающие сады. И буду я в нём продолжать издавать новые сборники со стихами и письмами читателей. Назову их серией “Народная книга”. Вы пишете, что “стихи в них ужасные”, а я говорю — прекрасные.

Ещё буду выпускать аудиокассеты с песнями бардов о Душе, о России, об Анастасии. Вы говорите, что каждый может брэнчать на гитаре. А я говорю, что они поют Душой. И добавлю словами Анастасии: **“Нет ни в одной галактике струны, способной лучшим звуком издать, чем звук у песни человеческой души”.**

С началом нового, нашего тысячелетия поздравляю всех вас, уважаемые читатели! С началом прекрасного вашего сотворения на земле!

“Кто же мы”? так я хочу назвать следующую книгу.

С уважением к вам, уважаемые читатели,

Владимир Мегре